

Анастасия Елагина
По дороге сна

Анастасия Елагина

По дороге сна

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-445
Е47

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Елагина Анастасия

Е47 По дороге сна / Анастасия Елагина. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 152 с.
ISBN 978-5-0050-8726-3

Иногда даже богам нужна помощь людей. Простой работник порта по имени Роммин Дэйн и Адария, дочь правителя Эгасса, страны золотых песков, получают вещи сны, посланные Богиней. Как изменятся их жизни после того, как они решат исполнить волю Богини? Удастся ли Роммину достичь далекого Эгасса, а Адарии — спасти свой народ и обойти препятствие в виде деспотичного отца, не желающего верить своей дочери?

УДК 82-3
ББК 84-445

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Эта книга не имеет отношения к политике, но я посвящаю ее всем политическим заключенным в России.

| 1

Роммин Дэйн очнулся, когда море швырнуло ему в лицо холодные соленые брызги. Жадные, вечно голодные чайки кричали и кружили на фоне неприветливого серого неба. Они без тени страха бросались за добычей в темную воду, а затем уносили бьющуюся рыбешку в своих цепких лапах к скалам, затейливо разбросанным по берегу моря. Мужчина попытался пошевелиться, но понял, что крепко привязан к камню, одиноким зубцом торчащему у побережья. Очень хотелось пить, и он почти уже не чувствовал связанных рук, поднятых кверху так, чтобы чудовище могло беспрепятственно схватить его поперек тела, порвать веревку и утащить прямо в воду. Ноги его тоже были связаны, но, в отличие от рук, хотя бы не были прикручены к камню. Роммин мог стоять, опираясь на них, двигать пальцами и ступнями, хотя это никак не поможет ему, когда начнется прилив, и та жуткая тварь сможет подплыть поближе и сожрать его.

Паника начала накатывать на Роммина. От осознания собственной беспомощности дышать становилось тяжело, горло сдавил жуткий спазм. Богиня не была милостива к нему, раз он очнулся, и ему придется встретить свою смерть, находясь в сознании. Она не была милостива и тогда, когда корабль, на котором он плыл, налетел на рифы возле этих диких берегов. Насколько он мог судить, все остальные пассажиры корабля погибли, в том числе и его спутники-жрецы. Здешние земли были заселены лишь отсталым племенем вормтов, с которыми даже самые отчаянные купцы отказывались вести дела. Все знали, что эти дикари поклонялись морскому червю – жуткой длиннющей твари, которая издревле по какой-то причине вы-

брала себе местом обитания именно эту часть моря. «Быть может чудовище живет здесь как раз из-за того, что они столетиями скармливают ему людей?» — подумал мужчина, пытаясь как-то отвлечься от охватившего его ужаса.

Нет, Роммин Дэйн никогда не был трусом, но сейчас он был напуган. Богиня воистину решила жестоко подшутить над ним, когда во время шторма он молил ее сохранить ему жизнь. Ведь страшная смерть от зубов мерзкой морской твари после того, как ему удалось пережить кораблекрушение, не могла быть ничем иным, кроме как насмешкой судьбы. Судьба. Это слово напомнило Роммину о цели его путешествия на юго-восточный континент. Всего шесть недель назад он отплыл из родного города, ведомый, как ему тогда казалось, перстом самой Богини. Теперь мужчина задумался, не поспешил ли он, верно ли истолковал ее волю? Однако же мнение знающих (так называли жрецов при храме Богини) было вполне однозначным, когда он поведал им свой сон, явно посланный откуда-то свыше.

«Богиня вручила тебе путеводную нить, Роммин Дэйн. Это большая честь — получить от нее послание через сновидение. Все знаки из твоего сна указывают на Эгасс. Плыви на юго-восток, найди ту девушку. Богиня выбрала ее, скорее всего она хочет, чтобы девушка присоединилась к нам, знающим» — ответили ему жрецы. Знающие благословили Роммина, отправили с ним двоих своих жрецов, и он поплыл, ибо чтил Богиню, дорожил оказанной ему честью исполнить ее волю и надеялся, что сможет прославить свой скромный дом этим деянием. Только сейчас Роммин осознал, каким скоропалительным был его отъезд. Во время самого плавания он либо спал, либо пребывал в таком состоянии, что не мог мыслить ясно. Большую часть пути его сильно тошнило, он почти ничего не ел и сильно похудел.

Сейчас Роммин не отказался бы даже от кусочка черствого хлеба, он не знал, сколько находился без сознания и не мог припомнить, когда ел в последний раз. Вдобавок ко всему, с каждой минутой его все сильнее мучила жажда. «Быть может я все-таки потеряю сознание к тому времени, когда тварь выбо-

рется из моря, чтобы сожрать меня. Тогда по крайней мере я не почувствую боли» — подумал мужчина, обуреваемый гнетущими мыслями. Только недавно он был дома, бродил по улицам любимого города, переписывал под руководством своего дяди грузы в трюмах прибывших кораблей, помогал оформлять разрешения для разгрузки и находить пустые склады. Работа ему нравилась и не была в тягость. Каждый день в порту сулил новые впечатления, встречи с болтливыми матросами, любившими покрасоваться и потравить байки о своих приключениях в далеких землях. Роммину все это нравилось, но он без колебаний оставил свою жизнь и привычные обязанности, отправившись в неизвестный далекий Эгасс, следуя словам знающих и тому странному сну.

Мужчина поморщился, пытаясь пошевелить руками и восстановить движение крови. Он понимал, что если веревка высохнет и сожмется на его запястьях мертвой хваткой, то пальцы его вряд ли можно будет спасти. Роммин понимал также, что его попытки лишены смысла, ведь морской червь явится уже к ночи, и жить ему осталось очень недолго. Но он не мог вот так просто стоять, ничего не делая. Некоторое время мужчина упрямо продолжал шевелить конечностями, насколько позволяли веревки, и вскоре почувствовал волну покалывания в затекших руках и ногах. Когда они хотя бы частично вернулись к жизни, мысли снова одолели его усталый ум. Он прикрыл глаза, которые уже болели от ветра и соленых брызг, и сам не заметил, как задремал, погрузившись в спасительный сон. Мужчина тяжело обвис на веревках, которые неприятно впивались в кожу, но усталость тела оказалась сильнее причиняемых путами неудобств.

Роммин снова увидел, ставший уже привычным, вид города с большой высоты. Он стоял у окна белокаменной башни, глядя на нежно-розовое закатное небо. Солнце лениво заползло за горизонт, упрямо продолжая нагревать и без того раскаленные крыши далеких домов. С такой высоты они казались не больше горошины. Горячий воздух неровно, зыбко колыхался, делая открывающийся сверху вид похожим на непрочную

иллюзию. Крепостная стена далеко внизу, такая ослепительно белая днем, что на нее было больно смотреть, теперь окрасилась в мягкие цвета закатного неба. Там же внизу, на левой башне у ворот, вяло и неподвижно висел флаг Эгасса – крылатый лев с круглым изумрудом во лбу. Именно по флагу стало ясно, куда Богиня хочет направить Роммина.

Сон был, как и всегда, на редкость реалистичным. Роммин ощущал тяжелый жар воздуха всей своей кожей, несмотря на легкие одежды и едва уловимый здесь, на высоте, ветерок. Он посмотрел на свои руки, и сразу узнал их, именно эти руки он видел в каждом своем сне о далеком Эгассе. Крупные, но изящные и ухоженные кисти приятного шоколадного цвета покоились на рельефном рисунке, украшавшем белокаменное башенное окно. Руки эти явно принадлежали женщине и были унизаны дюжиной золотых колец, в одно из которых, имевшее форму глаза, был вставлен крупный камень бирюзы. Черные прожилки на нем были так причудливо расположены, что при первом взгляде на кольцо, казалось, будто на тебя смотрит узкий вертикальный зрачок. Камень тускло вспыхнул и погас, будто бы подмигивая Роммину, а затем случилось то, чего еще ни разу не было в этом сне-посланнике, – он ощутил легкий глухой толчок, за которым последовал сокрушительный грохот. Все вокруг – далекий розовый город, высокая башня, нежные руки в кольцах и закатное марево – вдруг исчезло. Роммин вздрогнул и проснулся.

Он тяжело дышал и не сразу осознал, что произошло. С трудом поднеся руки к голове, все еще кружащейся после кораблекрушения, мужчина вдруг понял, что он больше не является пленником скалы. Камень, к которому был привязан Роммин, пересекала вертикальная трещина толщиной с ладонь, по всей вероятности веревка не выдержала давления расходящихся частей камня и порвалась. Мужчина тут же быстро огляделся вокруг, но никого из племени дикарей рядом не было. Он принялся лихорадочно искать какой-нибудь острый обломок, чтобы перерезать остатки веревки на руках и ногах. Если

ему представился шанс на спасение, то нельзя его упускать. Как назло все камни были гладкими и скользкими, трудолюбивые морские волны давно обточили их, превратив в бесполезные кругляши. Роммин выругался и принялся тереть веревки на запястьях о трещину в длинном камне. Наконец она поддалась, и он начал распутывать ноги. Пальцы еще плохо слушались, онемение проходило медленно, но мужчина понимал, что нельзя терять ни минуты, и продолжал нетерпеливо дергать просоленную, осклизлую от воды веревку.

Что ждет его дальше? Куда ему идти? Где добыть еду и воду? Сейчас это не имело значения. Роммин знал одно – нужно уходить и как можно скорее. Возможно, грохот, который он слышал во сне, спугнул стражей-вормтов, если они были где-то поблизости, но надолго ли? Богиня все-таки пощадила его, но от дикарей этого ждать не стоит.

Роммин с большим трудом смог распутать веревку на своих ногах и наконец огляделся вокруг. Теперь он был свободен, однако что-то было не так. Неясная, легкая тревога заполняла сознание мужчины. Он снова осмотрелся и прислушался. Вот оно – все птицы исчезли, остров словно бы замер в настороженном ожидании чего-то. Но чего? Ум его лихорадочно заработал. Роммин не раз слышал от моряков истории о том, что птицы и животные могут предсказывать землетрясения или бури. На некоторых кораблях жили неры – грызуны, покрытые чешуей, очень похожей на рыбу. По их поведению часто предсказывали морские шторма. Если зверюшка начинала бегать по кругу в своей клетке, а потом застывала столбиком, значит жди непогоды на море. Неры были редкими зверями, мало кто мог позволить себе подобные траты, но Роммину посчастливилось один раз увидеть их. Капитаны обычно бывали суеверны и предпочитали не показывать неров никому, кроме членов экипажа, тем не менее, однажды Роммин, после описания груза, был приглашен вместе с дядей на «Кассиону» – одно из богатейших судов. Его дядя, Мэлон Дэйн, и капитан Корц были старыми друзьями. Корц предложил выпить

за завершение удачного рейса, а заодно решил похвалиться перед Мэлоном и Роммином своей удачей — ему удалось раздобыть трех детенышей неров. Тогда-то Роммин и увидел впервые этих чудных созданий. Детеныши были размером с маленькую крысу, их тельца покрывали мягкие переливающиеся чешуйки, отливавшие бледно-зеленым цветом. У Роммина они вызвали одновременно смутную неприязнь и какой-то странный интерес.

Однако сейчас и без nera было понятно, что дело неладно. Роммин все еще не решил, в каком направлении ему идти, чтобы избежать новой встречи с вормтами, но одно он знал точно — нужно двигаться как можно быстрее, пока есть возможность. Мужчина осторожно, опасаясь возвращения головокружения, слез со скалы. Его босые ноги оказались по щиколотку в прохладной морской воде, и Роммин побрел вдоль берега, решив, сам не зная почему, выбрать направление по левую сторону от камня.

Он прошел уже приличное расстояние, подгоняемый страхом снова оказаться плененным, но так и не встретил ни единой живой души. Птиц по-прежнему не было слышно, и это заставляло мужчину нервничать. Першение в горле становилось невыносимым, и желудок начал громко урчать, требуя пищи. Роммин понимал, что ему не уйти далеко в таком состоянии, и нужно где-то раздобыть пресную воду и еду, иначе он просто лишится чувств прямо на берегу. От отчаяния он уже собрался было направиться вглубь острова, но там, насколько хватало взгляда, везде лежал песок, лишь где-то далеко виднелись редкие деревья. Спрятаться здесь было практически негде.

В том направлении, куда он шел, побережье было усеяно невысокими скалами, едва ли выше его собственного роста, и редкими группками странных хвойных деревьев, чьи корни переплетались и поднимались над песком на порой на три фута. Глядя на них, казалось, что корни вот-вот оживут, и деревья пойдут, перебирая ими, словно длинными непослушными ногами, и перемалывая под собой белый шуршащий песок. Роммин

представил, как жутко они будут выглядеть ночью, при свете луны — черные силуэты на кривых ветвистых ногах, бросающие на пустой берег уродливые тени. Он поежился и поспешил вперед, раздумывая, подойдут ли для еды выброшенные на мокрый песок морские водоросли, но те источали такой отвратительный запах, что попробовать их мужчина так и не решился.

Время от времени Роммин оборачивался назад, каждый раз опасаясь увидеть погоню, но за ним никто не гнался. Это внушало надежду, хотя подозрительная тишина вокруг все еще тревожила его. Птицы по-прежнему молчали, и за все время, что он шел, мужчина не увидел в небе ни одного крылатого силуэта. Если они действительно скрылись в преддверии бури, то и ему нужно искать убежище. «Странно все это, — подумалось ему. — Неужели бури здесь бывают так часто?» Только вчера или пару дней назад (Роммин не знал, сколько он пробыл без сознания, прежде чем очнулся), сильный шторм потопил корабль, на котором он плыл, а теперь, судя по всему, стихия снова готовится пуститься в разгул.

Тут взгляд его упал на полосу прибоя, и странное поведение волн заставило мужчину остановиться и присмотреться к ним. Вода начала противоестественным образом отступать обратно в море, обнажая песчаное дно. Что-то здесь не сходилось. К вечеру должен был начаться прилив, а не отлив, потому его и привязали к камню, чтобы морская гадина могла подобраться поближе вместе с растущей водой и беспрепятственно сожрать принесенную ей жертву. А тут волны отползали в море, словно пугливый лесной зверек, торопливо отступающий в кусты при виде человека с ружьем.

Роммин окинул взглядом побережье, и везде картина была одинакова — вода схлынула, и целые феты песчаного дна выступили на поверхность. Шум прибоя внезапно стих. Тут и там трепыхались маленькие рыбки, которых родная стихия предательски оставила погибать, и Роммин, решив, что они вполне могут сгодиться в качестве еды, заторопился, насколько позволяли усталое тело и головокружение, подобрать бьющиеся серебри-

стые тельца. Он успел собрать около пяти штук, подогнул край разодранной грязной рубашки и сложил туда свою нехитрую добычу. Голова закружилась еще сильнее, и Роммин решил немного отдохнуть и отдышаться. Он побрел к ближайшей скале, на которую можно было присесть, снова проверил, нет ли за ним погони. Погони не было, но тревожное чувство, которое пробудили в нем исчезнувшие птицы, теперь стало еще сильнее из-за неестественной тишины вокруг. Без криков чаек, плеска волн и с застывшими на своих корнях-ходулях странными деревьями за спиной, Роммин почувствовал, что здесь стало совсем неудобно. Он вновь подумал о том, что нужно уходить как можно быстрее. Скоро здесь случится что-то страшное, никогда такое безмолвие в природе не сулит добра.

Он с отвращением пристукнул найденным тут же камнем одну из подобранных рыбок, и, когда она, перестав дергаться, застыла с недоуменно раскрытым ртом и круглыми, будто удивленными глазами, кое-как откусил ее голову, выплюнул на песок и принялся есть. Ему нужны были силы, чтобы идти, нужно было хоть как-то поддержать свое усталое тело, поэтому мужчина старался не думать о том, насколько неприятно есть сырую рыбу. Рыбешка оказалась костлявой, есть в ней было практически нечего, и к головокружению Роммина прибавилась еще и тошнота. Он вырос в городе на берегу моря и знал, как поймать, почистить и приготовить рыбу, но никогда еще ему не приходилось есть ее сырой. Решив приберечь остальных рыбок на потом, мужчина заставил себя встать с камня и снова оказался перед необходимостью выбора направления. Побережье беспокоило его, все знаки указывали на то, что здесь оставаться не стоит из-за грядущей бури и возможного обнаружения вормтами, но идти в центр острова тоже казалось безумием. Что он найдет там, в этих песчаных землях, кроме кривых деревьев и камней?

Затуманенный, тяжелый и неповоротливый как повозка с волами на узкой городской улочке, ум Роммина наконец подсказал ему единственно верное решение. Раз уж берег скоро станет опасен из-за стихии, придется идти вглубь острова, к скоплению

деревьев, виднеющемуся на горизонте. Куда двигаться дальше, он решит потом, когда окажется в безопасности. И мужчина, кое-как подвязав рубашку, чтобы рыбешки не вывалились, пошел по направлению к лесу.

Он двигался не слишком быстро, иногда присаживаясь отдохнуть на выступающий камень или удобно изогнутый корень одинокого дерева. Роммину казалось, что прошло около двух часов, с тех пор как он определился с направлением, и он невольно пожалел, что сегодня не видно солнца, и ему никак не узнать, какое сейчас время суток – раннее утро или середина дня. Хотя, быть может, отсутствие солнца и к лучшему. Как бы он шел, если бы вдобавок к жажде и голоду, его мучила бы жара? Роммин встал с плоского невысокого камня, оглянулся, чтобы посмотреть, не началась ли наконец на море буря и не появились ли на берегу вормы, и тотчас переменялся в лице.

Огромная волна, футов девяносто в высоту, быстро шла к берегу со стороны моря. Мужчина сразу перешел на бег, но измученное утомленное тело подводило его, не позволяя развить высокую скорость. До деревьев в глубине острова было еще очень далеко, ему ни за что не успеть до них добраться. И все же Роммин продолжал бежать, постоянно оглядываясь и рискуя сломать себе шею, оступившись на каком-нибудь присыпанном песком камне. Он не видел, где можно было бы спрятаться от наступавшей на берег свирепой стихии, и совсем уже было отчаялся, сдаваясь на милость отупляющего страха, когда словно какое-то шестое чувство заставило его свернуть в сторону к невысокому песчаному холму. Роммину уже попадалось несколько таких холмиков по пути от побережья, но что толку прятаться в песке, который через считанные мгновения снесет жуткая волна? Однако мужчина все-таки бросился к куче песка, как к единственному шансу на спасение. Он присел за этой ненадежной преградой, голова его снова закружилась, и, не удержав равновесия, Роммин начал заваливаться вперед. Несчастный уже ожидал, что вот-вот его подхватит мощным потоком воды и унесет как тряпичную куклу, и в лучшем случае он

размозжит голову о какой-нибудь камень, а потом, незаметно для себя утонет, либо ему придется барахтаться, уворачиваясь от преград на пути и стараясь не нахлебаться соленой воды.

Однако руки его, вопреки ожиданиям, не увязли в зыбком песке, а уперлись во что-то твердое. Роммин смахнул верхний слой песка и увидел камень с двумя круглыми впадинами. Мужчина не задумываясь надавил на них, и камень глухо закрячтел, открывая черный проход в никуда. То же странное чувство шептало Роммину, на этот раз подталкивая его внутрь темного хода, и он, решив, что Богиня снова посылает ему спасение, спустил туда ноги, нащупал ими сухие теплые ступени, а затем опустился в проход полностью. Роммин кое-как разглядел сбоку от входа отверстия, подобные тем, какие помогли ему открыть тайный ход, без лишних раздумий нажал на них, и странная дверь начала закрываться. Едва половинки каменной двери успели сомкнуться, и кромешная тьма окутала все вокруг, как Роммин услышал грохот. Огромная волна обрушилась на его убежище с чудовищной силой. Раздался глухой скрежет, и мужчина испугался, что каменная плита может не выдержать давления воды, но камень этот как видно оказался крепче, чем треснувшая скала, к которой его привязали вормы. Роммин опасливо ощупал каменные двери и обнаружил, что снаружи в подземный ход не просочилось ни капли.

Мужчина с трудом спустился по ступеням, всякий раз опасаясь, что провалится в какую-нибудь бездонную яму, а затем, когда под его ногами оказался ровный твердый пол, застыл в нерешительности. Итак, он снова был спасен милостью мудрой Богини, и теперь иного выхода, кроме как идти в абсолютной темноте по неизведанному коридору, у него не оставалось. Коридор этот оказался довольно узким, и мужчина, выставив руки в стороны, маленькими шажками двинулся вперед, стараясь придерживаться за стены. Поначалу Роммин очень боялся наткнуться на какую-нибудь мерзкую тварь вроде змеи или скорпиона, либо угодить в расставленную ловушку, но ничего такого с ним не произошло, и мало-помалу, движения его стали увереннее, а шаги тверже.

***

Роммин проснулся в той же крошечной темноте, которая окружала его с момента спуска в подземный коридор. Про себя он решил, что сейчас наверху наверное уже утро, ведь он вошел под землю еще до заката, а потом долго шел по коридору, пока усталость не сморила его. Тогда Роммин улегся прямо на полу, поджав под себя ноги. Мужчина обнаружил, что стена, к которой он прижимался спиной, была такой же теплой и сухой, как и все поверхности коридора, которые попались ему на пути. Его босые ноги, ступая по каменному полу, тоже не встретили еще ни одного холодного или мокрого участка, никаких ям или ловушек здесь также не оказалось. Вряд ли этот ход вел к какому-то древнему храму, как поначалу подумал Роммин, он был слишком узок и мал для подобного. Скорее всего, его когда-то построили и использовали для того, чтобы тайно пересекать некий опасный участок наземного пути или, как и Роммин вчера, чтобы скрыться от разбушевавшейся стихии.

Теперь, когда бывшему пленнику вормтов удалось немного выспаться, эти камни и темнота вокруг уже не пугали его так, как накануне. Сейчас ему даже почудилось, что стены и пол, такие теплые, словно их весь день нагревало весеннее солнце, источают мягкие успокаивающие вибрации. Ему захотелось полежать так еще немного, прижимаясь к камням, впитывая исходящее от них тепло. Однако тут Роммина подвело собственное тело, предательски требовавшее пищи и воды. Нужно было вставать и идти дальше, но сначала необходимо поесть. Он спохватился и полез в подвернутую полу рубашки, тщаь отыскать собранных вчера рыбешек, но нашел всего одну. Видимо остальных он потерял, пока бежал от той страшной волны. Рыбка конечно уже давно не дышала, и Роммин начал впотьмах обглаживать ее маленькое тощее тельце. Он старался не спешить, не хватало еще, чтобы рыба кость застряла где-нибудь в горле и уморила его до смерти.

Когда жалкая трапеза подошла к концу, мужчина задумался, где бы он мог добыть себе воду. Работая в порту, он постоянно

слышал от моряков, что свежая вода важнее любой еды. «Без еды, — говорили они, серьезно глядя на Роммина, — можно прожить довольно долго, но вот без воды всего лишь считанные дни». Что бы сказали эти бывалые путешественники, если бы увидели его сейчас? Какой совет дали бы они Роммину Дэйну, поверившему голосу Богини и застрявшему в бескрайнем черном туннеле? И тут же мужчина вспомнил, что еще не благодарил Богиню, добрую и всеведущую, за свое спасение, ведь не иначе как она сама, желавшая, чтобы Роммин исполнил ее волю и добрался до Эгасса, указала ему путь к тому песчаному холму. Мужчина неторопливо, стараясь беречь силы, встал и начал говорить про себя слова молитвы благодарности. Обычно молиться полагалось вслух, но Роммину не хотелось нарушать тишину, которая царила в стенах подземного хода. Да, это место, как ему казалось, было к нему дружелюбно, но ни к чему привлекать к себе излишнее внимание. «Чье внимание?» — подумалось вдруг Роммину, и по спине прошла неприятная дрожь, какая бывает в сырой осенний день, когда внезапный порыв ветра распахивает теплый плащ и обдает тело волной холода.

Мужчина поспешно закончил молитву и пошел вперед, касаясь пальцами шершавых стен и с осторожностью ступая по каменным плитам. Пройдя всего пару футов, он вдруг обнаружил, что коридор сворачивает влево. Роммин удивился, ведь до этого коридор был прямым и ни одного поворота ему еще не попадалось. Он решил проверить, нет ли здесь ответвления и в правую сторону, но ничего не обнаружил. Не нашлось ничего и впереди, коридор просто целиком уходил налево, и мужчине ничего не оставалось делать, кроме как пойти в том же направлении.

Изредка Роммин присаживался отдохнуть, и каждый раз, когда он сидел, прислонившись к стене спиной в разорванной рубашке, ему чудилось, что исходящее от нее тепло словно бы напитывает его усталое измученное морским путешествием, кораблекрушением и пленом тело. Поначалу Роммин даже испугался, а потом с грустью подумал, что должно быть ему просто померещилось. «Не могут же камни в самом деле давать мне

силу. Наверное у меня уже начинает мутиться ум» — горько подумал он.

Он шел по собственным примерным подсчетам уже несколько часов, постепенно теряя надежду найти какую-нибудь еду, воду и вообще выбраться из этого черного коридора, как вдруг до слуха его донесся посторонний звук. До этого Роммин шагал в полной тишине, лишь его собственные шаги и шорох задеваемых пальцами камней нарушали царившее здесь безмолвие. Мужчина прислушался и понял, что Богиня вновь помогает ему. Где-то впереди медленно капала вода. Он так обрадовался, что сможет наконец промочить пересохшее горло, что даже не подумал о том, что вода может оказаться морской, непригодной для питья, что живительная капля может быть признаком разлома в туннеле и он рискует быть погребенным заживо, если случайно толкнет поврежденный камень. Ничего из этого сейчас не волновало Роммина. «Вода! Я нашел воду!» — мысль пламенем горела в его сознании, упорно толкая вперед, к источнику влаги.

Он прошел около пятидесяти шагов, когда звуки негромкой капли стали слышны совсем хорошо. Наконец мужчина ощутил, как его босые ступни коснулись влажного пола, он тут же остановился и принялся осторожно ощупывать стены и невысокий потолок руками в поисках источника воды. Продвигаясь таким образом, Роммин наконец обнаружил в стене справа небольшое углубление, какую-то маленькую квадратную нишу. Подобный выступ попался ему впервые. Мужчина списал это на странные обычаи народа, который построил когда-то этот туннель. Он сразу же решил, что примитивное племя вормтов никогда не смогло бы соорудить нечто подобное, для этого они слишком глупы и неразвиты, а значит когда-то тут проживали другие люди. «Что-то с ними стало?» — задался вопросом Роммин, и решил не думать об этом дальше, потому что ничего обнадеживающего на ум ему не пришло. Он торопливо продолжил обследовать найденную нишу, и пальцы его скользнули в теплую воду, скопившуюся в полукруглом углублении, располагавшемся в цен-

тре. Судя по всему, углубление это было сделано руками человека, а не выбито подземной каплей, и предназначалось именно для сбора влаги.

Мужчина просунул голову в нишу и тут же жадно выпил все до капли. Вода оказалась пресной, с легким, странным, но вполне терпимым привкусом, который скорее всего придавал ей камень. Однако Роммину она показалась самой вкусной водой, какую он когда-либо пил. Неприятная сухость в горле, мучившая его еще с момента пробуждения на морском берегу, слегка утихла, и мужчина, мысленно поблагодарив Богиню, опустился на пол рядом с источником спасительной влаги.

Дождаясь, пока чаша вновь наполнится, он пытался вспомнить, что было изображено на месте острова вормтов на большой карте, которую капитан корабля показал ему еще в начале пути. Несмотря на усиленные попытки, перед мысленным взором Роммина представал лишь его родной континент, с причудливой резной линией побережья, заполненный на карте маленькими рисунками гор, озер и лесов. Затем в уме возник образ далекого загадочного Эгасса, который, судя по рассказам капитана и начертаниям на карте, представлял собой огромную пустыню, пересеченную разветвленной сетью небольших рек, расходящихся от главной, обозначенной на карте широкой линией. Речушки эти терялись в песках, уходя вглубь материка и питая ненасытные пески пустыни. Насколько Роммин успел понять, в Эгассе, несмотря на большие территории, люди селились преимущественно вдоль главной реки и ее ответвлений, а остальная земля, если позволительно было так называть песчаный ковер до самого горизонта, оставалась необжитой.

«Я должен вспомнить карту этого острова, иначе как я доберусь до Эгасса? Вдруг здесь тоже окажется пустыня?» — сокрушался про себя Роммин. Однако все его старания были напрасны, он никогда не изучал карту острова вормтов так внимательно, как Эгасс, ведь не мог же Роммин предугадать, что судьба забросит его в это дикое место. Мужчина тяжело вздохнул, что ж, при-

дется надеяться на удачу и благосклонность Богини, которая продолжала спасать его жизнь снова и снова.

Каменная чаша наполнялась очень медленно, и Роммин в конце концов решил пройти вперед по потайному ходу, чтобы проверить, нет ли дальше новых поворотов или разветвлений, а потом вернуться назад и выпить накопившуюся воду. Чудом найдя источник воды, он боялся пока уходить от него, ведь кто знает, что ждет его дальше? К тому же мужчина чувствовал, что его измученное тело нуждается в небольшой передышке, и не хотел к недостатку пищи добавлять еще и отсутствие воды. Сейчас уходить от каменной чаши было бы глупо и попросту опасно. Решив оставаться тут столько, сколько понадобится, Роммин отправился разведывать путь.

Мужчина уже настолько привык к крошечной тьме коридора, ставшего его убежищем, что и сам не заметил, как походка его стала более уверенной, несмотря на слабость и чувство голода, и он уже не так отчаянно цепляется за шершавые теплые стены. Однако душа его была не столь крепка, как тело, и Роммин, снова поддавшись мрачным мыслям, с тоской размышлял, что ждет его дальше.

«Что я найду в конце пути: выход и спасение или вечную могилу?» — горько спросил он себя в очередной раз, вздохнул и в бессильной злобе ударил кулаком каменную стену. Он представил, что будет, если в конце этого коридора, окажется дверь, которую он не сумеет открыть. Что тогда делать? Придется возвращаться туда, откуда пришел. Быть может море уже отступило, и у него получится пройти тем путем, которым он шел сначала. Роммин вспоминал далекое скопление странных кривоногих деревьев вдалеке, не то лес, не то рощу, возможно там он смог бы отыскать какую-нибудь пищу. Ему с трудом верилось, что племя вормтов, живущее на острове, питается одной лишь рыбой и птичьими яйцами, наверняка есть какие-то фрукты или ягоды, пригодные для еды.

Еда. Как же давно он не ел досыта. Наверное последний раз это было вечером перед отплытием, когда вся их небольшая се-

мья дружно помолилась Богине и принялась за роскошный ужин, какой обычно позволяла себе лишь по праздникам. Однако вещий сон, посланный Богиней, и дело, которое она поручила Роммину, несомненно были достойны подобной трапезы. Мужчина вспомнил заставленный дарами моря стол, легкие сладкие вина, свежие фрукты и с тоской ощупал свой впалый живот. Эти картины были такими живыми и мучительными в его нынешнем положении, что Роммин дал себе слово не вспоминать больше о вкусной еде и ароматном вине, по крайней мере, пока он не выберется отсюда. В который раз тяжело вздохнув, он решил не тратить попусту силы и вернуться к каменной чаше, поскольку коридор пока явно не собирался выводить его на поверхность.

По подсчетам Роммина прошло около двух дней, с тех пор, как он нашел каменную чашу. Имея постоянный источник воды, он немного отдохнул, взбодрился и решил покинуть это место окончательно. Набрать воды было совершенно некуда, поэтому перед тем как уйти, Роммин выпил из чаши все до капли, набрал в подставленные под капель ладони еще немного воды, смочил ей лицо и глаза, а затем отправился дальше.

За эти дни он лишь однажды ходил разведывать коридор, а в остальное время предпочитал пить накопившуюся воду и спать, чтобы не тратить понапрасну силы, ведь никакой пищи у него по-прежнему не было. Странно, но здесь, под землей, ему ни разу не являлся тот сон, где он смотрел на прекрасный золотой закат глазами девушки из белокаменной башни. Быть может Богиня сочла, что он слишком слаб, и решила пока поберечь его ум? Но ведь знающие говорили, что чем ближе он будет к своей цели, тем больше должны открыться детали сна, и тогда Богиня покажет, что именно он должен сделать после прибытия в Эгасс. Роммин устал от размышлений и решил пока не тревожиться об этом. Быть может новый сон придет к нему, когда он наконец выберется из-под земли и вновь увидит солнечный свет. Никогда нельзя быть уверенным в том, какие при-

чины побуждают богов повернуть жизнь человека определенным образом.

Роммин брел по тайному ходу, окутанный темнотой и тишиной, где-то позади затихал звук капающей в каменную чашу воды. Он знал, что рано или поздно уйдет достаточно далеко и тогда его спутником во тьме будет лишь собственное тихое дыхание и шорох, рожденный прикосновением ладоней к каменным стенам. Только в этом безмолвии, окружавшем его в последние дни, мужчина осознал, как не хватает ему привычного с детства шума портовой жизни — шелеста волн, перебранки матросов, скрипа корабельных снастей, резких криков голодных чаек. Воистину, быть избранным проводником божественного замысла — тяжкая доля. Тяжелая вязкая тоска наполнила сердце Роммина, и он решил, что больше никогда не покинет родную землю, ему бы только выполнить поручение Богини и вернуться домой.

Если поначалу Роммин боялся наткнуться на ловушку или на какое-нибудь жуткую тварь, то страх довольно быстро прошел и больше не возвращался. Коридор был пуст, он не мог видеть этого, но слух и некое шестое чувство подсказывали ему, что он здесь единственное живое существо и бояться нападения не стоит. Те же, кто построил в свое время этот туннель, сделали это не для того, чтобы загубить случайных путников. Роммин укрепился во мнении, что он был всего лишь проходом, безопасным путем в какое-то место. Оставалось выяснить, в какое именно.

Мужчина шел во тьме и молча молился Богине, чтобы отвлечься от тягостных мыслей и порожденной голодом слабости. Чувства его балансировали между надеждой и отчаянием. Трудно не поддаться мрачному настроению, если ты пережил столько испытаний за такой короткий срок, и Роммин старался как-то подбодрить себя привычными с детских лет словами молитвы.

Шел он небыстро, чтобы не вспотеть и не потерять лишнюю влагу, а в голову, настойчиво прорываясь сквозь слова молитвы, лезли жуткие истории об умерших от жажды и голода людях, которые рассказывали в порту моряки. Время от времени он садил-

ся на пол и отдышал или дремал, восстанавливая силы, а потом вновь вставал и двигался вперед, осторожно разминая затекшие во время сна на твердом полу конечности. Наконец, уже потеряв всякий счет времени, Роммин вдруг уперся в стену, коридор снова поворачивал налево. Когда мужчина завернул за угол, то поначалу озадаченно застыл, не веря своим глазам — где-то вдалеке падали на каменный пол узкие косые лучи бледного света.

Ему захотелось побежать, помчаться навстречу этому свету, но сил на это не хватало, хотя Роммин, воодушевленный близостью выхода, все же сумел немного прибавить шаг. Мужчине казалось, что расстояние между ним и лучами все никак не сокращается, но продолжал упрямо идти вперед. Достигнув наконец источника призрачного света, Роммин увидел, что пробивается он сквозь отверстия и щели в каменном люке, точно таком же, через какой он проник в подземный коридор, спасаясь от стихии. Поскольку света было очень мало, мужчина принялся руками ощупывать стены возле маленькой крутой лесенки, ведущей к люку. Он надеялся найти какой-нибудь рычаг или пластину, нажав на которые, сможет отпереть дверь. И действительно, на стене с правой стороны Роммин обнаружил два углубления, он приложил к ним руки и нажал. Однако на этот раз древняя дверь не поддавалась. Это не на шутку испугало Роммина. А что если ему не удастся открыть люк? Неужели придется снова проделывать путь назад, рискуя столкнуться с вормтами на выходе? Еще несколько раз он клал свои ладони на шершавую каменную поверхность, но ничего не получалось, дверь не двигалась.

Немного отдышавшись, невольный узник тайного хода решил подняться по ступеням и через трещины попробовать рассмотреть, что находится за неподатливым люком. Мужчина отер со лба выступивший пот, осторожно, стараясь не упасть с крутых ступеней, забрался наверх и прильнул глазом к ближайшему разлому. Для этого ему пришлось выгнуть шею под очень неудобным углом, но с этим Роммин готов бы смириться, лишь бы увидеть, что находится там, за дверью.

Сначала он не мог понять, почему в подземный коридор попадает свет, но снаружи почти ничего не видно, однако, когда догадался поднять глаза повыше, то разглядел в темно-синем полуночном небе бледный диск луны, и тихо рассмеялся. Вот оно что, он так запутался во времени, находясь под землей, что ожидал увидеть день, а снаружи, как оказалось, царила ночь. Роммина немного успокоило то, что он все-таки нашел выход из подземного хода, и он решил отдохнуть и поспать до утра. По крайней мере теперь он хотя бы будет знать, какое сейчас время суток, а утром, после ночного отдыха, можно попробовать открыть люк еще раз. Успокоенный, мужчина спустился к началу лесенки, свернулся подле нее, прижимая к груди колени, и вскоре уснул.

2

Из окна высокой белокаменной башни любовалась закатом молодая женщина. Небо было сегодня на редкость красиво, уже давно Адария, дочь правителя золотых песков Эгасса, не видела таких ярких красок. Обычно закатное небо в Эгассе окрашивалось в нежные, мягкие полутона, перетекая из бледно-розового в рыжевато-желтый, но сейчас оно было исчерчено резкими, чистыми полосами облаков сиреневого и малинового цветов. Сочные отблески закатного неба ложились на Белый дворец, делая его похожим на чудесный мираж, красивое видение посреди пустыни.

Видневшиеся далеко внизу блестящие крыши городских домов отражали последние лучи солнца, посылая Адарии яркие блики, словно прощальные поцелуи от уходящего дня. Дочь правителя поднималась на башню каждый вечер, говоря отцу, что там ей легче всего молиться богине воды и жизни — волоокой Кейтар, небесной покровительнице и защитнице Эгасса. Издревле в роду Адарии лишь женщины были наделены даром получать от богини Кейтар пророческие сны, не раз на протяжении столетий помогавшие ее семье и народу избежать грядущей беды. Однако уже несколько поколений назад способность эта,

считавшаяся великим даром богини, совсем перестала проявляться. Постепенно и люди прекратили верить в способность к вещим снам дочерей ее рода, осталось лишь уважение к потомкам благословенных Кейтар женщин. Да и уважение это было теперь скорее показным, чем истинным.

Адария особенно остро чувствовала это, всякий раз, когда статус дочери правителя и наследницы Эгасса вынуждал ее наряжаться и спускаться из своих комнат в большой шумный пиршественный зал, заполненный в основном мужчинами, подданными ее отца. Женщин было гораздо меньше, и все они держались гордо, но тихо, предпочитая обмениваться сплетнями в тесном кружке подруг. Адарию всюду встречали почтительные поклоны, ведь так подобало приветствовать дочь правителя золотых песков, но зоркие глаза молодой женщины замечали, что после приветствия эти люди, особенно мужчины, переставали обращать на нее внимание. Нет, они конечно смотрели на молодую женщину, не лишённую привлекательности, но видели лишь внешнюю оболочку и ее наследство — чудесный Белый дворец посреди пустыни и кресло правителя с россыпью полудрагоценных камней на спинке. А вот чтобы смотреть и видеть в ней нечто большее, нет, такое случалось очень редко, и никто из мужчин, в чьих взглядах и речах мелькал интерес к ней самой, а не к ее происхождению, не вызывал у Адарии ответной симпатии.

Долгое время она вообще надеялась, что отец позволит ей принять безбрачие и посвятить свою жизнь служению волоокой богине, а трон передаст кому-нибудь из побочной ветви рода, но теперь, с каждым днем сомнений у нее становилось все больше. А дело было в старинном правиле, которое существовало в роду правителей Эгасса. Считалось, что если девушка из правящего рода достигала возраста двадцати трех лет и ей так и не был послан ни один вещий сон, значит ее можно было смело выдавать замуж за того, кого подбирала в качестве жениха ее семья. Счастливицам же, которых волоокая Кейтар оделяла даром пророческих сновидений, позволялось выбирать свой дальнейший путь самостоятельно: девушка могла посвятить себя

служению Кейтар или же ей даровалось право самой выбрать себе супруга. Решение ее уважали, и никто не мог оспорить его, даже правитель. Это был скудный, но все же выбор, однако Адария боялась, что ей не достанется даже такого.

Дочери правителя золотых песков Эгасса, было двадцать два года, и богиня Кейтар не благословила ее пока ни одним вещим сном. Сколько бы девушка ни молилась, сколько ни просила, волоокая Кейтар отвечала ей молчанием. И быть может Адария смирилась бы с замужеством, если бы отец выбрал ей достойного мужа, но он похоже свой выбор уже сделал.

Керант — это имя вызывало у нее смутную тревогу и порой даже страх, как и сам его обладатель. Занимавший при дворе правителя Эгасса почетную должность главного советника, он происходил из довольно старой и зажиточной семьи, и мог позволить себе выбрать невесту, не оглядываясь на ее приданое. Но, как видно, он был тщеславен, а что может быть выше, чем место на троне рядом с царственной супругой?

Впервые Адария заметила, что советник бросает на нее какие-то слишком уж многозначительные взгляды сразу после окончания зимы, в то время до ее двадцать третьего дня рождения оставалось около полугода, и она еще не потеряла надежду получить вещий сон, либо хорошего мужа. Видимо тогда отец и сговорился с ним насчет брака, и хотя никто ничего не сказал об этом Адарии, Белый дворец наполнился слухами. Взгляды Керанта, как ей казалось, становились все нахальнее и внимательнее, комплименты в ее адрес все слащавее, а время приветствия, когда полагалось склониться к протянутой руке женщины и прикоснуться лбом к ее ладони, все длиннее.

«Почему не выбрал он кого-то из побочных ветвей рода?» — в отчаянии подумала Адария, вспоминая, как советник бросает на нее странные взгляды. Она не могла объяснить, что именно в Керанте внушало ей тревогу и неприязнь, он был недурен лицом, высок и мускулист, поскольку не забывал о боевых тренировках, несмотря на то, что должность главного советника вовсе не требовала уметь драться и пользоваться оружием. В общем-

то, его поведение можно было трактовать как внимание к будущей нареченной и жене, хотя без официального объявления это конечно было нарушением приличий. Однако все делали вид, что не видят или впрямь не видели в поведении Керанта ничего необычного, и порой Адарии даже начинало казаться, что никто кроме нее и не замечает его повышенной любезности. «Может все это только мои страхи, и отец пока ничего не решил окончательно?» — размышляла молодая женщина.

Она тяжело вздохнула и, бросив прощальный взгляд на стремительно темнеющее малиновое небо, начала спускаться вниз по витой белой лестнице. Пора было возвращаться, на сегодня ее молитвы были окончены. Отец наверняка ждет ее, чтобы по обыкновению пожелать доброй ночи. Догадывается ли он о том, что выбранный им жених вовсе не по нраву его единственной дочери? Скорее всего подобные мысли даже не приходят ему в голову. Уже давным-давно прошли те времена, когда женщины и мужчины в Эгассе правили на равных, да и было ли подобное на самом деле или это всего лишь бредни старой, выжившей из ума няньки, которая забивала вымыслами голову своей воспитанницы?

Старуха Кэсмей с детских лет ходила за маленькой Адарией, а до нее и за ее отцом, и именно от няньки девочка услышала множество преданий, среди которых была и эта история. Кэсмей поведала девочке о том, что волоокая Кейтар рассердилась на властителей Эгасса и забрала у дочерей правящего рода способность видеть пророческие сны за то, что правители оскорбили ее, прекрасную богиню, посчитав женщин недостойными властвовать наравне с мужчинами.

«Прекрасная богиня Кейтар почитает более всего справедливость и мудрость. Она и ее супруг, бог Мэлдин, правили вместе этими землями, пока он не отказался от бремени власти, утомившись вечной жизнью. Тогда Мэлдин принял облик смертного, чтобы прожить обычную жизнь, как простой человек и уехал подалее от этих мест, дабы не терзать своим видом волоокою Кейтар, которая очень любила мужа и тосковала по нему.

Но прекрасная Кейтар не могла вслед за мужем принять облик смертной и оставить наш народ без своего покровительства. Она осталась защищать и направлять нас, и с тех самых пор ждет, когда ее любимый вернется к ней, чтобы снова оберегать эти земли вместе с ним» — так говорила старая Кэсмей маленькой Адарии.

Адария слышала эту историю уже сотни раз, и всегда думала, что Кэсмей выдумала ее, чтобы как-то оправдать угасшие способности ее рода, но теперь Адария задумалась, не была ли старуха и впрямь права? Что если богиня действительно разозлилась на правителей Эгасса и отняла вещие сны у их дочерей из-за того, что те перестали считать женщин равными себе? «Даже если это так, то что я могу поделаться? Отец ни за что не согласится, чтобы я правила Эгассом наравне с будущим мужем» — грустно подумала молодая женщина.

Она уже достигла подножия лестницы и вошла в длинный главный зал, на другом конце которого возвышался пустой трон. Сработанный из дорогого темно-красного дерева, он был украшен рыжеватой-желтой яшмой и синим, расчерченным золотистыми прожилками лазуритом. Камни эти символизировали золотые пески Эгасса и илистые воды Эги, главной реки, в честь которой страна и получила свое название.

Адария шла вперед, по направлению к двери в зал совещаний, которая находилась в боковой стене, по правую сторону от трона. Невольно она представила на месте правителя себя, гордую, красивую, с тяжелой квадратнозубой короной, усыпанной большими аметистами и речным жемчугом. Что было бы, окажись она волею судеб правительницей до того, как вступит в брак? Но такое могло случиться только если ее отец умрет до того, как ей исполнится двадцать три года. Адария поежилась от подобных предательских мыслей, и поспешила отвести глаза от камней, тускло блесневших на высокой спинке трона.

Дойдя до зала совещаний, молодая женщина увидела, что стражников рядом нет, тяжелая деревянная дверь приоткрыта, и ее отец стоит, повернувшись к ней спиной, а напротив сидит

Керант и довольно улыбается. Сердце ее сжалось, при мысли о том, что отец и вправду прочит ей в мужа этого человека. Что же с ним было не так, и почему чутье подсказывало ей сторониться советника? Она хотела было уйти прочь, но тут Керант заметил ее, и улыбка его сделалась еще неприятнее. Правитель Эгасса тут же обернулся, проследив за взглядом советника, и увидел свою дочь. Теперь деваться было некуда, придется все-таки войти в комнату.

—Адария, дочь моя, заходи же. Знаешь, у меня для тебя есть прекрасные новости! — радостно проговорил отец, и рука его вскинулась в приглашающем жесте, предлагая дочери пройти внутрь.

Приятный бархатистый голос правителя ласкал слух, но дочь знала, что вся эта мягкость обманлива. Аталир, правитель Эгасса, был подобен дикой пантере. С виду обходительный и спокойный, он тут же «выпускал когти» и показывал твердость своего характера, когда его интересам что-либо угрожало. Отец всегда был таким, сколько она себя помнила.

Правитель Эгасса был высоким видным мужчиной, несмотря на свои сорок семь лет. Даже седина почти не тронула его черные волосы, а на гладком лице не было ни единой морщинки. Именно от отца Адария унаследовала приятный шоколадный цвет кожи, некоторую ширококостность, высокий рост и крупные кисти рук, которых порой стеснялась. От матери ей не досталось ничего, кроме необычного для народа Эгасса янтарного цвета глаз.

Ее мать звали Эланит, и она была одной из немногих путников, сбежавших от работорговцев и пересекших пустыню в поисках Эгасса, где рабов никогда не было, и любой человек мог получить приют и новую жизнь, без страха быть проданным заезжим торговцам живым товаром. Когда маленькая группка из пяти человек показалась на окраине Города, умирая от жажды и солнечных ожогов, местные жители тут же подобрали несчастных, устроили в своих домах и начали лечить бедных скитальцев, моля волоокую богиню Кейтар о милости к ним.

Из пятерых выжило лишь трое — юная Эланит, которой тогда едва минуло пятнадцать, мальчик двенадцати лет, который остался в доме выходявшего его купца и стал потом приказчиком в лавке, и молчаливая вдова лет тридцати, в последствии решившая посвятить свою жизнь служению доброй богине, спасшей их всех от рук смерти.

Едва беглецы оправились от своего тяжелого путешествия, молодой правитель золотых песков Эгасса, Аталир, позвал их в Белый дворец, чтобы услышать скорбные истории путников и решить их дальнейшую судьбу. Старая Кэсмей рассказывала Адарии, что когда молодой Аталир увидел юную Эланит, то влюбился в нее с первого взгляда. Да и как было не влюбиться в такую красоту? Тоненькая, легкая, грациозная, как молодая лань, с копной золотисто-медовых волос и смуглой от загара кожей, одетая в простое белое платье и грубые сандалии — такой предстала перед правителем беглянка Эланит. А когда она подняла на Аталира свои дивные янтарные глаза, правитель Эгасса забыв обо всем, сам спустился к ней с высокого трона, повел девушку к столу и налил лучшего вина в изукрашенную камнями золотую чашу. Все видели, какую великую честь оказал девушке правитель Эгасса, и все любовались ее красотой. Она была словно живое воплощение солнечного света — вся янтарь, мед и золото. Жители Эгасса увидели в ней олицетворение своей любимой богини — волоокой Кейтар, к тому же девушка оказалась не только красивой, но и на редкость доброй. Аталир был покорен и спустя месяц предложил Эланит стать его женой.

Свадьба была пышной, и весь Эгасс пировал и радовался за своего правителя, который женился на девушке, столь щедро одаренной богиней Кейтар. Эланит называли золотой госпожой из-за необычного цвета ее волос и глаз, и молодой Аталир души не чаял в своей прекрасной жене. Они прожили в согласии и любви четыре года, Эланит родила мужу крепкую здоровую дочь — Адарию, и мертвого сына, чье рождение стоило ей больших мук и сильно подорвало ее здоровье. Аталир был в отчаянии, его золотая госпожа, его прекрасная Эланит поблекла и ис-

худала, а когда к ней вернулось здоровье, и она объявила мужу, что снова ждет ребенка, счастьем его не было предела, как и страхам.

Вскоре, несмотря на молитвы богине Кейтар и многочисленные пиры в ее честь, Эланит родила слабенького мальчика и той же ночью испустила дух, а на рассвете младенец отправился к богине вслед за своей матерью. Горю Аталира не было предела, долгий мучительный год он не покидал своих покоев, не брил бороды и стал походить на дикого зверя. Маленькая Адария осталась на попечении няньки Кэсмей, и была единственной, кого желал видеть ее отец. Уговоры и разговоры со старой Кэсмей, которая нянчила в детстве и самого Аталира, наконец сумели убедить правителя выйти на белый свет и вернуться к своему народу, также скорбящему по любимой всеми золотой госпоже. Однако после этого он больше не женился.

Адария знала, что у отца были любовницы и даже несколько внебрачных детей, с которыми, впрочем, он не позволял ей общаться, но место Эланит в его сердце не смог занять никто. В который раз, вспоминая историю родителей, молодая женщина поразилась, как Аталир, настолько любивший ее мать, может отдавать ее за Керанта, даже не спросив, нравится ли ей такой жених? Адария потупила взгляд и села, сопровождаемая внимательными взглядами двоих мужчин.

—Адария, у нас с господином Керантом есть для тебя новость, — повторил отец и замолчал, ожидая, когда дочь посмотрит на него. Он оперся на стол обеими руками и пытливо уставился на нее.

—Какая новость? — слабым голосом спросила Адария, подняв глаза и устремив их на отца. Она старалась не думать, что рядом за столом сидит советник и ждет, как она отреагирует на слова правителя Эгасса. Адария заметила, что отец выглядит довольным и счастливым, и выдавила из себя улыбку, чтобы не расстраивать его. Аталир явно был в хорошем расположении духа, даже одежду выбрал под стать настроению — широкие белые штаны с золотым кантом, такую же рубашку и туни-

ку медового цвета, щедро расшитую сапфирами и жемчугом. Главный советник являл собой полную противоположность правителю. Он, как всегда, предпочел незаметные черные одеяния без каких-либо украшений, однако пошитые из дорогой красивой ткани.

–Ты знаешь, дочь, как никто другой, что более всего мы в Эгассе почитаем богиню Кейтар, покровительницу не только страны, но и нашего правящего рода. И тебе прекрасно известна традиция дожидаться двадцать третьего дня рождения, прежде чем выдать замуж девушку из рода правителя. Видишь ли, до твоего дня рождения осталось всего несколько месяцев, а богиня по сей день не одарила тебя вещими снами, поэтому я решил, что пора подыскивать для тебя мужа, который станет тебе надежной опорой в жизни, – уверенно начал говорить Аталир.

«Как изысканно вы объяснили, отец, что ищите того, кто будет править за меня, пока я сижу на троне, исполняя роль нарядной ширмы» – грустно подумала молодая женщина, но вслух ничего не сказала, и лишь коротко кивнула отцу, выражая согласие с его словами. Она по-прежнему не смотрела в сторону Керанта, сосредоточив все внимание на отце, не хватало еще в такой тяжелый момент терпеть его наглые взгляды. Аталир прокашлялся и продолжил:

–Так вот, Адария, мы долго думали и искали тебе подходящего жениха. И кто может быть лучше, чем сын из благородной семьи, славящейся преданностью трону? Я решил, что ты выйдешь за младшего брата Керанта, Олар, вскоре после осеннего праздника в честь богини.

–За младшего брата Керанта? – оторопев повторила Адария и тут же невольно обернулась в сторону главного советника. Тот рассмеялся, увидев выражение ее лица и сказал, обращаясь к Аталиру:

–Господин, твоя дочь как видно ждала другое имя.

–Скоро ты познакомишься с ним, Адария, и, я полагаю, оценишь мой выбор. Молодой Олар обучался многим наукам, он си-

лен, умен, хорош собой, богат, а большего нельзя и желать, – сообщил Аталир дочери.

– Почему же я не видела его раньше? Разве ты прячешь своих родных по деревьям, господин Керант? – осмелев спросила Адария, пожалуй, даже слишком резко, потому что Аталир тут же нахмурился.

Конечно отец ожидал благодарности за то, что нашел ей хорошего мужа или хотя бы скромной улыбки, говорящей о том, что дочь принимает его выбор, но Адария, неожиданно для всех, и в первую очередь для себя самой, преподнесла ему неприятный сюрприз. Керант же, казалось, вовсе не был задет ее словами, он снова рассмеялся, и Адария вдруг обратила внимание на то, какие белые и ровные у него зубы, будто жемчужины.

– Олар не прятался, моя госпожа. Мой брат занимался делами и управлял моим поместьем, когда я поступил на службу к вашему отцу, господину золотых песков. Как тебе известно, поместье находится далеко от Города, и Олар не мог приезжать слишком часто, чтобы навестить меня, – пояснил Керант. Родители наши уже давно умерли, и кто-то должен был присматривать за нашей сестрой и имуществом.

– Я не знала, что у тебя есть еще и сестра, господин советник, – тихо сказала Адария, чей бунтарский настрой тотчас прошел, когда она увидела сердитое и разочарованное лицо отца.

– Ее зовут Малана, и вскоре вы познакомитесь и с нею тоже, – Керант бросил быстрый взгляд на Аталира, и тот едва заметно кивнул, выражая согласие с его словами и будто бы подбадривая говорить дальше. – Моя сестра приедет сюда на свадьбу. Мы надеемся, что вы сможете подружиться с ней.

– Значит, я познакомлюсь с ней уже осенью? – спросила дочь правителя, гадая, похожи ли Олар и Малана на своего старшего брата.

– О, нет, моя госпожа, гораздо раньше, – вкрадчиво произнес Керант. – Она выходит замуж в следующем месяце, и мы надеемся увидеть вас и Олара на свадьбе как почетных гостей.

Что-то в его тоне показалось Адарии подозрительным, она перевела взгляд на отца и увидела, что тот испытующе смотрит на нее. Молодая женщина поняла, что от нее ждут каких-то слов, быть может поздравлений. Она снова повернула голову к Керанту и произнесла:

–Что ж, господин Керант, я рада за твою сестру, передай ей, что я буду счастлива посетить пир в честь ее замужества, если конечно мой отец и правитель ничего не имеет против. Пусть волоокая Кейтар одарит ее своей милостью и благодатью.

–Конечно ты можешь пойти на пир, дочь моя, – сказал Аталир и лицо его вновь приняло довольное выражение. –Я и Малана будем рады видеть тебя там.

Глаза Адарии широко раскрылись, и молодая женщина во второй раз за вечер удивленно уставилась на отца и советника. До нее медленно доходил смысл сказанных Аталиром слов. Значит вот как все повернулось. Отец решил снова жениться, в надежде на то, что молодая супруга подарит ему сына, о котором он всегда мечтал, а она, Адария, выйдет за младшего брата советника и будет сослана вместе с ним в далекое поместье, чтобы не путалась под ногами и не напоминала о прошлом и об Элани.

–Отец, а как же... – она не договорила, боясь произнести имя матери вслух.

Однако Аталир прекрасно понял, что хотела сказать его дочь, он помрачнел, отошел от стола и отвернулся, уставившись в окно. С минуту правитель Эгасса неподвижно стоял, созерцая видневшиеся вдаль золотые пески, укрытые пеленой сумеречного света, а потом повернулся к дочери и сказал:

–Я любил твою мать, Адария, одна богиня ведает, как сильно, но я не могу быть одиноким вечно. Малана сделает меня счастливым, она молода и красива, она родит мне сыновей, которые унаследуют трон. А ты, думаю, ты будешь счастлива с Оларом, ведь тебе никогда не хотелось править, и жизнь вдаль от городской суеты пойдет тебе только на пользу.

Адария встала, поклонилась и тихо произнесла:

–Поздравляю тебя, отец, тебя и твою невесту. Пусть богиня благословит этот брак.

Ей захотелось поскорее уйти отсюда, она чувствовала, как подступают к горлу непрошенные слезы, и Адария совсем не желала, чтобы они видели, насколько сильно ее задела новость о женитьбе отца. Лицо Аталира просветлело вновь, он подошел к дочери и поцеловал ее в лоб, благодаря и благословляя за добрые слова. Однако когда дочь устремила на него взгляд своих янтарных глаз, правитель Эгасса вздрогнул и поспешил отойти на пару шагов назад.

–Теперь ступай к себе, – властно и тихо произнес он.

Адария вышла, даже не попрощавшись с советником, закрыла дверь, и побежала в свои покои, едва разбирая дорогу, сквозь затуманившие глаза слезы. Старая Кэсмей насилу дозналась у нее о причине слез, а потом грубо встряхнула и отчитала молодую женщину.

–Ты уже достаточно взрослая, чтобы не бояться выходить замуж, девочка моя. Нашли хорошего жениха, значит, хвала богине, будет у тебя свой дом и спокойная жизнь вдали от дворца. Отец конечно подарит тебе много земель и поместье. И я с тобой поеду, чего мне, старухе, тут делать? Новых младенцев мне уже не под силу нянчить, пусть Аталир уж сам как-нибудь разбирается, кого к ним приставить. Ну же, перестань реветь, тебе будто не жениха, а могилу выбрали. И на отца не обижайся, негоже человеку долго жить одному, пусть себе женится, или тебе так уж захотелось после него усесться на трон и самой всем заправлять? – причитала нянька, пока Адария, все еще всхлипывая и утирая слезы, склонилась над тазом с водой, чтобы умыться.

Когда молодая женщина успокоилась, старуха уложила воспитанницу спать, а сама пошла помолиться богине, чтобы жених, выбранный для ее девочки, оказался добрым и хорошим человеком. Засыпая, Адария слышала скрипучий голос Кэсмей, бубнящий привычные с детства слова молитвы, а потом провалилась в глубокий сон.

Молодая женщина ощутила за своей спиной крепкие легкие крылья, оттолкнулась и взлетела. Ветер ласково подгонял ее тело, и солнце приятно припекало пернатую спину. Адария сделала круг в лазурном небе, полет вдохновлял, возбуждал и дарил непередаваемое ощущение радости. Она посмотрела вниз, и дыхание ее на миг замерло. Под ней простирался Эгасс, но не такой, каким она привыкла его видеть. Белый дворец был разрушен, в толстых стенах, которые могли бы выдержать натиск любого врага, сейчас зияли огромные дыры, двор был заполнен песком и каким-то мусором, чудесная высокая башня, с которой она так любила глядеть на город, лежала на земле, словно подкошенная метким ударом неведомого врага. Всюду валялись белые камни, напоминавшие с высоты обломки белоснежных костей. Людей внизу не было, впрочем как и нигде вокруг. Адария опустилась ниже, сделала несколько кругов над двором и поняла, что все то, что она приняла за мусор, — это торчащие из песка части человеческих тел.

«Что здесь случилось?» — в ужасе прокричала она свой вопрос, но вместо слов из горла ее вырвался лишь пронзительный птичий крик. Тут же картина сменилась на другую — по пустыне шла вереница людей разного возраста, у каждого были в руках какие-то узлы и вещи. Люди шли быстро, многие нервно озирались назад, они явно спешили покинуть опасное место. Когда Адария посмотрела своими птичьими глазами в сторону, откуда шло бегство, то увидела знакомые блестящие крыши домов и силуэт родного Белого дворца. В этом сне он был еще цел.

Сбитая с толку увиденным, она снова взлетела повыше и помчалась к городу, кружась над крышами покинутых домов, а когда присела отдохнуть и осмотреться на высокий шпиль старой пожарной вышки, то из горла ее снова вырвался полный ужаса крик — далеко на горизонте поднималась чудовищная песчаная буря. Высокая стена пыли и песка быстро двигалась на беззащитный город, грозя похоронить под собой дома, жителей и даже дворец ее отца. Внезапный порыв сильного, сбивающего

с ног ветра, сорвал Адарию с места и швырнул прямо на каменную стену.

Дочь правителя золотых песков Эгасса проснулась в темных покоях Белого дворца, крича от ужаса. Перепуганная насмерть старая нянька и служанки бросились к ней, не зная, что и думать. Увидев, что воспитаннице ничего не угрожает, старуха зажгла лампу, напоила девушку вином, и мягко погладила ее по руке.

–Что ты, девочка моя? Что случилось? – заботливо спросила старуха.

–Кэсмей, она послала мне сон. Богиня показала мне грядущую беду, – с трудом проговорила молодая женщина.

Ее расширенные от ужаса глаза не отрываясь глядели на няньку и перепуганных ее криком девушек, будто она еще не окончательно проснулась и осознала, что происходит. Кэсмей пригляделась к Адарии, и заметила, что неестественно огромные черные зрачки почти полностью скрыли янтарную оболочку глаза, оставив видимым лишь крохотный контур. Старуха нахмурилась, все это ей очень не понравилось.

–Что ты, Ада, это просто дурной сон, – начала она успокаивать воспитанницу.

–Нет! Нет! – вскричала вдруг та и схватила старуху за костлявые плечи, с силой сжимая их. –Я была птицей, я летела над разрушенным дворцом, я видела, что на Эгасс нагрянет страшная песчаная буря и видела бегущих из города людей!

–Тише-тише, милая, успокойся. Ты просто переволновалась из-за новостей, поэтому то и приснился тебе кошмар.

–Правда, госпожа Адария, думаю Кэсмей права, – поддержала няньку одна из служанок.

–Ты не веришь мне, – разочарованно произнесла Адария и тут же отпустила старуху.

Если уж Кэсмей не верит, значит и другие решат, что вещий сон о грозящей беде – это просто выдумка девицы, нежелающей выходить замуж. Но она все же должна рассказать отцу о своем сне, передать предупреждение богини. «Пойду к нему

утром» — решила про себя девушка. Она снова посмотрела на свою старую няньку, но та лишь что-то бормотала вполголоса, унося обратно вино. «Мудрая Кейтар, заставь отца поверить в мои слова, прошу тебя» — мысленно обратилась к богине молодая женщина. Служанки и старая Кэсмей уже погасили лампу и снова легли спать, а дочь правителя золотых песков так и пролежала до рассвета, беззвучно молясь своей покровительнице.

3

Настало утро, Роммин проснулся, открыл глаза и невольно улыбнулся, увидев свет, пробивающийся сквозь разломы и трещины в каменной двери. Очень хотелось пить, а вот желудок, как ни странно молчал, только голова у Роммина все еще кружилась, когда он начал вставать. Размяв затекшие после сна руки и ноги, он без лишних раздумий поднялся по лесенке, чтобы посмотреть на мир в дневном свете. Возле выхода стало намного светлее, и, приглядевшись как следует, Роммин обнаружил причину, по которой его попытки открыть дверь провалились. Длинная вертикальная трещина расколола каменный люк надвое, и одна из половин попросту сдвинулась с места и застряла. Что ж, Роммин был теперь достаточно тощим, чтобы с легкостью пролезть и в половину двери, оставалось лишь как-то передвинуть большой тяжелый кусок камня.

Вдохновленный своим открытием и близостью свободы, мужчина принялся осторожно расшатывать застрявшую половину двери, и вскоре камень начал крошиться и осыпаться. Роммин закашлялся, пыль и земля попали ему в нос и в рот, он успел лишь уберечь глаза, прикрыв их рукой. Мужчина машинально сделал шаг в сторону в попытке удержать равновесие, его слегка занесло, и он невольно прижался к стене, ища опоры. В тот же миг кусок каменной двери с грохотом обрушился на лестницу, туда, где он только что стоял. Роммин тут же открыл глаза, все еще кашляя, и, увидев эту картину, торопливо начал шептать молитву Богине. «Снова повезло» — удивленно и испуганно подумал он, отгоняя рукой облачка пыли, повисшие в воздухе.

Нетеропливо, будто не веря очередной удаче, Роммин Дэйн поднялся по ступеням и вышел из подземного убежища, щурясь от яркого утреннего света. До его слуха тут же донеслась веселая переключка каких-то птиц, тихий гул насекомых, и самый желанный для него сейчас звук – журчание воды. Когда он снова отважился открыть глаза, то увидел, что далеко впереди высятся лес из каких-то игольчатых деревьев, очень походивших на кедры его родной страны. Верхний слой земли вокруг выхода из подземелья и до самого леса был сплошь сухим и растрескавшимся. Он напоминал большую одноцветную мозаику, сложенную из неровных разномастных кусочков, из-под которой тут и там проглядывает основа. Лишь неподалеку, в нескольких метрах от выхода, одиноким островком высились заросли густой травы. Именно оттуда доносился звук журчащей воды, и Роммин поспешил к траве.

Мужчина принялся нетерпеливо раздвигать руками длинные жесткие стебли, и в центре зарослей нашел некое подобие фонтана. Маленький ключ бил прямо посередине квадратной желтой каменной плиты, вода быстро переполняла неглубокую чашу и вытекала наружу, однако никаких луж Роммин не увидел. Вода была прохладной, чистой и показалась Роммину очень вкусной. Наконец-то он смог вдоволь напиться.

Он задумался на мгновение, затем руки его сами потянулись к растущей вокруг фонтана траве и сорвали пучок. Мужчина принялся отчищать грязь и пыль со своих рук и подивился тому, как же он исхудал за время путешествия. Затем, оглядевшись вокруг, стащил с себя порванную рубашку, грязные штаны и белье. Ему очень не хотелось портить чистую воду, но вещи так сильно пропитались пылью и потом, что иного выхода не оставалось. Роммин, скрепя сердцем, погрузил одежду в маленький фонтан и как следует прополоскал ее, а потом отжал и разложил на целой половине каменной двери.

Оставшись нагишом, Роммин снова нарвал жесткой травы, смял ее и, используя наподобие мочалки, начал мыться. От прохладной воды он тотчас же покрылся мурашками,

но ему так хотелось смыть с себя вместе с грязью испытания и ужасы последней недели, что даже окажись вода ледяной, все равно не отказался бы от своего намерения. Освежившись таким образом, мужчина вернулся ко входу в подземелье, присел на свободный краешек камня, смежил веки и подставил мокрое лицо теплым солнечным лучам.

День входил в свои права, и солнце пригревало все сильнее, поэтому обсохнуть Роммину удалось довольно быстро, чего нельзя было сказать о его одежде. Воспользовавшись вынужденным ожиданием, мужчина решил попробовать пожевать траву, благо у фонтана ее было очень много. Он присел на корточки и принялся выискивать молодые стебельки, надеясь, что они будут мягче, чем взрослая трава. Набрав маленький пучок тонких бледно-зеленых стеблей, Роммин осторожно попробовал один из них на вкус. Трава как трава, такая растет и у него дома, значит, совсем пропадать с голоду ему все-таки не придется. Мужчина промыл в каменной чаше фонтана сорванные стебельки и принялся жевать их, запивая водой. Вся пыль, набившаяся в чашу после того, как он прополоскал там одежду, уже вытекла, подгоняемая бодрыми струйками воды, и ушла в землю. Трава была конечно не самой лучшей пищей, но в его положении выбирать не приходилось.

Закончив свой первый за много дней завтрак, мужчина вернулся к сохнувшей одежде, перевернул ее, и снова уселся рядом. Жажда, голод и усталость ослабили свою хватку, и наконец у него появилась возможность спокойно осмотреться и подумать, куда двигаться дальше. Пока мужчина наслаждался отдыхом, греясь в лучах теплого солнца, разум его усиленно работал, и, к тому моменту, когда одежда высохла, Роммин уже решил, что пойдет в сторону хвойного леса, который приметил утром. В противоположном направлении тоже виднелся большой лес, но он почему-то не внушал мужчине доверия, к тому же это явно был путь назад, а ему совсем не хотелось приближаться к побережью и вормам.

Мужчина оделся, наслаждаясь приятным ощущением от прикосновения чистой ткани к вымытому телу, вдоволь напился

из фонтана, съел еще немного молодой травы и ощутил вдруг, как на него накатывает сонливость. Роммин удивился, он неплохо выспался в подземном коридоре, у него сегодня были еда и вода, почему же так хочется спать? Он поискал подходящее место, где можно было бы немного отдохнуть перед дорогой, решив, что лучше сделать это сейчас. Кто знает, найдется ли удобное местечко для сна в том лесу?

Взгляд его снова обратился к зарослям травы у фонтана, и Роммин решил соорудить из нее некое подобие подстилки. Немного поразмыслив, он отнес сорванную траву ко входу в подземелье и устроился там, надеясь, что проспит недолго и не успеет обгореть на солнце. Спускаться обратно под землю ему не хотелось, хоть это место и давало ощущение безопасности, а больше укрыться здесь было негде. Вокруг были лишь сухая, покрытая трещинами земля, да маленький оазис с бьющим в нем ключом. Мужчина постарался устроиться поудобнее и вскоре задремал, убаюканный мелодией журчащей в фонтане воды.

Ему снился дом, улочки, спускавшиеся с вершины холма к морю, и шумный порт, где голоса торговцев сливались с криками чаек и смехом моряков. Роммин стоял на самой высокой точке города и смотрел на привычный, до боли знакомый вид, которого ему так не хватало теперь, в этой дикой местности, куда забросила его судьба. Откуда-то налетел порыв сильного ветра, поднимая с земли пыль и сухие листья, и Роммину пришлось прикрыть глаза, чтобы уберечь их.

Когда же мужчина снова открыл их, взору его предстала совсем другая картина. Он видел, будто со стороны, прекрасный белый дворец посреди пустыни и город с блестящими крышами неподалеку. Роммин тотчас узнал их, именно отсюда, из самой высокой башни дворца, он когда-то смотрел глазами незнакомой девушки на открывавшийся сверху вид. От города к дворцу вела широкая, выложенная камнем дорога, вдоль которой зеленела чередой деревьев с толстыми, будто разбухшими стволами и странными широкими листьями, но жителей нигде не было

видно. Мужчина попытался понять, в чьем теле он оказался на этот раз, но никак не мог рассмотреть себя толком. Наконец, ему удалось увидеть длинные тонкие лапки, и Роммин понял, что сейчас он смотрит на Эгасс глазами какого-то насекомого. Внезапно ветер подхватил его и понес прямо к белокаменному дворцу, словно он был легкой пушинкой. У мужчины захватило дыхание, и он, совсем забыв, что это всего лишь сон, начал испуганно озираться вокруг.

Ветер, играя и кружа, поднимал его все выше и выше, а затем, ласково подкинув в последний раз, забросил в оконце самой высокой башни. Едва успев ухватиться цепкими лапками за край окна, Роммин сполз по стене вниз, боясь, как бы ветер снова не повторил свою шутку и не унес его, и только тут заметил, что он здесь не один. На каменном полу стояла на коленях молодая женщина. Было похоже, что она молилась, губы ее беззвучно шевелились, а на щеках Роммин разглядел подсыхающие дорожки слез. Она поспешно закончила молитву, устало потерла глаза, и на одном из ее пальцев мужчина увидел знакомое кольцо с камнем бирюзы, так напоминавшим по форме человеческий глаз. Она, конечно это она, та самая девушка, которая любовалась закатом. Только теперь он видел ее со стороны. Мужчина постарался получше разглядеть незнакомку, нужно запомнить ее лицо, чтобы потом не ошибиться, ведь искать по одному лишь кольцу — дело ненадежное. Хотя одна зацепка у него уже есть — она явно живет во дворце, скорее всего благородная госпожа или ее компаньонка, для служанки на ней были слишком дорогие украшения, да и ухоженные руки явно не знали грубой работы.

Роммин рассматривал девушку, которая теперь подошла к оконцу и молча наблюдала за неспешным ходом облаков, подгоняемых ветром. Она показалась ему довольно высокой и по своему привлекательной: смуглая кожа, приятного коричневого цвета, длинные темные волосы, перевитые жемчужными лентами и глаза, такого необычного янтарного оттенка, что Роммин поначалу решил, будто ему померещилось, и это всего лишь иг-

ра солнечного света. Вот девушка повернулась, вероятно, чтобы идти к видневшейся в тени винтовой лестнице, золотые украшения ярко блеснули в свете солнца, и все исчезло.

Роммин открыл глаза, над ним простиралось чистое синее небо, рядом по-прежнему журчала вода, и солнце старательно припекало, войдя в зенит. Мужчина поднялся, нужно было напиться воды перед дорогой, намочить одежду и съесть еще травы. Он неспешно проделал все это, оглянулся напоследок на темневший за спиной лес, и решительно пошел в противоположную сторону. Втайне Роммин надеялся найти там птичьи гнезда и достать яйца, ведь на одной траве долго не протянешь.

Высушенные пласты почвы крошились под его босыми ногами, солнце безжалостно припекало со спины, и мокрая рубашка высохла на Роммине очень быстро, но он старался не думать об этом. Он пытался сосредоточиться на ближайшей цели — хвойном лесе, а что делать дальше он решит, когда увидит, что находится за деревьями.

Мужчина шел весь день с короткими остановками на отдых, и лишь к закату достиг назначенного места и ступил под сень деревьев, осторожно озираясь вокруг. Он ощутил под ногами длинную хвою, приятно покалывающую натертые ступни. После сухой горячей земли для босых ног она была словно мягкий ковер. Оказавшись здесь, Роммин внимательно осмотрелся, и, если поначалу, этот лесок казался ему хорошим местом, где вполне можно переждать ночь, то теперь он переменял свое мнение. Возможно в этом были виноваты незаметно подкравшиеся сумерки или игра его воображения, но мужчине очень не понравилась царившая здесь тишина. Никаких птичьих гнезд он не заметил, да и вообще не увидел и не услышал ни одной птичьей трели в этом молчаливом лесу. Роммин решил не задерживаться здесь и идти настолько долго, насколько хватит сил, а по пути высматривать, вдруг попадется какое-нибудь съедобное растение или чудом выросший на здешней почве ягодный куст.

Тропинок в лесу не было, и мужчина шел, разглядывая кривые массивные корни деревьев, прочно вгрызшиеся в землю.

Следовало торопиться, ведь с наступлением темноты идти станет гораздо труднее, и неизвестно, насколько большим окажется этот лес. Роммин не останавливался, хотя чувствовал, как усталость медленно накатывает на него, невольно заставляя выискивать подходящее местечко, чтобы прилечь и отдохнуть. Мужчина стряхнул наваждение и продолжил свой путь, по дороге он сорвал немного хвои с молодого деревца и попробовал жевать ее. Хвоя оставляла во рту вяжущий привкус, но в целом была вполне съедобна, и Роммин порадовался, что голодная смерть ему пока не грозит.

Наконец, спустя всего пару часов, деревья поредели, и мужчина вышел на пустое пространство. Почва здесь была точно такой же потрескавшейся и безжизненной, как и у выхода из подземного хода. Он постоял немного, вглядываясь в темноту, и тут, словно внимая его нуждам, из-за облаков показался бледный лунный диск. Голая равнина вмиг осветилась, оказалось, что она имеет полукруглую форму и с трех сторон опоясана небольшой горной грядой. Посреди всей этой пересохшей земли стояла хижина, окруженная низеньким забором. Роммин долго смотрел на нее, не решаясь поверить своим глазам, однако хижина куда не исчезала, из трубы домика выползали походившие на призрачные тени, клубы темно-серого дыма. Там явно кто-то жил, но кто, друг или враг? Роммин слишком устал, чтобы раздумывать о подобном. Он помнил, что червяки обитали в пещерах, неподалеку от берега моря, и, судя по тому, что его до сих пор никто не нашел, не заходили в эту часть острова. Быть может здесь поселился кто-то из прежних обитателей этой земли, кто-то из народа, построившего подземный ход или такой же как он, чудом спасшийся после кораблекрушения человек, отчаявшийся уплыть с острова дикарей?

«Будь что будет, мне нужна помощь и место, где я смогу восстановить силы, прежде чем отправиться в Эгасс. И, кто знает, может этот человек поможет мне найти дорогу в страну золотых песков» – подумал про себя Роммин, отгоняя прочь сомнения. Он решительно пошел к жилищу, одиноко стоявшему посреди

голой пустоши. Под ногами хрустели и рассыпались в прах кусочки сухой земли, но путник уже не обращал на них внимания. Где-то вдалеке громко ухнула сова, звук этот прорезал тишину ночи подобно предупреждающему сигналу и заставил Роммина вздрогнуть. Он остановился и огляделся, но не заметил вокруг никакой опасности. Небо очистилось, лунный свет мягко освещал пространство перед хижинкой, и ни впереди, ни позади, сколько ни приглядывался, Роммин не обнаружил никакой видимой угрозы.

В конце концов, когда до дома оставалось всего несколько футов, дверь неожиданно открылась, и на пороге показалась дряхлая старуха. Она посмотрела на приближающегося путника безо всякого удивления или страха, но за пределы изгороди предпочла не выходить. Роммин поспешил выкрикнуть приветствие, чтобы она не сочла его разбойником или одним из воров, и, к его удивлению, старуха ответила ему на его родном языке, даже безо всякого акцента. Но больше этого Роммина поразили сами ее слова.

–Я видела, что ты идешь, сынок. Проходи, не бойся, – сказала старая женщина и отступила в сторону, чтобы впустить Роммина внутрь.

–Меня зовут Роммин Дэйн. Вы из знающих? – спросил он, как только вошел и, следуя жесту хозяйки, присел на стоявшую у стены скамью.

–Мое имя Сарона. Можно и так сказать, я могу видеть кое-что, лечить и знаю несколько простых заклинаний. Я видела, как дикари поймали тебя и привязали к камню, видела, как ты спустился в подземный ход и как проходил через лес, – старуха махнула рукой в сторону, откуда пришел ее гость. –Ты должно быть устал и голоден. Давай-ка я накормлю тебя, а пока ты ешь, расскажу тебе свою историю, вижу же, что тебе интересно, как так вышло, что я живу здесь.

Роммин слабо улыбнулся, у него действительно готов был сорваться с языка вопрос, как она оказалась здесь совсем одна. Он поблагодарил старуху и с жадностью набросился на подан-

ную еду. Она поставила перед ним неказистый деревянный кубок с каким-то травяным настоем, тарелку с жареными яйцами и кусочками жесткого мяса, скорее всего какой-то дикой птицы, а сверху положила маленький кусок хлеба. Роммин поначалу принял его за испорченный из-за темно-зеленого цвета, но хозяйка лишь рассмеялась и сказала, что хлеб этот она делает из травы, потому он так и выглядит. Пока гость ел, хозяйка коротко поведала ему о своей жизни.

—Я родилась уже здесь, но родители мои были из племени тех, кто возвел подземный ход, из великого племени. Сюда им пришлось бежать от вормтов, решивших истребить своих развитых соседей. Однажды ночью дикари пробрались к хижинам моих предков, подожгли их, а всех спящих перерезали. В живых остались немногие, лишь те, кого успела разбудить в ту страшную ночь одна из женщин племени. Ей не спалось, и она увидела дикарей, выступающих из леса. В спешке она растолкала своего сына, его жену и детей и соседку с маленькой дочкой. Лишь только женщина подняла крик, чтобы разбудить остальных своих соплеменников, как подкравшийся вормт перерезал ей горло. Однако эти две семьи успели сбежать, она выиграла для них время. Беглецы скрылись от дикарей в том же туннеле, через который ты пришел сюда, а потом выстроили эту хижину и стали жить здесь. Это запретная земля для дикарей, они сюда не суются, считают, что их морское божество велит им жить только на побережье. К сожалению, мои предки не нашли покоя и здесь, постепенно маленькое племя вымерло, кто от болезни, кто от несчастного случая, кто от старости. Я уже давно осталась одна и очень много лет не слышала человеческой речи. Ты — первый забредший сюда путник за последние сто лет.

—Сто лет? — удивился Роммин.

Конечно старуха выглядела уже совсем дряхлой, но он бы никогда не подумал, что она живет уже больше века. Сарона рассмеялась, широко раскрыв рот, и Роммин заметил, что у нее не хватает как минимум трех передних зубов.

–Мое племя всегда славилось долголетием, – сказала она и добавила. –Как же приятно снова поговорить с живым человеком из плоти и крови. Расскажи теперь мне, Роммин Дэйн, кто ты и куда держишь свой путь?

Роммин, который как раз доел предложенную Сароной еду, отхлебнул жидкость из деревянного кубка и поведал старой женщине свою историю. Она молча слушала и кивала, поддерживая рассказ своего гостя. Когда он закончил, Сарона с задумчивым видом покачала головой и предложила Роммину пока остаться у нее и восстановить силы перед долгой дорогой.

–Отсюда есть путь в страну золотых песков, которую ты ищешь, но думаю не мешает разведать поподробнее. Когда-то давно мой отец показывал мне его, он все хотел построить лодку и увезти нас туда, но так и не успел. Я могу попробовать поискать его с помощью своей силы, а ты пока отдохни и, когда станешь сильнее, пожалуй, можешь отблагодарить меня починкой крыши или еще чем-нибудь. Стара я теперь, и мне тяжело добывать пищу, а чинить хижину и изгородь и вовсе не под силу, так что тебя мне наверное сами боги послали, – сказала старуха, и Роммин тут же согласился с ней.

–Конечно я помогу вам, госпожа Сарона. Спасибо вам за хлеб и кров, – радостно ответил мужчина и мысленно поблагодарил Богиню за очередную удачу на его пути.

Сарона вдруг сморщилась, и Роммин подумал, что у нее должно быть что-нибудь заболело, да и неудивительно, при ее то возрасте. Быть может, когда он поправится, она согласится пойти в Эгасс вместе с ним. Это конечно очень замедлит его, но нельзя же бросать в этом диком месте одинокую старушку, пусть она и обладает кое-какими магическими способностями.

–Я утомил вас, добрая хозяйка, – виновато обратился он к ней.

–Не ты, сынок, а годы. Знал бы ты, как я рада живой душе, с которой можно перемолвиться словечком. Но твоя правда, пора бы уже спать. Ложись на скамью, вон в том сундуке есть одеяла и подушка.

Роммин поблагодарил старую женщину и подошел к сундуку, там, поверх разного тряпья он нашел два старых залатанных шерстяных одеяла и подушку, набитую пером какой-то дикой птицы. Соорудив себе постель, мужчина с наслаждением лег на скамью, достаточно длинную, чтобы он мог спокойно вытянуться во весь рост. Едва он закрыл глаза, как тут же провалился в глубокий черный сон безо всяких сновидений. Возле противоположной стены похрапывала на своей лавке старая Сарона.

4

Утром, едва солнечный диск поднялся над песчаными дюнами, Адария наскоро поела и принялась одеваться. Нужно было обязательно переговорить с отцом. Если на Эгасс надвигается беда, то она должна предотвратить ее любой ценой. Дочь правителя золотых песков спустилась вниз, пересекла тронный зал и направилась к двери у правой стены. Все как накануне, только сегодня там стояли стражники, двое высоких крепких мужчин с копьями в руках и мечами на поясе. Спокойные и суровые, они безмолвно несли свою службу. Увидев госпожу, стражники поклонились, и один из них ударил в деревянную дверь кулаком, давая понять, что пришел посетитель. Дверь тут же распахнулась, на пороге стоял главный советник Керант. Он совершенно не удивился, увидев дочь своего господина, будто бы давно ожидал ее, ослепительно улыбнулся и с поклоном впустил ее внутрь. Молодая женщина заподозрила неладное, но делать было нечего, ей необходимо было передать отцу предупреждение богини, и пусть Керант сколько угодно щерит в насмешливой улыбке свои жемчужные зубы.

Она обнаружила Аталира сидящим во главе стола за какими-то бумагами, он бросил на дочь быстрый взгляд и, как отметила про себя Адария, тоже не был удивлен ее приходом. Правитель Эгасса отложил в сторону перо и свитки, один из них выскользнул из стопки и упал на пол, но Аталир не обратил на это внимания. Керант тем временем закрыл дверь и уселся по правую руку от ее отца. Теперь оба они выжидающе смотрели на молодую женщину.

–Зачем ты пришла, дочь?

–Богиня послала мне сон, отец. Это было предупреждение. Эгассу грозит беда, – начала она, но не успела больше сказать ни слова.

–Адария, – прервал ее отец, внезапно посуровев. –Я прекрасно вижу, что тебе претит мысль о замужестве, хотя ты даже не знакома с Оларом, а уже заранее невзлюбила его. Если ты решила, что подобный обман сможет купить тебе свободу в выборе мужа, то ты заблуждаешься. Я, возможно, уже немолод, но еще не выжил из ума, чтобы не заметить этого.

–Отец, я вовсе не придумала это! Я видела Эгасс, разрушенный страшной песчаной бурей и Белый дворец в руинах, я видела бегущих людей и...

–Довольно! – Аталир резко осадил дочь, чего никогда не делал раньше. – Возвращайся в свои покои и чтобы я больше не слышал этих глупостей! Ты разочаровываешь меня, дочь.

–Подожди, мой господин, – вдруг встрял в разговор Керант. –Я не думаю, что госпожа Адария дочь пытается обмануть тебя.

–Только не говори, что ты поверил в этот якобы вещий сон, Керант, – недовольно фыркнул Аталир. –Ты же видел, как она восприняла новость о свадьбе с твоим братом. Тут все ясно как день.

Адария стояла и удивленно смотрела на них обоих. Она совершенно не привыкла к такому обращению со стороны отца, он никогда раньше не позволял себе повышать на нее голос, а Керант, неужели он и правда поверил ей? Однако ее зыбкие надежды тут же развеялись, как дым, стоило советнику снова заговорить.

–Я всего лишь хотел сказать, господин мой, что твоя дочь могла действительно увидеть такой сон и принять его за послание волоокой Кейтар. Но, быть может, сон был просто сном, и госпожа Адария испугалась сама и перепугала всех вокруг, неверно истолковав его?

Голос Керанта звучал тихо, спокойно и настолько уверенно, что Адария вдруг и сама засомневалась в правильности своего

вывода. Что если советник был прав и сон этот обычный кошмар, а вовсе не послание богини? Что если она, расстроенная вестями о скором замужестве и отъезде в далекое поместье, приняла сон за предупреждение, увидев в нем, пусть и неосознанно, путь к свободе?

– Тем не менее, – продолжал Керант, мягко улыбаясь. – Я уверен, что твоя дочь не имела ввиду ничего дурного. Она лишь искренне хотела предостеречь нас.

Аталир недоверчиво покосился на дочь, но она увидела, что раздражения в его взгляде заметно поубавилось. Он уже понял, что погорячился, обвиняя Адарию в желании обмануть его. Правитель Эгасса устало потер глаза и поманил молодую женщину к себе. Адария осторожно подошла ближе, боясь получить еще один выговор. Она уже итак пережила унижение, вдвойне горькое от того, что Керант стал его свидетелем. Аталир встал, положил руку ей на плечо и покаянно поцеловал ее в щеку.

– Адария, я был слишком резок, прости меня. Все эти хлопоты с двумя свадьбами просто сводят меня с ума. И что еще я должен был подумать, когда ты прибежала сюда на другой день после известия о замужестве и начала говорить о вещем сне? Возьми служанок и отправься в город, тебе надо бы выбрать ткани на платья для будущих празднеств и твоей свадьбы. Я слышал, что старик Данебр недавно вернулся из путешествия, наверняка у него полно новых красивых материй. И еще зайди к мастеру Тамиру, новые украшения тебе тоже понадобятся, а об этом сне я больше не желаю слышать. Если тебе еще будут сниться кошмары, пусть лекарь даст тебе какой-нибудь настой.

Все это Аталир произнес на одном дыхании, словно бы спеша отделаться от дочери, он постоянно нетерпеливо оглядывался на главного советника, а тот лишь продолжал невозмутимо улыбаться. Адария поняла, что бесполезно убеждать отца, да и сама она после слов советника уже не была так уверена в том, что верно поняла свой сон. Молодая женщина поблагодарила отца за щедрость, кивнула на прощание советнику и пошла к себе в покои.

Едва дочь правителя вернулась в свои комнаты, к ней тут же подошла старая нянька. Ворча и причитая, она укоряла молодую госпожу за то, что та придумывает невесть что, да еще беспокоит отца, который теперь будет ох как занят, готовясь к собственной свадьбе. Адарии горько было слышать упреки Кэсмей, но она придержала язык, потому что только теперь поняла — даже если нянька когда-то верила в вещие сны и в причину их исчезновения, то сейчас она уже стара, ум ее мутится и все, чего ей хочется — спокойно дожить оставшиеся годы и удачно выдать замуж воспитанницу. Адария, решив поскорее покинуть дворец, чтобы не слушать несправедливые упреки няньки, позвала своих служанок и велела им собираться. Услышав, что им предстоит ехать с госпожой в лавки торговца тканями и ювелира, девушки пришли в восторг, ведь и им, как спутницам госпожи полагались к грядущим праздникам новые одеяния. Кэсмей, видя, что Адария больше не заговаривает о вещих снах и будто бы смирилась с предстоящим замужеством, перестала ворчать и лишь изредка бросала на воспитанницу подозрительные взгляды.

Для путешествия в город дочь правителя выбрала большую удобную повозку с тканым балдахинном, который легко скрывал от солнечных лучей сидящих под ним людей. Молодая женщина и три ее служанки отправились в путь, их охраняли пятеро стражников. Маленькая процессия не спеша выдвинулась в сторону города. Дорога была выложена таким же белым камнем, из которого был построен дворец, и время от времени ее засыпало песком, несмотря на посаженные вдоль всего пути деревья. Этот особый вид деревьев хорошо прижился на сухой пустынной почве, благодаря умению накапливать большое количество воды в своем толстом стволе. Они служили преградой для извечных песчаных бурь и ветров, а их широкие гладкие листья давали небольшую тень по обе стороны дороги, что несказанно радовало путников.

Пока служанки щебетали о предстоящей свадьбе госпожи и обсуждали, в какой лавке можно купить лучшие ткани, Адария

смотрела по сторонам и думала о своем будущем. Жизнь ее вскоре должна была целиком и полностью перемениться, трон теперь потерян для нее навсегда, и вскоре ей придется сменить любимый Белый дворец с его прекрасными высокими башнями на далекое поместье. Отец и главный советник очень ясно дали ей понять, что выбор уже сделан и ей остается лишь примириться с ним.

В душе молодой женщины еще не утихла жажда борьбы, ей хотелось бы схватить Керанта за грудки и кричать ему в лицо об угрозе, которую она видела во сне, пока он не поверит ей, но она понимала, что это бесполезно. Что она может сделать, если ей не верит никто, даже старая Кэсмей, знавшая ее с детских лет? Адария задумалась было о побеге, но сразу же отбросила эту мысль. Даже если ей удастся покинуть Белый дворец, то придется либо двигаться вдоль Эги, по плодородным илистым землям, где ее очень легко будет поймать, либо идти в пустыню, на верную смерть. Она часто наблюдала с башни, как ветер гоняет песок там, где заканчивается власть реки и начинается господство пустыни. Всего-то полдня пути отделяли ее от смертоносной местности. Да и сбеги она, кто тогда предупредит жителей о грозящей им беде?

«Если бы богиня послала мне сон хотя бы на день раньше! Отец бы принял мои слова всерьез, и я смогла бы избежать замужества и спасла бы людей» — сокрушалась про себя молодая женщина. Думая обо всем этом Адария совсем запуталась и не представляла, что ей делать дальше. Не может же она ходить и рассказывать всем подряд о вещем сне, отец и Керант скажут, что она зря пугает людей и запрут ее во дворце до самой свадьбы, а то и вовсе объявят сумасшедшей. Адарии уже начинало казаться, что главный советник не остановится ни перед чем, лишь бы осуществить свои планы и войти в правящую семью Эгасса. «Все-таки странно вышло, почему он сосватал меня для своего брата, а не для себя? С его то честолюбием» — задумалась было Адария. Не то чтобы она была недовольна таким поворотом событий, но все же это настораживало.

Тут повозка подпрыгнула на неровном покрытии, служанки дружно взвизгнули, и Адария еле успела схватиться за деревянный бортик. Они наконец въехали на широкие мощеные улицы города, быстро миновали главную площадь и остановились у лавки торговца тканями по имени Данебр.

Адария всегда любила эти поездки, позволявшие ей хотя бы ненадолго выбраться из дворца и посмотреть на диковинные товары, попробовать новые блюда или послушать рассказы бывалых путешественников на главной площади. Вот и сегодня, несмотря на то, что на душе у нее было скверно, вид разноцветных рулонов, блестящих, пестрых, однотонных и покрытых узорами, немного поднял ей настроение. Хозяин лавки, у которого покупала ткани еще ее мать, расхваливал свой товар и предлагал высокой гостье охлаждающие напитки, пока она и ее спутницы рассматривали и перебирали отрезы нежного шелка, тяжелой парчи, легкого беленого льна. И тут молодая женщина заметила под грудой материи еще один рулон, она велела хозяину достать его и развернуть. Любезный мужчина тотчас же исполнил ее просьбу, и взору Адарии предстала чудесная шелковая ткань цвета жженого сахара. Дочь правителя прикоснулась к нежной легкой материи и провела по ней рукой. «Что ж, мужа выбрали за меня, но я хотя бы могу выбрать себе платье. Быть может мне повезет, и он окажется не таким неприятным, как Керант» — печально подумала она, вспомнив, для чего была затеяна сегодняшняя поездка.

— Госпожа, ты хочешь шить свадебный наряд из этой ткани? Она так хорошо подойдет к цвету твоих глаз! Если к ней добавить золотую вышивку, то ты поразишь всех! — начали наперебой выражать восхищение служанки.

Адария лишь грустно улыбалась в ответ и кивала. Какой в самом деле толк от красивого платья, подчеркивающего ее необычные глаза, если замуж она идет против воли? Она предпочла бы вообще не выходить замуж, но теперь уже поздно было думать об этом. Скорее всего уже в ближайшие дни об обеих

свадьбах объявят в городе, и жители будут ликовать и радоваться за своего правителя и его дочь.

–Госпожа, верно ли я понял, что вас можно поздравить с по-молвкой? – осторожно спросил хозяин лавки.

–Да, это так, Данебр, – просто ответила ему Адария, с грустью поглядев на старика.

Данебр тут же ушел куда-то за прилавок и, порывшись в ящиках, достал небольшой сверток. Подойдя к молодой женщине, он подал ей его с почтительным поклоном и произнес:

–Примите в знак добрых пожеланий и поздравлений, госпожа Адария. Ваша матушка когда-то покупала у меня ткань для своего свадебного наряда. Она была очень доброй и хорошей женщиной. Надеюсь, что вы будете счастливы со своим избранником.

Молодая женщина поблагодарила старика и приняла сверток. В свертке оказалось несколько локтей узорной бледно-золотой тесьмы, которая и впрямь прекрасно подходила к выбранной Адарией шелковой ткани. Адария отдала сверток служанкам и, пока они с восхищением рассматривали подарок и прикладывали тесьму к шелку, дочь правителя, повернулась к хозяину лавки и неожиданно для себя самой негромко произнесла:

–Данебр, вы хороший человек и мне хотелось бы отблагодарить вас за добрые слова. Я понимаю, что ваш подарок шел от сердца, поэтому не стану оскорблять вас золотом, – молодая женщина заколебалась на мгновение, но продолжила. –Взамен я скажу вам кое-что другое, Данебр. Волоокая Кейтар послала мне вещий сон. На Эгасс обрушится такой сильный ураган, какого еще не видели эти земли. Поэтому, добрый господин Данебр, если вам есть, куда уехать, бегите, как только заметите его приближение. Он придет с востока. Мой отец и советник Керант считают, что это выдумка, но я знаю, что всех нас ждет гибель, если мы не покинем город.

–Богиня благословила вас пророчеством, моя госпожа? – удивленно и почтительно переспросил старый торговец. –Послала ли богиня какие-нибудь знаки о том, когда это случится?

Адария подумала, что с этим человеком ей не нужно врать и притворяться. Он сразу же поверил ее словам, лишь выглядел удивленным тем, как пренебрежительно отнеслись к вещему сну Аталир и его главный советник. Молодая женщина тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой.

–Пока не знаю, Данебр. И я не знаю, как мне предупредить людей. Нехорошо наговаривать на отца, но он уже решил мою судьбу и не хочет отказываться от своих планов. Боюсь, если я начну настаивать на своем, то он и главный советник попросту запрут меня в покоях до самой свадьбы.

–Не стоит пренебрегать предупреждением богини, – согласился с ней Данебр, почесывая свою короткую черную бороду, и добавил. –Но ваш благородный отец действительно разгневется, если вы будете рассказывать об этом.

–Я не стану больше никому говорить о своем сне, – тихо ответила Адария. –Но как же предупредить людей о грозящей беде?

–Не спешите отчаиваться, госпожа, быть может я смогу помочь вам, – задумчиво произнес старый торговец.

–Если вы начнете сами рассказывать о подобных снах, то отец и Керант сразу поймут, что вы узнали о них от меня, и, боюсь, Данебр, тогда вам не поздоровится, – сокрушенно покачала головой молодая женщина, и ее янтарные глаза с сочувствием посмотрели на старого торговца.

–Вы правы, моя госпожа, но я все же подумаю, как можно вам помочь, а пока не теряйте надежды, полагайтесь на богиню. Если волоокая Кейтар послала вам вещий сон, значит, она может помочь вам донести до людей правду, – Данебр поклонился и пошел к своему прилавку, чтобы отложить ткани, выбранные дочерью правителя и ее служанками. Ткани это надлежало упаковать и на другой день отвезти в Белый дворец.

Адария проводила старика грустным взглядом и вернулась к своим служанкам. Ей осталось посетить лавку ювелира, а потом можно было отправляться домой. Пожалуй, впервые в жизни молодая женщина ощутила, что ей не хочется возвращаться.

Чудесный Белый дворец, знакомый ей с детства вдруг предстал перед ней в виде неудобной темницы, из которой ей не выбраться. Никогда еще родной дом не казался Адарии таким чужим. «Что ж, по крайней мере заточение это будет недолгим. Скоро я уеду. Помоги мне, Кейтар, хоть бы этот Олар оказался хорошим человеком» – подумала дочь правителя.

Настроение у нее окончательно испортилось, и Адария решила ехать обратно во дворец, не заезжая в ювелирную лавку. Служанки приуныли, но Адария сказала, что вызовет ювелира к ним во дворец, чтобы спокойно посмотреть украшения и примерить их с новыми тканями. Все уселись в повозку, стражники выстроились вокруг нее, и кортеж двинулся обратно в сторону белокаменной дороги.

5

Роммина разбудили негромкая возня и стук выставленной на стол посуды. Он открыл глаза, отчаянно зевая и постепенно вспоминая события вчерашнего вечера. Старая Сарона по-видимому уже давно встала, и теперь накрывала на стол. Роммин довольно потянулся, наконец-то ему удалось выспаться. Пусть перина была старой и не слишком толстой, но после узкой каюты с мотающимся туда-сюда гамаком, голых каменных плит и земли, эта нехитрая постель на деревянной лавке была настоящим подарком судьбы.

Хозяйка сказала ему, что во дворе есть пара старых дождевых бочек, и он может воспользоваться водой из них, чтобы умыться. Роммин выглянул в открытое оконце и подивился, как так получилось, что вода из них не испаряется от жары, на что хозяйка только рассмеялась в ответ.

–Я же говорила тебе вчера, что кое-что я умею, иначе бы не выжила тут одна, – довольно сказала Сарона, глядя на его удивленное лицо. –Ладно, пойдешь умыться, а потом уж сядем поедим.

Роммин послушно отправился во двор, за порогом покосившейся лачуги Сароны его встретило яркое слепящее солнце. Он

прищурился и осмотрелся. Деревьев вокруг не было совсем, а вялые хлипкие кусты, покрытые какими-то неизвестными мелкими ягодами оранжевого цвета, практически не давали никакой тени. Возле них стояли бочки, заботливо прикрытые сверху покосившимися деревянными крышками. Мужчина поспешил умыться, вспомнив, что старушка уже ждет его за столом, а про себя отметил, что работы тут будет достаточно. Хижина Сароны, бочки, мебель, изгородь – все нуждалось в починке. Но об этом можно подумать после еды. И Роммин пошел завтракать, не веря, что после стольких дней, проведенных без нормальной еды, у него наконец-то появились пища и крыша над головой.

На завтрак Сарона подала травяной настой, остатки вчерашнего зеленого хлеба и немного тех ягод, которые он видел на кустах. Когда за едой Роммин заикнулся было старухе о том, что он может начать работать прямо сегодня, она, к его удивлению, недовольно замахала на него руками и запричитала.

– Ты что же думаешь, я приютила тебя, чтобы тут же завалить работой и уморить до смерти? Нет уж, ешь, пей, а как немного поправишься, тогда уж можно и потрудиться. А пока можешь рассказать мне о своей стране, о людях, потетишь меня байками, очень уж долго я не слышала человеческой речи.

Роммин согласился и принялся рассказывать старухе о своей родине. Пока она хлопотала по хозяйству, мужчина успел поведать ей о городе, в котором родился и вырос, о своей семье, о работе в порту, и подробно рассказал о кораблекрушении. Но больше всего Сароне были интересны сны, из-за которых он отправился в свое путешествие, и мужчина охотно рассказал ей все, что помнил из них. Старуха покачала головой, и подтвердила то, что он и сам давно знал, – сны эти посланы ему неспроста. Она снова пообещала ему поискать путь в Эгасс с помощью своих знаний, но лишь тогда, когда он поправится и сможет путешествовать вновь. Роммин предложил старой женщине отправиться вместе с ним, чтобы не оставаться одной в этой пустынной местности, но она только отмахнулась от него.

–Да что ты, сынок, куда мне идти? Останусь доживать здесь. Ты молодой и сильный, ты пройдешь, что тебе положено, а я только буду обузой в дороге. Нет, нет, пойдешь один, дождись только, пока окрепнешь.

***

День шел за днем, и Роммин постепенно набирался сил. Он все-таки потихоньку принялся помогать старой женщине, а она, хоть и ворчала, но отказываться не стала, видя, что к ее гостю быстро возвращается здоровый цвет лица и потерянный во время путешествия вес.

Сарона редко покидала дом, и, пока Роммин был ее гостем, он ни разу не видел, чтобы она вышла за пределы изгороди. Поначалу это показалось ему странным, но потом, увидев, как старушка использует свои силы, чтобы добывать себе пищу и воду, понял, что у нее в сущности такой необходимости и не было. Она с помощью своей нехитрой магии могла заставить птиц подлетать к хижине, и даже гнездиться возле хлипких ягодных кустов. Роммин не раз видел, как она выходила из дома, вставала посреди маленького дворика и начинала пристально всматриваться в небо. Когда мимо пролетала птица, Сарона принималась что-то тихонько шептать, и не сводила с нее глаз, пока птица не опускалась рядом с ней на изгородь. Тогда старушка хватала ее и ловко сворачивала ей шею. Точно также, с помощью магии она заговаривала бочки, чтобы вода в них не портилась и не испарялась.

Роммин прожил в домике Сароны уже около двух недель, когда решил, что достаточно окреп, чтобы снова отправляться в путь. С тех пор, как он выбрался из подземного хода и пришел сюда, Богиня не послала ему ни единого сна, и это беспокоило Роммина. Быть может она решила, что теперь он не сумеет добраться до Эгасса или сочла его слишком слабым и бесполезным для своих целей? Он пытался молиться, но слова путались в его голове, лишь усиливая беспокойство. В конце концов мужчина уговорил старушку посмотреть с помощью своей магии,

как ему можно добраться до Эгасса, и та, ворча и причитая, что ее гость еще не слишком оправился, все же согласилась.

В тот вечер Сарона велела Роммину набрать воды в большую деревянную чашу и поставить перед ней на стол. Старуха бросила в горящий очаг щепотку каких-то трав, и тяжелый темно-зеленый дым пополз по комнате. Он постепенно поднимался вверх, цепляясь за мебель и стены, и скапливался где-то под толчком большим живым облаком. Роммин заворуженно смотрел то на дым, то на подрагивающую воду в деревянной чаше, и боялся нарушить ритуал неосторожным словом или движением.

Долгое время ничего не происходило, Сарона пристально всматривалась в поверхность воды, а затем она принялась бормотать, и вода вдруг застыла, превратившись в подобие зеркала. Роммин увидел сверху какой-то дом, растрескавшуюся почву вокруг, затем стали видны опоясывающие местность небольшие горы, и мужчина ахнул. Это была хижина Сароны, окруженная петлей гор и лесом. Затем изображение начало меняться, будто бы они наблюдали за местностью глазами летящей птицы. Роммин и Сарона увидели небольшую тропку через горы, которая поднималась вверх, а затем спускалась и упиралась в песчаный берег. Белый песок был таким же, как на побережье, где обитали вормты, но здесь не было ни души, как видно, дикари не жили в этой части острова. Берег тянулся на восток, вдоль него росло множество причудливых деревьев на выступающих из земли корнях, такие Роммин уже видел во время своего бегства по побережью.

Долго, очень долго невидимые глаза, которые показывали им дорогу, двигались вперед, а картина все не менялась — песчаный пляж, море и деревья, но потом, когда Роммин уже было отчаялся, они наконец увидели восточную оконечность острова. Там, в лучах закатного солнца, выделялась среди беспокойного моря длинная, будто бы уходящая в никуда, песчаная коса. Движение остановилось, но Роммин видел, что где-то вдали белеет другой песчаный берег, и понял, что это и есть цель его путешествия. Значит, он все-таки сумеет по-

пасть в Эгасс, нужно лишь пересечь море по песчаному мостику.

— Ну, увидел все, что хотел? — тяжело дыша спросила его старуха.

— Спасибо, госпожа Сарона. А дальше вы заглянуть не можете?

— У моей магии есть свои пределы. Берег Эгасса очень далеко, хоть ты и видишь его на горизонте. Думаю, песчаная коса появляется только на время отлива, и она не поведет тебя прямо к землям, к которым ты так стремишься, она обрывается по пути. Тебе понадобится лодка, и грести нужно будет очень быстро, иначе коварные течения унесут тебя в открытое море.

— Думаю, я смогу смастерить плот.

Роммин задумался, приготовления к дороге займут несколько дней, за это время ему нужно собрать кое-какой еды, подлатать рваную одежду и придумать, в чем нести воду. Он был благодарен старой женщине и чувствовал себя виноватым, оставляя ее здесь одну, хоть и понимал, что благодаря магии она может вполне сносно прожить еще несколько десятков лет.

— Я так благодарен вам, госпожа Сарона. Скажите, чем еще я могу помочь? — спросил Роммин, мучимый чувством вины.

— Ты уже помог мне по хозяйству, сынок. Большого мне и не надо. Знаешь, я ведь могу провести ритуал на удачу, чтобы твой путь был легким, — неожиданно предложила она.

— Это бы мне очень помогло! — обрадовался Роммин.

— Как соберешься в путь, сынок, так и проведем. Завтра нужно будет наловить тебе птиц и набрать ягод в дорогу. Да и с водой что-нибудь придумать надо, — задумалась старуха и добавила. — А сейчас, пожалуй, можно и отдохнуть, как считаешь? Уже ночь на дворе.

Роммин согласился с хозяйкой и принялся устраиваться на своей лавке у окна. Занавесок на окошках не было, как и стеклок, к которым Роммин так привык у себя на родине. За окном и впрямь уже было темно, он сумел разглядеть далекие огоньки звезд сквозь щелку в старой ставенке, которая закрывалась

на примитивный крючок. Мужчине не спалось, вдохновленный тем, что увидел в чаше, он мечтал о том, как прибудет в Эгасс, найдет ту девушку с шоколадной кожей и янтарными глазами, выполнит волю Богини, а потом отправится обратно домой. Знать бы только, для чего Богине эта девушка. После того сна у подземного хода, Богиня больше не посылала ему видений, но сегодня Роммин был так рад увидеть дорогу к Эгассу, что не стал огорчаться по этому поводу. Он закрыл глаза и начал молиться Богине. Где-то в своем углу закашлялась на лавке старуха Сарона, и Роммин подумал, что все-таки зря он оставляет ее здесь одну. Не успел он вернуться к своей молитве, как сон нахлынул на него черной волной, принося с собой видения о доме, о беспокойном море, о далеком причале, сплошь забитом торговыми судами, и о кричащих в полете чайках.

Дни пролетели незаметно, и Роммин был уже готов к путешествию. Сарона откопала на дне одного из сундуков старую флягу, которую изготовил еще ее отец, фляга выглядела хлипкой, но воду держала, а большего от нее и не требовалось. Роммин предпочел бы взять с собой хотя бы две таких, но больше ничего подходящего для переноски воды в доме старухи не оказалось. Оставалось надеяться лишь на то, что за горами найдется какой-нибудь родник или ручеек, в крайнем случае можно собирать росу с листьев. Старуха Сарона помогла Роммину заштопать вещи и соорудить некое подобие сандалий, для того, чтобы ему не пришлось обжигать ноги о сухую почву и горячий песок. Она также наловила и зажарила для него нескольких птиц, правда, после усиленной работы по приманиванию пернатых, едва не слегла от усталости.

Роммин помогал ей, как мог, он успел даже кое-как подлатать крышу маленького домика с помощью коры. В последний день мужчина отправился в лесок, из которого он когда-то вышел к этой маленькой одинокой долине, и нарезал ее с деревьев, а заодно и наломал хвойных веток. Старая Сарона говорила, что из иголок выходит отличный целебный отвар, полезный при простуде. По пути Роммину удалось найти пару гнезд, и он

безо всяких зазрений совести забрал из них все яйца. Сегодня у них будет праздничный ужин, конечно не такой роскошный, каким провожали его в далекие края из родного дома, но в нынешней ситуации это было лучшее, на что Роммин мог рассчитывать. И он был благодарен Богине, судьбе и старой Сароне за то, что до сих пор его приключения заканчивались благополучно.

К вечеру, когда Роммин закончил возиться с крышей, Сарона расставила на столе жареные яйца, запеченное в очаге птичье мясо, травяной хлеб и разлитый по кружкам отвар из свежей хвои и оранжевых ягод. Гость и хозяйка сели и принялись за еду, болтая о предстоящей Роммину дороге. Старуха была на редкость весела сегодня, с лица ее не сходила довольная улыбка, и она охотно слушала рассказы Роммина о доме, и его рассуждения об Эгассе. Наконец, ужин был съеден, и хозяйка, убрала со стола остатки еды и посуду. Она повернулась к своему гостю и, по-прежнему улыбаясь, спросила:

–Ну, что, поколдовать тебе на удачу, сынок?

–Конечно, госпожа Сарона! – радостно отозвался Роммин, который всегда почитал людей, владеющих искусством магии.

–Тогда подойди ближе и рубашку подними, – велела старуха.

Роммин повиновался, а Сарона тем временем вынула из очага остывший уголек и принялась чертить у него на животе какой-то узор. Она нарисовала круг, но не замкнула его, и принялась заполнять незнакомыми Роммину символами. Мужчина молча наблюдал за тем, как старушка чертит на его худом теле черные линии и узоры. Она что-то тихонько бормотала, но Роммин, сколько ни напрягал слух, никак не мог разобрать слов. Когда старая женщина закончила разрисовывать его, Роммин не ощутил ничего необычного, разве что спать захотелось, но это могло быть и от усталости. Весь день он трудился над починкой крыши и теперь, после ужина и усыпляющего бормотания Сароны, глаза мужчины начали сами собой закрываться.

–Что, утомился? – тихонько рассмеялась старуха, растягивая в улыбке свой беззубый рот. –Ну иди, спи. Я и сама, пожалуй, лягу, больно тяжело мне теперь дается вся эта волшба.

Она с кряхтением пошла к своей лавке и улеглась на нее, накрывшись сверху потертым одеялом из шкурок каких-то мелких животных. Роммин тоже лег, но тут его одолели сомнения, не сотрет ли он нарисованные углем узоры, если укроется одеялом. Вдруг это нарушит магию, и заклинание на удачу не сработает? Он хотел было спросить Сарону, можно ли стереть рисунок, но старушка уже спала, время от времени похрапывая во сне. Помучавшись какое-то время над этой дилеммой, мужчина наконец решил, что если бы стирать рисунок было нельзя, то Сарона сообщила бы ему об этом. Он тотчас закутался в свое одеяло и вскоре провалился в сон, забыв про все свои тревоги.

Роммину снова снился дом, он стоял на вершине холма и смотрел на прибывающие корабли. Их пустые мачты высились над пристанью как облезлые деревья. К Роммину подошла мать, ласково улыбнулась и пригладила разметавшиеся пряди темных волос на его голове. «Мама, я так соскучился» — сказал ей Роммин. Мать ничего не ответила, лишь потрепала его по плечу. Подул холодный ветер, и мужчина ощутил, как по телу его побежала неприятная дрожь. Тут же набежали огромные дождевые тучи, и крупные капли посыпались сверху на прибрежный город. Роммин стоял и ощущал, как его рубашка мокнет от дождя, живот неприятно покалывало. Мужчина посмотрел вниз, и глаза у него расширились от ужаса — по рубашке расплзались кровавые пятна.

Роммин проснулся и открыл глаза. На него ухмыляясь смотрела старая Сарона, в руке она сжимала окровавленный нож. Мужчина хотел что-то сказать, но из его рта не вырвалось ни звука, он попытался пошевелиться, но и это ему не удалось.

— Ну-ну, не дергайся, убивать я тебя не собираюсь, дурачок, — сказала ему старуха, и, наклонившись, потрепала Роммина по щеке. — Хотя, как сказать. Вряд ли твоя душа сможет существовать без тела, верно?

Старуха рассмеялась, хрипло и колоче, и голос ее напомнил Роммину карканье простуженной вороны. Она смеялась и смеялась, а когда наконец замолкла, то ее глаза, ставшие теперь хо-

лодными и темными, не мигая уставились на лежавшего на лавке пленника. Какое-то время она не сводила с него взгляда, а потом снова улыбнулась и сказала:

–Пожалуй, я все-таки объясню тебе, прежде чем начать замену. Видишь ли, мне нужно новое тело, молодое и крепкое, тело, которое не привязано к этой земле. Когда-то меня прокляли и обрекли на вечное прозябание в этом месте, зная, что сюда никому не добраться, но я перехитрила того, кто загнал меня в ловушку. Я помещу свою душу в твоё тело, Роммин Дэйн, а твою заберет этот нож.

Старуха продемонстрировала ему испачканный в крови нож, не прекращая зловеще улыбаться. Увидев недоумение на лице своего пленника, она снова рассмеялась, да так сильно, что на глазах у нее выступили слезы.

–А ты думал, что тебе сама Богиня (тут она сплюнула) послала спасение? Не тут то было. Богам не нужны люди, разве что для того, чтобы прославлять их величие время от времени. Это я направила тебя к тому подземному ходу, я вывела тебя к этой хижине, а теперь я вытащу из тебя твою никчемную душонку и стану Роммином Дэйном. Ловко придумано, а?

Пленник в ужасе смотрел на нее и молчал, а старая ведьма продолжала говорить. Как видно, ей очень хотелось рассказать свою историю после стольких лет одиночества.

–Я была сильной, очень сильной, и я хотела распоряжаться силой по-своему, но моя сестрица (она снова сплюнула) и ее проклятый муженек были против. Я хотела всего лишь быть свободной и поступать по-своему, а они считали, что нельзя убивать людей или сеять между ними раздор, чтобы посмотреть, как все это приводит к войнам и распрям. Они хотели защищать ваше жалкое племя! Я же всегда считала, что люди годятся только для того, чтобы играть их жизнями, для потехи, не больше. На что еще нам, вечным, ваши хлипкие тела и продажные души? Но теперь ты пригодись мне, Роммин Дэйн, я использую твоё тело, чтобы выбраться из этих диких мест. Я дойду до моря, где кончается последний круг защиты, поставленный моей сестрой,

и тогда она выплечет все глаза, потому что я уничтожу ее любимый Эгас! Я сотру его с лица земли и похороню в песчаной могиле вместе с никчемным племенем людей, которых она так любила!

Роммин не мог ответить ей, его по-прежнему сковывала немота, и тело отказывалось подчиняться, но даже если бы он мог говорить, то вряд ли сумел бы от неожиданности и испуга сказать хоть слово. Настолько жуткой и могущественной вдруг предстала перед ним старая Сарона. Он попытался мысленно произнести слова молитвы, но жуткая старуха погрозила ему пальцем, и полоснула тем же ножом свое запястье. Затем она накапала своей крови мужчине на живот, не заботясь о том, что нарисованные углем символы стираются и размываются, и ее кровь смешивается с кровью Роммина. Прикоснувшись к коже над пупком кончиком ножа, Сарона начала что-то бормотать, и Роммин ощутил, как весь он словно бы съживается, его закрутило по спирали, все его существо стягивалось к точке, куда был приложен нож, будто уходящая в слив вода. Медленно и постепенно Роммин ощущал, как перестает существовать. Он был всем и никем, он был собой и был всеми частицами этого мира одновременно. Он погружался в теплый полумрак, теряя связь с собственным телом. Роммин ожидал страха, но его не было, только мягкая обволакивающая пустота, в которую затягивало все его существо, пока наконец Роммина Дэйна не поглотила тьма. Глаза его закрылись, и тело обмякло.

Старуха торопливо встала, не глядя швырнула нож в очаг, где тлели остатки углей, и поспешила вернуться к телу. Она снова забормотала, а потом приложила порезанную руку к тому месту на животе мужчины, где недавно был нож. Сарона начала медленно раскачиваться, не отрывая от тела руку, а затем коротко вздохнула и повалилась на пол.

Мужчина на лавке открыл глаза. Он вытянул вверх свою руку, размял пальцы, словно пробуя их в деле. Лицо его озарила довольная улыбка. Новый Роммин Дэйн встал, оделся, взял подготовленный с вечера мешок с едой и водой и сложил его у по-

рога. Затем он подошел в валявшейся на полу старухе, за руку оттащил ее к очагу, достал оттуда тлеющие угли и побросал вокруг мертвого тела. Перед уходом он пнул дряхлое старушечье тело, прошептал какое-то проклятье, плюнул на порог дома, забрал свой мешок и ушел, даже не позаботившись прикрыть за собой дверь. Осторожно, словно опасаясь невидимой преграды, он вышел за калитку, сделал несколько неуклюжих шагов, будто проверяя, может ли двигаться дальше. Затем мужчина рассмеялся, его высокий голос гулко разнесся над мертвой тишиной ночной долины. Путник развернулся и пошел на восток, к невысоким горам, за которыми скрывался Эгасс, страна золотых песков. Душа Сароны была наконец свободна, и никакие боги не могли теперь помешать ей уйти из долины, где она была обречена влачить свое жалкое существование вечно. Лишь бледная луна взирала на идущего в сторону гор человека с неммым укором, освещая струйки дыма, выползающие из распахнутой настежь двери старой хижины.

6

Прохладная безлунная ночь царила над Белым дворцом, делая его похожим на огромное бледное животное, мирно спящее в окруженной песками долине. По темному коридору шел одетый в черное человек. Несмотря на темноту, он двигался до странности уверенно и спокойно обходил стороной сонных стражников, сидевших в маленьких кружках света. Они были заняты игрой в кости или карты, а иногда просто болтали, приглушая голоса, чтобы не разбудить спящих обитателей дворца.

Человек нырнул в нишу, неподалеку от дверей, ведущих в покои дочери правителя, и замер там, совершенно неприметный среди теней в своих темных одеждах. Не сводя глаз со скупящихся стражников, он нащупал пальцами незаметное плоское отверстие, в которое ловко вставил и провернул длинный многогранный стержень, служивший ключом. Дверь бесшумно открылась, и человек проскользнул в нее спиной вперед, по-прежнему

не выпуская стражников из поля зрения. Наконец он прикрыл потайную дверцу, запер ее, используя тот же ключ-стержень, и остановился на какое-то время, прислушиваясь к звукам за дверью. В маленькой комнате, которая когда-то служила местом для игр дочери правителя, теперь хранились разные старые или просто ненужные вещи.

Незнакомец, который прекрасно видел в темноте, аккуратно обошел шкафы, забитые одеждой, сломанный стул, груды пыльных подушек, покосившуюся колыбельку и несколько маленьких тряпичных тuffелек, в беспорядке валявшихся на полу. Он подошел к зарешеченному оконцу и открыл его, нажав на решетку так, что она начала съезжать вниз, погружаясь вглубь стены. Если не знать об этой хитрости и просто дергать и расшатывать прутья, то можно просидеть здесь взаперти целую вечность. Но ему это не грозило, он изучил Белый дворец очень хорошо, и решетки не были для этого человека препятствием.

Опустив решетку на достаточную высоту, чтобы можно было свободно пролезть в образовавшееся отверстие, мужчина выбрался наружу, и оказался на узком резном парапете. Идти по нему ночью было опасно, даже если твои глаза хорошо видят в темноте, но другого шанса могло не представиться. Сегодня одна из тех редких безлунных ночей, когда можно пройти по стене незамеченным, и, если он верно понял знаки, то следующие несколько недель ночи будут лунными, а значит нужно пользоваться моментом, пока не поздно.

Мужчина осторожно прошел по парапету, отсчитывая окна, выбрал нужное и бесшумно пролез через него в комнату. Как только ноги его ступили на плиточный пол, он тотчас шагнул в сторону и застыл в тени у тонкой шторы, которую лениво подергивал ночной ветерок. Нельзя было позволить, чтобы кто-нибудь увидел его и позвал стражу. Он постоял немного, прислушиваясь, но тишину комнаты не нарушало ничего, кроме мерного дыхания спящих. Незнакомец направился в сторону открытой двойной двери, за которой виднелась большая кровать дочери правителя золотых песков. Он тихо вошел в спаль-

ню Адарии, но, прежде чем закрыть двери, выставил перед своим лицом раскрытую ладонь и подул на нее в сторону постелей служанок и старой няньки. Серый густой дым поплыл в сторону спящих женщин и окутал их мягким облаком. Никто не проснулся и даже не шевельнулся во сне.

Мужчина удовлетворенно кивнул, убедившись, что все идет по плану, и плотно затворил двери. Итак, он наконец добрался до покоев дочери правителя, осталось самое сложное. Незнакомец тихо прокрался к постели и пристально взгляделся в лицо спящей. Дыхание спокойное и глубокое, значит, действительно спит, а не притворяется. Что ж, пора действовать. Он быстро перехватил одной рукой в мягкой перчатке обе руки девушки, а другой закрыл ей рот. Адария тотчас же проснулась и при виде очертаний незнакомого человека, который схватил ее, попыталась закричать, но ничего не вышло. Руки держали крепко, незнакомец наклонился к ее уху и тихо произнес:

— Не кричи, госпожа Адария. Я пришел с миром.

Молодая женщина, не слишком хорошо соображала спросонья, но все же понимала, что не стоит верить словам о мире, которые тебе говорит человек, пробравшийся среди ночи в твою спальню. Она снова попробовала вырваться, но безрезультатно. Он держал крепко, но в то же время аккуратно, словно бы боясь причинить ей вред.

— Я пришел сказать, что верю тебе. Я верю, что Кейтар послала тебе вещий сон, и хочу поговорить об этом. Я отпущу тебя, если ты не станешь кричать, — снова зашептал он ей прямо в ухо.

Адария остолбенела, последним, что она ожидала услышать от этого бандита, были слова о вещем сне, посланном Богиней. Молодая женщина вдруг как-то успокоилась и перестала вырываться. Не станет человек, пробравшийся сюда с дурными намерениями, говорить с ней о снах. Настоящий негодяй просто воспользовался бы ситуацией, оглушил бы ее и обесчестил, ограбил или даже убил, а этот говорит о сне. Быть может он посланник или друг старого Данебра?

–Я всего лишь хочу поговорить без свидетелей. Кивни, если ты согласна и не станешь звать на помощь, — сказал человек, приглушая голос.

Молодая женщина кивнула, от всей души надеясь, что этот человек и впрямь пришел от торговца тканями, хотя никакого доверия он ей не внушал. И когда он наконец отпустил ее руки и убрал со рта ладонь в перчатке, кричать она все-таки не стала. Мужчина отошел к столику, зажег стоявшую на нем свечу, а затем сел на кровать подле испуганной дочери правителя. Он был с головы до ног в черном, даже лицо его, под капюшоном, было обмотано темным шарфом так, что видны были лишь глаза.

Адария опасливо смотрела на него, ожидая объяснений и надеясь, что в случае чего успеет все-таки закричать и привлечь внимание стражи или служанок. Наконец мужчина откинул капюшон и принялся разматывать шарф, а когда он стянул ткань с лица, молодая женщина едва сдержала рвущийся наружу крик негодования. Перед ней, сверкая своей жемчужной улыбкой, сидел главный советник.

–Ты... — задохнулась от возмущения Адария, не найдя иных слов.

–Прошу тебя, госпожа, не нужно шума. Я пришел с миром.

–С миром? Ты задурил моему отцу голову, чтобы женить на своей сестре, а меня так удобно отодвинул от трона, просватав за своего брата. И что ты потом замышлял? Отравить отца, когда молодая жена подарит ему наследника, и править Эггасом самостоятельно под предлогом родственных связей и должно-сти советника? — яростно заговорила она, не пытаясь сдерживать эмоций.

Адария много всего успела передумать с того памятного разговора с отцом и Керантом, когда ей объявили о двух предстоящих свадьбах, и мысли эти были по большей части невеселые.

–Прошу тебя, госпожа, тише. Ты же не хочешь, чтобы сюда явились стражники и обнаружили меня в твоей спальне? — все также спокойно улыбаясь обратился к ней советник. –Я пришел как друг.

–Я тебе не верю, – вскинулась Адария. –Ты никогда не был мне другом.

–А как насчет торговца тканями, старика Данебра? Он тоже никогда не был тебе другом, госпожа?

Адария замолчала, пораженная его словами. У нее никак не укладывалось в голове, что главный советник вообще знал имя торговца. Да, Данебр довольно известен в городе, но чтобы Керант, который никогда особо не увлекался дорогими нарядами, знал о старике, это казалось невозможным. Молодая женщина не знала, что делать, и в конце концов решила выслушать Керанта, несмотря на всю нелепость ситуации.

–Хорошо, говори, что хотел сказать, советник, – она обратила на него недоверчивый пристальный взгляд своих янтарных глаз, но мужчина воспринял его совершенно спокойно. Казалось, что его самого ни капли не смущает полуночный визит в спальню дочери правителя. А ведь, если его поймают здесь, то без разговоров вздернут, а голову высушат и выставят на подступах к городу, чтобы люди плевались в нее, дабы отвести от себя зло.

–Мне придется начать издалека, и я попрошу тебя не прерывать меня, госпожа Адария, – советник снова мягко улыбнулся, показывая белые зубы. –Я живу здесь и служу твоему отцу уже достаточно долго, и у тебя действительно не было причины считать меня своим другом, но именно благодаря мне он до сих пор терпеливо ждал, когда тебе исполнится двадцать три года, прежде чем решиться выдать тебя замуж. И, поверь, госпожа, мой брат Олар, это далеко не самый худший выбор. Дело не только в том, что Аталир всегда желал оставить после себя наследника мужского пола, дело в его отношении к богине Кейтар.

–А причем же здесь Кейтар? – удивилась Адария.

–Я все объясню, госпожа, – терпеливо продолжил Керант. –Ты помнишь рассказы своей няньки о том, что богиня разгневалась на ваш род из-за того, что мужчины забрали себе всю власть, и перестали почитать своих жен и дочерей за по-

сланный им дар вещей снов? Так вот, старая Кэсмей говорила правду, по крайней мере отчасти. Волоокая Кейтар и впрямь была очень расстроена, когда заметила, что мужчины правящего рода потеряли уважение к вещим снам и женщинам, которые доносили до людей мудрые предупреждения богини до своего народа. Только вот она не забирала у дочерей вашего рода дар вещей сновидений. Это случилось само собой и не по ее вине. Кейтар хотела защитить народ любимого ею Эгасса, да всех остальных людей тоже, от козней своей сестры, жестокой богини Путир. Путир никогда не любила людей, не считала их достойными жить в этом прекрасном мире, она всюду сеяла раздор и войны. Конечно люди и без помощи богов преуспевают в этом, но она стравливала их еще больше, ради развлечения и только. Тогда Кейтар и ее супруг, бог Мэлдин, объединились, чтобы победить Путир и запереть ее навсегда в отдаленном месте, поместив ее в тело только что умершей старухи. Они позаботились о том, чтобы никто не мог добраться до этого места, но сами истратили столько сил на борьбу и создание защитных барьеров, что им пришлось принимать людские обличья долгие годы. Восстановить свои силы они могли лишь проживая жизни в человеческих телах, и с каждой прожитой жизнью силы и способности постепенно возвращались к ним. Именно поэтому сны пропали, Кейтар не могла посылать вещие сны, находясь в теле человека. Прошло много времени с тех пор, и Аталир попросту пришел к мысли о том, что раз снов нет, то и с правилами, установленными богиней можно больше не считаться.

–Ты говоришь так уверенно, советник, будто сам это видел. Я полагала, что ты и сам не веришь в богиню, — прервала речь советника Адария, испытующе глядя на Керанта.

Советник тихо рассмеялся и ответил:

–Уж я то в нее точно верю. Мне не хотелось раскрывать себя раньше времени, но кое-что изменилось, — лицо советника посерьезнело, и темные брови нахмурились, придавая ему озабоченный и встревоженный вид.

–И что же заставило тебя сделать это? Да, и откуда ты знаешь о Данебре? Я не думала, что советников интересуют простые торговцы.

–Не спеши, госпожа Адария. Я все объясню, – терпеливо ответил Керант. –Данебр – мой давний друг, и он конечно сообщил мне о вашей беседе. Тут, полагаю, мне стоит попросить прощения за то, как я вел себя тем утром, но иначе ваш отец утратил бы ко мне всякое доверие. Он очень нетерпим и, как вы сами знаете. Что касается причины, по которой я все же решился пробраться в ваши покои посреди ночи, будто последний бандит, то она имеет прямое отношение к истории Кейтар и Мэлдина. Я уже рассказал вам, что из-за злобной Путир Кейтар и Мэлдин истратили почти все свои силы и для того, чтобы восстановиться им приходилось рождаться в человеческом теле жизнь за жизнью, постепенно возвращая себе прежнюю силу. Однако теперь случилось то, чего мы боялись все это время – похоже Путир нашла способ освободиться. Она, в отличие от Кейтар и Мэлдина, не теряла сил, а была всего лишь связана. После освобождения она наверняка направится сюда и попытается разрушить Эгасс, потому что страна золотых песков была любимым местом ее сестры.

Керант замолчал, переводя дыхание, и Адария, совершенно сбита с толку признаниями и рассказами советника, не придумала ничего лучше, чем предложить своему странному гостю немного травяного отвара. Советник с благодарностью принял из ее рук маленькую круглую чашку и принялся пить прохладную жидкость. Адария же тем временем пыталась осмыслить рассказанную Керантом историю. Даже само по себе преобразование советника из врага в друга было неожиданным и выбивало из колеи, а уж если прибавить к событиям этой ночи невероятную историю, которую он ей поведал, тут уж даже самая крепкая голова заболит от нахлынувших мыслей. Однако Керант выглядел спокойным, дружелюбным и таким уверенным в своих словах, что дочь правителя начинала невольно верить ему.

–Даже если я поверю в твое внезапное преобразование в мо-

его друга и союзника, советник, то все равно не могу взять в толк, как мы можем спасти людей? Для этого потребуется вывести их всех из города, быть может нужно будет идти до самого моря, собирая жителей всех селений и поместий по пути. Как мы осуществим это? Как заставим всех поверить предупреждению? Как мы будем бороться с угрозой, которую богиня показала мне во сне? И, кстати, откуда ты знаешь историю про Кейтар, Мэлдина и Путир? Я слышу ее впервые.

Адария засыпала Керанта вопросами, которые он внимательно выслушал. На его лицо вновь вернулась легкая улыбка, и темные глаза хитро сверкнули, напоминая прежний образ коварного дворцового советника.

—Об этом мы и должны подумать, госпожа Адария. Нужно вывести людей из города, пока Путир не добралась до нас. Что же до остального, то наверное пора мне представиться, как положено.

Керант поставил чашечку на стол, встал, отвесил легкий поклон, глаза его вдруг странно сверкнули в свете лампы, он послал Адарии свою жемчужную улыбку и сказал:

—Я и есть Мэлдин.

7

—Это шутка? — рот Адарии приоткрылся от удивления.

Советник снова тихо рассмеялся и уселся обратно на край ее постели. Его по-видимому очень забавляло происходящее, даже несмотря на маячившую на горизонте беду. Адария внимательно посмотрела на сидящего перед ней мужчину, так, словно видела его впервые, и новые вопросы, один за другим снова готовы были сорваться с ее языка.

—Это так, госпожа Адария, хоть сейчас я и нахожусь в человеческом теле. Прошу тебя, говори со мной как говорила бы с обычным человеком. Думаю, это мое последнее воплощение, я чувствую в себе достаточно сил, чтобы после смерти этого тела освободиться и вернуться к моей Кейтар.

—А где она сейчас? — Адария чувствовала себя крайне неловко, недоверие боролось в ней с желанием получить помощь и поддержку.

— Я не знаю, — серьезно ответил советник. —Но я чувствую, что она уже близко. И пока она не прибыла сюда в своем человеческом облике, нам нужно придумать, как спасти людей от гнева Путир. Потому что если Путир доберется сюда раньше Кейтар, то может стать, мне одному не под силу будет справиться с ней. Боюсь даже, как бы не пришлось раньше времени покинуть эту оболочку.

— Ну и как же мы будем их спасать?

— Именно это нам и нужно решить.

Мэлдин-Керант перестал улыбаться, а Адарии все не верилось, что перед ней живое воплощение супруга волоокой Кейтар. Ее неприязнь к советнику еще не исчезла, и недоверие время от времени все еще просыпалось в ее душе. Сложно было вот так сразу принять и понять его историю, хотя сейчас, когда он открыл ей правду, дочь правителя заметила, что советник и ведет себя по-другому. Когда он играл роль Керанта, то изображал небрежное покровительственное отношение и все улыбки его были снисходительными и неприятными, но теперь перед ней был совсем другой человек. На его лице ясно читалась обеспокоенность судьбой жителей Эгасса, и, сколько Адария ни старалась, она не смогла увидеть ничего от прежней маски, кроме разве что небрежной улыбки, которая время от времени появлялась на лице бога в человеческом облике.

— Мы не можем просто предупредить их. Отец будет в ярости. И я не могу себе представить, что должно случиться, чтобы он позволил всем жителям города, деревень и поместий покинуть свои дома. Да и куда они пойдут? Разве что на побережье, но и там не найдется достаточно кораблей, чтобы вывезти их из Эгасса. К тому же отец ни за что не уедет отсюда по своей воле.

Говоря это, Адария неуверенно качала головой, ей не приходило в голову, каким образом можно претворить в жизнь подоб-

ное. Мэлдин ответил ей не сразу, он задумчиво теребил в руках черный шарф, за которым ранее скрывал свое лицо, пробираясь в покои молодой женщины.

– Что ж, боюсь, придется нам придумать какую-нибудь хитрость. Мне не хотелось бы покидать это тело до полного восстановления, оставим это на крайний случай. Хотя, кое-что я могу даже будучи человеком.

– Это бесполезно, ты же знаешь, как упрям отец, тем более его свадьба скоро. Он скорее умрет, чем покинет Белый дворец, – категорично заявила Адария.

– Хм, а что если отдавать приказы будет не Аталир? – вкрадчиво спросил Мэлдин.

– А кто же еще может приказать всем покинуть город? Даже ты, в качестве советника, не имеешь такой власти, – пожалала плечами Адария.

– Конечно ты, госпожа. Если твой отец вдруг так сильно заболит, что не сможет управлять Эгассом, то фактически правительницей при нем станешь ты – его единственная дочь. А я, как главный советник, встану на твою сторону и всячески поддержу тебя.

– Я вовсе не хочу, чтобы отец заболел, – испуганно произнесла молодая женщина, однако в голове ее мелькнула предательская мысль о том, что такой поворот событий действительно решил бы их проблему, и может быть избавил бы ее от навязанного замужества.

– Он и не будет болен по-настоящему. Я могу поместить его в своего рода сон, а ты, госпожа, спустя пару дней выйдешь к народу и объявишь, что богиня Кейтар послала тебе вещий сон. Мы предупредим людей об опасности, и они, я надеюсь, охотно пойдут за нами и покинут город. Твоего отца, госпожа, мы конечно возьмем с собой, а потом, когда все закончится, я пробужу его.

Дочь правителя золотых песков задумалась. Такой вариант развития событий выглядел приемлемым, ее отец не пострадает, и, возможно, им удастся спасти народ Эгасса.

— Хорошо, делай, то, что считаешь нужным. Мы должны спасти людей.

— Я знал, что ты более благоразумна, чем твой отец. Завтра же Аталира не смогут разбудить, хоть он и будет жив и здоров. Тебе, госпожа, лучше выглядеть удивленной и потрясенной, когда я приду сообщать новости. Сумеешь хорошо сыграть роль расстроенной дочери?

— Я постараюсь.

Советник склонил голову в знак окончания разговора и принялся наматывать на лицо свой шарф, затем накинул на голову капюшон и направился в сторону дверей. У порога Мэлдин-Керант обернулся к дочери правителя.

— Я слегка поколдовал над твоими служанками, они будут крепко спать до самого утра, что я и тебе советую сделать, госпожа. Нам предстоит большая работа.

— Хорошо, — не без колебаний ответила Адария.

Когда фигура советника исчезла в темноте за приоткрытой дверью, дочь правителя тяжело вздохнула, погасила лампу и легла в постель. Она еще долго не могла уснуть, пытаясь осмыслить внезапно обрушившуюся на нее информацию, слишком много всего нужно было обдумать, слишком много ляжет завтра на ее плечи. Однако это будет лишь завтра, а сейчас ей действительно не мешало бы выспаться.

Утро встретило дочь правителя приветливо, легкий свежий ветерок, такой редкий в пустынной местности, шевелил занавески на окне, и Адария, едва открыв глаза, вспомнила ночной разговор с главным советником. Сейчас, при свете дня, все сказанное им казалось ей совершенно невыносимым. В голове до сих пор не укладывалось, что все это время в Белом дворце жил под личиной человека настоящий бог.

Молодая женщина зевнула, она не чувствовала себя отдохнувшей, а ей ведь еще предстоит правдоподобно изобразить переживания и страх, когда советник придет к ней, чтобы сообщить новости об отце. Впрочем, играть ей особо и не придется,

Адария действительно беспокоилась об отце, несмотря на то, что Мэлдин обещал, что ничего страшного с ним не случится. Однако ей все же следовало подготовиться, и Адария окликнула одну из девушек-служанок, велела ей принести плотный завтрак и крепкий кофе. Ей все еще не верилось в реальность происходящего, слишком много всего свалилось на дочь правителя за последние дни.

После завтрака Адария взбодрилась и решила выйти на крепостную стену, чтобы прогуляться, пока солнце не начало светить в полную силу. Советник легко найдет ее там, когда ему нужно будет рассказать ей новости. Она изо всех сил старалась скрыть от служанок и Кэсмей свое волнение и страх, смеялась вместе с ними, вполуха слушала болтовню и дворцовые сплетни и выбирала наряд для сегодняшнего дня. Кэсмей принесла ей несколько платьев, и Адария выбрала одно из своих любимых — ярко-голубое, из тонкого легкого хлопка, так напоминавшее воим цветом безоблачное летнее небо.

Когда дочь правителя Эгасса вместе с шумной стайкой своих служанок вышла на стену, под теплые лучи утреннего солнца, главный советник все еще не явился, и Адария уже начинала нервничать. Пока она гуляла по стене, разглядывая блестящие крыши города и пустынные барханы на горизонте, жара все усиливалась, и спутницы молодой женщины уже начали уговаривать госпожу вернуться в прохладные покои. Однако стоило им пройти через арку, ведущую в длинный дворцовый коридор, как на другом его конце показалась высокая фигура в черном. Сердце Адарии замерло, это был главный советник.

Мэлдин-Керант издали поклонился ей и знаком попросил задержаться. Адария велела служанкам подождать ее, а сама пошла навстречу главному советнику, подхватив свои длинные юбки так, чтобы они не путались под ногами. Когда советник подошел ближе, молодая женщина подумала, что супруг богини Кейтар, пожалуй, мог бы стать чудесным актером, потому как на лице его читалось непритворное волнение и беспокойство. Он почтительно поклонился ей еще раз и громко произнес:

— Госпожа Адария, у меня дурные вести для тебя! Твой отец, владыка Аталир болен, мы не можем пробудить его ото сна! Я велел позвать лучших лекарей и сразу же пошел искать тебя. Пойдем скорее к нему, госпожа.

— Бедный отец! — воскликнула Адария, постаравшись как можно правдивее изобразить удивление.

Молодая женщина оперлась на предложенную ей руку советника, повернулась к служанкам и бросила им через плечо:

— Пойдите и скажите Кэсмей, что мой отец болен, и я иду проведать его.

Девушки послушно закивали, развернулись и побежали в сторону покоев Адарии, а она с советником направилась к отцу. Итак, первая сцена была сыграна, теперь предстояло убедить всех жителей Эгасса покинуть родные дома, бросить все, что у них есть, и отправиться в сторону моря. Адарии не хотелось думать о том, как она и Мэлдин сумеют повернуть все это, и даже при одной мысли о предстоящем колени ее начинали подкашиваться от страха.

Когда советник подвел ее к двери в покои Аталира, молодая женщина замешкалась на пороге, ощутив на себе испытующие и любопытные взгляды стражников. Она постаралась придать своему лицу скорбное и встревоженное выражение, стараясь не думать о том, насколько убедительным оно получилось. Адария вошла в большую, богато обставленную гостиную, и торопливо пересекла ее, направившись напрямик к украшенным лунными камнями дверям. Двери эти вели в спальню Аталира. Мягкие ковры полностью заглушали шаги, на окнах едва заметно трепетали тонкие занавески с богатой вышивкой, на небольшом столе тускло блестел позолоченный кувшин для вина и такой же кубок, на тарелке лежали свежие фрукты, а стены украшала яркая мозаика, выполненная из полудрагоценных камней разных цветов и оттенков.

Адария осторожно открыла двери, и при виде отца, в сердце ее всколыхнулось чувство вины. Молодой женщине почудилось, что он сейчас похож на мертвеца. Аталир казался теперь

не таким уж молодым, и, подойдя ближе, она заметила тоненькие серебряные нити в его черных курчавых волосах, которых не видела раньше. Грозный правитель Эгасса выглядел таким беззащитным и мертвенно спокойным во сне, что молодая женщина, принуждаемая чувством вины и страха, неожиданно для себя самой почти упала на колени перед постелью отца и заплакала, спрятав лицо в ладонях. Она даже не заметила стоявшего у окошка дворцового лекаря по имени Пелант, старика, который, как и ее нянька Кэсмей, лечил семью правителя еще со времен, когда страной правил дед Адарии.

– Мужайтесь, моя госпожа, – тихо произнес старый лекарь. – С подобным мне еще не приходилось сталкиваться. Я пробовал уколоть его руку, подносил к носу ароматные соли, щипал, но все без толку. Господин Керант послал за другими лекарями, хотя, боюсь, госпожа, что дело серьезное, и пока обрадовать мне вас нечем.

– Спасибо тебе, Пелант, – ответил за молодую женщину советник.

– Да, благодарю тебя, – тут же обернулась к лекарю Адария.

Она все еще стояла на коленях возле отца, и слезы застилали ей глаза. Молодая женщина была удивлена собственной реакции, только теперь, когда она увидела отца словно бы на смертном ложе, ей открылась вся сложность предстоящего им с советником дела. Раньше все решали за нее, а теперь ответственность легла на плечи Адарии, и дочери правителя казалось, что на них уже давит непомерная тяжесть грядущих дел. Однако делать было нечего, ей следовало спасти свой народ от беды, и она постаралась взять себя в руки.

Адария поцеловала отца в сухой горячий лоб, встала и повернулась к советнику. Судя по выражению лица, он был доволен тем, как их план претворялся в жизнь, и Адария, по его мнению, хорошо сыграла свою роль. Молодая женщина вдруг растерялась, не понимая, что ей делать дальше, сидеть возле отца не было никакого смысла, а возвращаться в свои покои ей не хотелось. Наверное состояние Адарии красноречиво чи-

талось на ее лице, потому что советник поспешил ей на выручку.

–Госпожа Адария, позволь мне проводить тебя, а когда твоего отца осмотрят и другие лекари, Пелант сообщит нам, –Мэлдин бросил быстрый взгляд на старика, и тот согласно закивал.

–Хорошо, – кротко ответила молодая женщина.

Когда она и советник развернулись, чтобы выйти из спальни правителя, взгляд Адарии упал на портрет, висевший напротив кровати отца. На нем была изображена прекрасная женщина с загорелой кожей, золотисто-медовыми волосами и чистыми янтарными глазами – ее мать. Чувство вины снова забурлило в груди Адарии под взглядом Эланит, молодая женщина мысленно попросила у нее прощения за то, что пришлось так поступить с отцом, и, потупив взгляд, поспешила удалиться. «Наверняка Малана велит убрать портрет, как только станет женой отца. Надо сказать слугам, чтобы они перенесли его тогда в мою комнату. Нельзя, чтобы она пылилась где-нибудь в темном подвале» – подумала Адария, покидая покои отца. Мэлдин-Керант молча последовал за ней.

Когда Адария и главный советник отошли на достаточное расстояние от стражников, охранявших вход, молодая женщина спросила:

–Что теперь?

–Теперь мы с вами идем в зал советов, обсудим все детали нашего плана. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он сорвался, – спокойно ответил Мэлдин-Керант.

Они пошли по длинному белому коридору, украшенному барельефами и беломраморными статуями в нишах, а перед глазами у дочери правителя все еще стояла увиденная в спальне правителя картина, вызвавшая стойкое сходство отца с покойником. Адария трянула головой, стараясь отогнать это навязчивое видение, но оно никак не хотело уходить, засев в ее голове как назойливая заноза в пальце. Она все еще чувствовала себя виноватой, хоть и пыталась усыпить свою совесть, повторяя сама себе, что ничего плохого она не делает.

Дойдя до лестницы, они спустились вниз и направились к тронному залу, откуда можно было попасть в зал совещаний. Возле самого зала советник поймал мальчишку-слугу и велел ему принести вина и закусок, а сам услужливо пропустил дочь правителя вперед, открыв перед ней дверь.

На темно-красном деревянном столе, в зале советов, лежали бумаги, которые советник, по всей видимости, просматривал этим утром, солнечные лучи пробивались сквозь прикрытые резные ставни, подсвечивая летавшие в воздухе пылинки. Мэлдин и Адария сели за стол, выражения их лиц были на редкость серьезными, на кону стояли жизни тысяч жителей Эгасса. Адария все еще испытывала странное ощущение нереальности происходящего. Нежданная новость о замужестве, советник, который оказался бессмертным божеством, и, что еще удивительнее, ее другом, вещий сон, болезнь отца – все это оказалось слишком неожиданной и тяжелой ношей. Однако злобная Путир не будет ждать, пока дочь правителя придет в себя. Эгасс необходимо было спасать, и как можно скорее.

8

–Жители страны золотых песков! Я обращаюсь к вам от имени дочери нашего правителя Аталира – мудрой и прекрасной госпожи Адарии! Вы знаете, что господин Аталир заболел страшной сонной болезнью. Госпожа Адария молилась волоокой Кейтар, просила ее излечить отца, и богиня откликнулась на ее зов!

При последних словах советника по толпе пробежал восторженный и удивленный ропот. Все знали, что волоокая Кейтар уже давно не посылала вещих снов дочерям правящего рода, и эта весть была воистину чудесной в глазах жителей Эгасса. Эгассцы хорошо относились к Аталиру, несмотря на некоторую резкость и жесткость его характера, и любили его дочь, не только в память о ее прекрасной матери, но и за ее собственные добрые дела. Адарию в народе знали, как щедрую и справедливую молодую женщину, она часто помогала нуждающимся,

не чуралась простых людей и слыла очень набожной. Да, ей не досталось яркой красоты ее матери, но в глазах жителей Эгасса это вполне искупали благородство и щедрость дочери правителя.

Главный советник подождал, пока толпа успокоится, и люди снова обратят к нему все свое внимание. Как только возгласы затихли, он повернулся к Адарии, которая сидела на возвышении позади него. Рано утром слуги установили его на главной городской площади, положили поверх деревянного настила ярко-красный ковер и поставили деревянное кресло с высокой спинкой, которое обычно использовал для подобных случаев сам Аталир. Дочь правителя поднялась со своего места и вышла вперед. Сегодня она одевалась особенно тщательно, Мэлдин сказал ей, что люди на площади должны увидеть и признать в ней свою госпожу вместо больного Аталира, а не просто скромную тихую дочь правителя, какой они знали ее до этого дня.

Молодая женщина надела пурпурное платье из тяжелой дорогой материи, расшитое по краям золотыми узорами, на голове ее красовалась корона, которую когда-то носила Эланит. Тяжелая, с квадратными зубцами, она была выполнена в том же стиле, что и корона самого Аталира, только была усыпана янтарем и жемчугом вместо изумрудов, которые украшали корону правителя.

Выходя к толпе, Адария ощущала, как сильно колотится ее сердце, ведь это будет ее первое обращение к своему народу в качестве временной правительницы. Молодая женщина плохо спала накануне, волнуясь о том, как примут ее рассказ о вещем сне жители Эгасса, сможет ли она произвести на них должное впечатление, не сочтут ли ее узурпатором власти отца, не упадет ли с ее головы тяжелая корона, что могут счесть дурным знаком. Тысячи беспокойных мыслей всю ночь крутились у нее в голове, однако отступить было некуда, люди на площади ждали, что скажет им дочь правителя Аталира.

Адария старалась дышать глубоко и ровно, незаметно вытирая о ткань платья вспотевшие ладони. Что ж, в конце концов,

как говорит Мэлдин, она имеет полное право находиться здесь и желает лишь спасти всех этих людей от грозящей им беды. Молодая женщина сделала глубокий вдох, собираясь с духом, и начала свою речь.

–Добрые люди, все вы знаете, что мудрая Кейтар любит наш народ и защищает от всяческих бед. И после того, как отец мой заболел, я долго молилась, – Адария запнулась, сердце ее колотилось в груди как бешеное, и голос срывался, но она продолжила говорить. –Я молилась, и богиня сообщила мне о большой беде, которая грозит Эгассу и всем нам.

Молодая женщина выдержала паузу, этот трюк подсказал ей советник. Она обежала глазами толпу, после ее слов ликование на лицах людей сменилось тревогой. Мужчины хмурились, женщины машинально прижали к себе детей, а те непонимающе смотрели на дочь правителя своими большими наивными глазами. Глядя на всех этих людей, Адария вдруг поняла, что они верят ей, они слушают ее, и более того, они пойдут за ней, если она велит им это. Нерешительность в ее душе постепенно начала уступать место уверенности в своей правоте, и желание спасти каждого из этой толпы от грядущего разрушения и смерти стремительно возросло, придавая уверенности ее словам.

–Волоокая Кейтар послала мне сон, предупреждающий о страшном урагане, который похоронит Эгасс и Белый дворец под горами песка, поэтому всем нам нужно покинуть Город как можно быстрее (в толпе раздались испуганные вскрики, но дочь правителя не стала больше прерывать свою речь). Мы пошлем гонцов в дальние селения и поместья, чтобы все могли спастись от грядущей беды. Я прошу вас собрать все необходимые в дороге вещи, завтра утром все мы уедем, чтобы переждать ураган на морском побережье. Все вы знаете старый форт и потайные ходы под ним, там мы и укроемся, и спасемся, благодаря заботе нашей доброй богини. Веками Кейтар защищала наш народ и не раз спасала его от бед, и теперь мы снова должны подчиниться воле богини и внять ее предупреждению! Не бойтесь, добрые жители Эгасса, я пойду с вами, мы вместе покинем го-

род и спасемся, а когда опасность минует, вместе вернемся в свои дома. Сама Кейтар явится из-за моря, чтобы защитить нас, и вернет моего отца к жизни, все это она поведала мне во сне.

Как только Адария закончила свою речь, толпа возбужденно загудела словно огромный улей. Люди перепугались и тотчас принялись обсуждать услышанное, но вперед снова вышел главный советник, и голоса людей стали затихать. Советник был фигурой значимой, с ним считались и даже побаивались, что ему было только на руку в нынешней ситуации.

—Берите с собой только самое необходимое, наша цель сейчас — выжить и сохранить свои жизни, а не утащить с собой все богатства. Заройте свои деньги, если так боитесь за них, вместо золотых монет и кубков нагрузите свои телеги едой, питьем и теплыми одеялами, отпустите скот, он все равно помечен и сам найдет дорогу домой, когда вы вернетесь. Помните, жители Эгасса, богиня любит вас! Она послала вам спасение через нашу госпожу Адарию. Я понимаю, что вы удивлены и напуганы, но мы должны довериться воле Кейтар. Завтра утром мы все уйдем из города. Идите домой, собирайтесь в дорогу, и пусть мудрая Кейтар благословить вас на предстоящем пути!

Главный советник говорил та уверенно, что если у кого-нибудь из людей еще оставались сомнения насчет необходимости срочно покидать город, теперь они испарились, не успев укрепиться в головах жителей. Вот уж кому было не занимать уверенности в себе, громкий спокойный голос Мэлдина-Керанта околдовывал и подчинял себе толпу, и после его слов народ начал расходиться с озадаченными лицами. Люди тихо переговаривались между собой, удивленные и подавленные новостями, которые принесли им дочь правителя золотых песков и главный советник, однако никому не пришло в голову оспаривать их или сомневаться в их правдивости. Сам же советник подошел к Адарии и ободряюще улыбнулся ей, видя, что она все еще напряжена и взволнована после своей первой речи.

Молодой женщине тем временем казалось, что гора свалилась с ее плеч. Она так боялась, что люди примут в штыки тревожные новости, что и теперь, когда речи были произнесены, все еще не могла поверить реакции жителей Эгасса. Дочь правителя ответила советнику вымученной улыбкой и подумала, что не справилась бы без его помощи. Кто послушал бы неуверенную в себе девчонку, пусть она наследница и дочка самого Аталира, если бы за ней не стоял грозной тенью бессмертный бог в облике человека?

–Ты хорошо справилась, госпожа, по крайней мере, для первого раза, – сообщил Мэлдин-Керант, беря ее под руку и провожая к крытой повозке.

–Мне кажется, если бы не ты, меня бы просто засмеяли, – сокрушенно покачала головой Адария, отдавая должное умению божественного супруга Кейтар управлять толпой.

Она оперлась на руку советника, чувствуя, что ноги у нее подкашиваются от слабости, а голова идет кругом, несмотря на то, что самое страшное было уже позади.

–Не будут ли люди возмущаться? Что если кто-то откажется ехать завтра? – обратилась к советнику дочь правителя, даже не дав ему ответить.

–Не думаю, что найдется много таких, а если и будут, то с нами идет и армия твоего отца, госпожа, не забывай об этом. Посадим парочку таких крикунов в телеги, да привяжем, если вздумают буянить, и у остальных сразу пропадет охота идти против воли правительницы.

Главный советник пожал плечами, словно речь шла о чем-то будничном и привычном, и Адария поежилась. Ей не по душе было насилие, но здесь она не представляла, как можно поступить иначе, ведь все, кто останется, попросту погибнут. В конце концов молодая женщина решила довериться Мэлдину, ведь, надо полагать, бессмертный бог знает, о чем говорит.

–Надеюсь, что до этого не дойдет, но если это спасет кому-то жизнь, то я согласна.

–Ты не по годам мудра, моя госпожа, – ответил ей Мэлдин, мягко улыбаясь. –И напрасно ты сомневаешься в себе, из тебя вышла бы хорошая правительница. Люди уже сейчас любят тебя за твою доброту, а что касается умения произносить речи, то этому можно научиться.

–Благодарю за добрые слова. Когда мы переждем бурю и вернемся домой, я попрошу отца отпустить меня в храм Кейтар, я всегда хотела служить ей, и он не сможет заставить меня выйти замуж теперь, после того, как все узнали о вещем сне.

–Если это действительно то, чего ты хочешь, я думаю, он не станет препятствовать. И, могу тебя заверить, что Кейтар будет только рада. Ты, госпожа, чем-то напоминаешь мне ее саму, тот же огонь горит в твоих глазах, – Мэлдин говорил о своей божественной супруге с такой теплотой, что Адария в очередной раз поразились, как хорошо он играл свою роль, будучи Керантом.

–Мэлдин? Должно быть, ты очень скучаешь по ней? – осторожно спросила она, бросив на советника быстрый взгляд.

–Да, – тихо ответил он, и Адария вдруг смутилась, осознав, насколько личный вопрос задала она божеству, скрывавшемуся в теле человека.

Чувство неловкости заставило молодую женщину поспешить в свою повозку, под тень светлого балдахина. Она не осмелилась взглянуть Мэлдину в глаза после своего вопроса, и весь обратный путь до дворца терзалась мыслями о собственной бестактности и предстоящих хлопотах. День обещал быть сложным, нужно было подготовиться к поездке, решить множество вопросов, это и пугало, и вдохновляло одновременно. Адария бросила на советника короткий быстрый взгляд, и могла бы поклясться на чем угодно, что сейчас он думает о Кейтар, таким задумчивым и непривычно тихим он выглядел.

Солнце клонилось к горизонту, и Белый дворец как всегда окрасился нежными цветами закатного неба. Густые сиреневые тона плавно переходили в насыщенные розовые, небо тут и там

пересекали длинные тонкие полоски облаков, но любоваться этим зрелищем сегодня было некому. Жители Города и Белого дворца спешно готовились к отъезду, даже те немногие, кто поначалу не поверил в то, что дочь правителя велела покинуть город, глядя на своих соседей, спешно раскладывающих по мешкам провизию и одежду, тоже начали собираться в путь.

Адария и главный советник весь день провели в хлопотах, не присев почти ни на минуту. Дочь правителя вынуждена была лично проверять, как слуги собирают вещи, терпеливо объясняя, что не нужно брать с собой много одежды, лишь самое необходимое. Лишь когда Эгасс накрыла ночь, к ней в покои пришел главный советник, чтобы доложить о состоянии дел и готовности людей покинуть город.

Молодая женщина ожидала увидеть его уставшим и измученным делами, но к своему удивлению обнаружила на лице супруга богини Кейтар привычную улыбку, обнажающую жемчужные зубы. Темные глаза советника возбужденно блестели, казалось, что вся эта суеда, движение и близость опасности доставляют ему удовольствие. Мужчина негромко рассмеялся, заметив ее недоуменный взгляд и сел за стол, прямо напротив Адарии, которая как раз собиралась поесть.

На столе, поверх тяжелой скатерти, стояло несколько блюд с фруктами, мясом и хлебом, завершал скромный ужин кувшин с легким белым вином, которое могли себе позволить лишь богачи, поскольку привозили его издалека. Мэлдин взял с блюда большой спелый персик, наполнил кубок, поднесенный расторопной служанкой, и пригубил вина.

—Я дал подробные инструкции всем стражникам и слугам. Ты, госпожа Адария, поедешь завтра утром, вместе с отцом, для него уже приготовили удобную повозку. Сам я задержусь здесь и прослежу, чтобы все жители покинули город.

Советник откинулся на спинку своего кресла и принялся есть персик, и Адария решила последовать его примеру. В конце концов всем им надо чем-то питаться, даже если кажется, что на это нет времени, иначе откуда взять силы на предстоящий путь. Ко-

гда ужин был закончен, Мэлдин поблагодарил молодую женщину, и разговор возобновился.

–Может мне тоже следует остаться в городе, пока все не уедут? – спросила советника Адария.

Она была такой уставшей, что даже не обратила внимания на то, что он уже решил все за нее. Сказывалась многолетняя привычка – Аталир всегда принимал все важные решения сам, не советуясь с дочерью, даже если дело касалось ее напрямую.

–Мне кажется, что будет лучше, если ты поедешь вперед, тогда люди более охотно последуют за тобой и покинут город. Поверь мне, госпожа, несмотря на то, что люди не возмутились нашему внезапному предложению оставить свои дома, многие из них сомневаются и завтра будут упрямыться. Нет лучшего способа убедить их в необходимости отъезда, чем поехать самой.

Советник спокойно изложил свои аргументы, и Адария в очередной раз удивилась, как изменилась манера его поведения после того, как он перестал носить перед ней маску Керанта. Теперь общаться с ним стало даже приятно, и молодая женщина охотно согласилась с его доводами, не имея уже ни сил, ни желания спорить.

–Думаю твои слова не лишены смысла, так мы и сделаем. А что с гонцами?

–Отправились в путь после обеда с четким указом.

–Хорошо. Я отправлю служанок на кухню, там нужна помощь, чтобы напечь в дорогу достаточно хлеба и лепешек.

–Ты быстро вживаешься в роль правительницы, госпожа, – одобрительно улыбнулся Мэлдин. –Пожалуй, на этом я тебя покину, всем нам нужно отдохнуть перед завтрашним днем.

Мэлдин-Керант почтительно поклонился, от чего Адарии стало неловко, каждый раз она думала о том, что ей кланяется божество в человеческом облике, и, судя по улыбке Мэлдина и хитрым искоркам в его темных глазах, это от души веселило супруга божественной Кейтар. Он послал Адарии еще одну веселую ухмылку и скрылся за дверью, не сказав больше ни слова.

Дочь правителя отправила недовольных служанок на кухню для помощи кухарке, а сама легла спать. Старая нянька еще возилась и ворчала какое-то время, проверяя уложенные вещи. Она была крайне недовольна таким поворотом событий и совершенно не желала куда-то ехать, но перечить советнику не посмела, лишь позволяла себе недовольное бурчание вполголоса в присутствии Адарии.

Молодая женщина какое-то время лежала без сна, легкий ветерок трепал занавески на окнах ее спальни, донося с улицы аромат свежее испеченного хлеба. Слуги вынесли во двор Белого дворца все небольшие печки, какие нашли в кладовках и подвалах, и теперь все, кто мог, помогали печь хлеб и лепешки. Временами со двора доносился негромкий смех, это стражники заигрывали со служанками, а те отвечали с нескрываемым кокетством в голосе. Засыпая Адария улыбалась, быть может девушки все-таки не будут сердиться на нее за то, что она сослала их к кухарке.

9

Утро встретило Адарию шумом голосов и скрипом повозок, нагружаемых вещами и провизией. Эти непривычные звуки ворвались в спальню дочери правителя, пробудили ее от беспокойного сна и напомнили о предстоящем путешествии к берегу моря. Она встала и неторопливо оделась, выбрав для путешествия самый простой костюм, состоящий из широких хлопковых штанов кофейного цвета и длинной, до самых колен, просторной туники такого же оттенка. Сердце молодой женщины сжалось при мысли о том, что она, быть может, покидает Белый дворец навсегда, ведь никто не знает, успеют ли они добраться до крепости у моря, удастся ли дворцу выстоять под ударом урагана Путир или он падет, как предсказывал ей сон.

Дочь правителя внимательно осмотрела свои комнаты, стараясь запомнить все детали обстановки – мягкие ковры цвета красного вина, яркую мозаику на стенах, темную громоздкую

мебель, безделушки на полках, круглые стеклянные подсвечники в нишах. Она подошла к шкафу с одеждой, задумчиво прикоснулась к платьям, словно впервые ощущая нежность шелка и мягкость бархата. Служанки уже давно были во дворе и унесли с собой ее вещи, которые она собственноручно сложила в небольшую дорожную сумку еще накануне. Даже старая Кэсмей куда-то пропала, наверное отправилась на кухню за завтраком.

Адария сама застелила постель, расправив на ней тонкое покрывало с длинными кисточками, свисавшими до самого пола, взбила подушки так, как это делали служанки, и аккуратно сложила их поверх покрывала. Вчера по совету Мэлдина она и Кэсмей собрали все ценные вещи и украшения, унесли их в подвалы дворца и заперли там, в надежде, что до них не доберется ураган и потом их можно будет откопать. Большая часть ее собственных драгоценностей отправилась в подвальные сундуки вместе с многочисленными позолоченными кубками, чашами, блюдами, подсвечниками, кувшинами. Туда же дочь правителя бережно сложила тяжелые парные короны отца и матери, украшенные разноцветными камнями ожерелья, перстни, браслеты, серьги, и конечно же портрет матери, который был главным украшением отцовской спальни. Себе она оставила лишь пару янтарных сережек, доставшихся ей от матери, и кольцо с бирюзой, напоминавшее по форме глаз.

Поначалу молодая женщина хотела снять и его, но что-то удержало ее от этого шага. Кольцо не отличалось изысканностью и было совсем простым, но оно хранилось в ее семье уже несколько веков, и Адария все же не решилась расстаться с ним. К тому же Адарии всегда казалось, что этот голубой глаз словно бы присматривает за ней, будто сама Кейтар защищает ее от бед, отводя дурные взгляды. Эта мысль всегда приносила дочери правителя покой и чувство защищенности, и сейчас, всматриваясь в тусклый голубой камешек, расчерченный паутиной черных прожилок, она словно бы видела в них причудливо сплетенные нити человеческих жизней, ко-

торые ей предстояло спасти, уведя подальше от гнева злой богини.

Едва Адария успела подойти к дверям, чтобы выглянуть и спросить стражников, куда направилась Кэсмей, как тяжелые створки открылись, пропуская вперед старую няньку. Она кричала и ворчала на стражника, который нес за ней поднос с завтраком для госпожи, а тот лишь улыбался за ее спиной. Все знали, что Кэсмей лишь для виду строила из себя вредную старуху, а на самом деле была беззлобной и отзывчивой.

Адария поблагодарила стражника, спросила, успел ли он собраться в дорогу и поест (парень смущенно признался, что ему пока было не до еды), а потом велела ему идти на кухню и от ее имени приказать обязательно накормить всех перед дорогой. Когда двери за ним закрылись, молодая женщина пригласила Кэсмей поест вместе с ней. Старая нянька без лишних уговоров уселась напротив своей воспитанницы, и едва Адария успела подумать о том, что старушка наконец перестала ворчать, как та снова заговорила.

–Деточка, ну и стоит ли тащиться до самого моря да еще и больного отца везти с собой? Глупость ты затеяла, вот что я скажу. Но коли уж ты поедешь, так и я с тобой, не брошу тебя.

Морщинистые кривоватые пальцы Кэсмей нещадно ломали на куски свежую, еще горячую булочку, с кусочками засушенного яблока внутри. От выпечки шел такой дивный аромат, что Адария первым делом тоже взяла булочку, разрежала ее и намазала половинки густой пастой из песчаного ореха, который в изобилии рос на засушливой земле Эгасса, отдаленной от реки. Паста эта имела приятный вкус, напоминавший арахис, только более сладкий, и была очень питательной.

–Ты же знаешь, что богиня послала мне предупреждение, мы должны уехать, если хотим остаться в живых, – с тяжелым вздохом ответила старой няньке Адария.

Кэсмей снова принялась ворчать что-то, сквозь набитый пищей беззубый рот, и молодая женщина поспешила отвести глаза. Как ни крути, а в старости мало достоинства и красоты, однако

Кэсмей вырастила ее и по сути заменила ей мать, поэтому Адария не стала упрекать старушку в отсутствии манер.

Пока они ели, раздался стук в двери, и Адария, жестом велев старой няньке сидеть, отправилась открывать сама. На пороге стоял главный советник, он переоделся в серый дорожный костюм, наматал на голову длинный тонкий шарф, который должен был защитить его от солнца, на боку его висела длинная кривая сабля, при виде которой Адария невольно поехала.

–Доброе утро, госпожа Адария, ты готова?

–Да, только возьму свой шарф. Вам удалось поспать сегодня? – на ходу спросила она, направляясь в спальню.

–Скорее нет, чем да, – усмехнулся Мэлдин. –Но зато все слуги Белого дворца уже готовы выдвигаться. С вами поедет половина стражников, повозки с провиантом, а также с женщинами и детьми. Их нужно отправить в дорогу первыми. И, поскольку двигаться вы будете куда медленнее, чем всадники, то я рассчитываю догнать вас ближе к ночи.

–Звучит вполне разумно. Мы поедем вдоль Эгги? – спросила Адария, на ходу наматывая на голову легкий шарф, чтобы избежать перегрева на солнце.

–Да, так будет быстрее и безопаснее, нам не придется пересекать смертоносную пустыню, а рядом всегда будут вода и рыба, если понадобится пополнить запасы пищи.

–Успеем ли мы добраться до крепости? – встревоженно спросила у советника молодая женщина.

–Очень надеюсь, что да, – серьезно отозвался Мэлдин и добавил. –Поторопись, госпожа, мы уже перенесли твоего отца в повозку.

–И не дождалась меня... – растерянно и удивленно произнесла дочь правителя.

–Прости меня, госпожа, нельзя было терять время, пойдем же, – советник нетерпеливо махнул в сторону двери и повернулся к старухе Кэсмей, предлагая старой няньке опереться на его руку. –Госпожа Кэсмей, пойдем.

– Пусть бесы свяжут тебе язык, какая я тебе госпожа? – пробурчала в ответ старуха, но на лице ее появилась довольная улыбка.

Кэсмей положила свою маленькую высохшую кисть поверх руки советника и поковыляла вместе с ним к выходу. Адария выходила последней, перед ее мысленным взором предстал вдруг образ матери, такой, какой она была изображена на портрете. Молодая женщина мысленно попросила Эланит и Кейтар защищать ее на этом пути, вздохнула, бросила последний взгляд на комнату и последовала за Мэлдином и Кэсмей. Повозки и люди уже ждали их внизу, нужно было поторапливаться.

Внутренний двор Белого дворца был полон людей, через открытые ворота уже начинали выезжать стражники на тонконогих нетерпеливо фыркающих лошадях и запряженные маленькими выносливыми мулами крытые повозки с женщинами и детьми. За ними следовали телеги с провиантом, надежно прикрытые от палящего солнца плотной палаточной тканью бледно-желтого цвета, так напоминающего песчаные дюны, вечно подступающие к немногочисленным землям и плантациям Эгасса.

Адария первым делом подошла к повозке, где лежал Аталир. Она хотела лично убедиться, что его устроили с удобством, хотя он бы не смог пожаловаться, даже если бы ему что-то не нравилось. Отец выглядел точно также как накануне, лекарь, примостившийся на краю его повозки, чтобы постоянно приглядывать за правителем золотых песков, скорбно сообщил Адарии, что ему так и не удалось пробудить господина Аталира ни одним из известных ему способов.

– Не волнуйся так, господин Пелант. Мы доберемся до моря, а там Кейтар вернет моего отца к жизни, – мягко произнесла Адария, видя в каком отчаянии из-за своей беспомощности находится старый лекарь.

– Госпожа Адария, пора, – услышала она за спиной спокойный и властный голос Мэлдина.

– Вы догоните нас к ночи? – переспросила она советника, лишь для того, чтобы еще раз услышать утвердительный ответ.

–Надеюсь, что так. С вами едет начальник дворцовой стражи, у него есть карта и четкие инструкции. Не стоит так волноваться, я провожу вашу повозку до выхода из города, заодно посмотрю, сколько людей будет готовы выехать следом.

Мэлдин ободряюще улыбнулся, и Адария поняла, что он видит все ее страхи, но считает, что она вполне способна с ними справиться. Ей стало немного легче, молодая женщина вместе со своими служанками и Кэсмей забралась в крытую повозку, и они присоединились к длинной веренице путников, движущихся в сторону блестящих городских крыш. Служанки тотчас легли на дно повозки, надеясь хоть немного поспать после бессонной ночи, проведенной у печи, старая нянька тоже задремала в своем углу, изредка вздрагивая, когда колесо наезжало на неровный участок каменной дороги. Адария же не сводила глаз с повозки, где лежал под пологом Аталир, ей все еще было не по себе из-за того, что она согласилась усыпить его, однако чувство это слабело, когда дочь правителя думала о тысячах жизней, которые им удастся спасти.

Несмотря на ранний час, солнце уже припекало, и молодая женщина пожалела стражников, которым негде было укрыться от его палящих лучей. «А что же будет днем?» – спросила она себя и, вспомнив слова Мэлдина о пролегающем вдоль реки маршруте их путешествия, подумала, что там должно быть немного свежее. К тому же нужно будет передать всем, чтобы они не забывали время от времени останавливаться, спускаться к воде и мочить там шарфы, которыми прикрывают головы от солнца, это должно будет немного облегчить им переход.

За этими мыслями она не заметила, как повозка въехала на территорию города, и копыта неутомимых маленьких мулов, застучали громче, ступая по неровной брусчатке. Опомнилась Адария лишь тогда, когда Мэлдин подъехал к ней, наклонился в седле и негромко произнес:

–Смотри уверенней, госпожа, ободрю людей улыбкой, пусть почувствуют себя в безопасности возле тебя. И будет еще лучше, если ты сядешь рядом с возчиком, чтобы тебя все видели.

–Я постараюсь, – напряженно ответила Адария.

Голос изменил дочери правителя, снова выдав советнику ее волнение, которое то затихало, то вновь пробуждалось в ее душе. Мэлдин-Керант незаметно подмигнул ей и напустил на себя суровый и высокомерный вид, какой он всегда принимал, до того, как раскрыл дочери правителя свою тайну. Недавно советник по секрету сообщил Адарии, что на людей очень хорошо действует такой контраст – суровый советник и мягкая добрая дочь правителя, и сейчас она невольно улыбнулась, вспомнив эти слова.

Молодая женщина перебралась на скамью возле возчика, старика по имени Гойт, который служил в Белом дворце, сколько она себя помнила. Места здесь было немного, да и сама скамья показалась ей узкой и неудобной, но Адария решила, что это малая плата за спасение жителей Эгасса, и не стала выказывать какое-либо недовольство. Пока они медленно пробирались по главной улице к воротам, дочь правителя всматривалась в лица людей, тепло улыбалась им, отвечала детям, которые махали ей и кричали приветствия, не понимая еще, что означает вереница повозок, тянущаяся через весь город. Для маленьких эгассцев это было манящее приключение, в которое им не терпелось отправиться, и дети искренне не понимали, почему у матерей и отцов такие встревоженные, напряженные лица.

Они ехали медленно, и, когда вдалеке наконец показались городские ворота, Адарии почудилось, что прошла добрая половина дня, хотя, судя по положению солнца, сейчас было всего лишь позднее утро. От постоянной улыбки у нее уже начало сводить мышцы лица, спина ныла от напряжения из-за неудобной позы, и ей приходилось крепко держаться за сиденье и край повозки, чтобы не потерять равновесие. Где-то впереди маячил силуэт главного советника, выделявшийся среди стражников в своих серых одеждах, и каждый раз, когда Адария смотрела на него, ей становилось чуть легче. Что было бы со всеми этими людьми, если бы главный советник на самом деле оказался тем коварным и циничным человеком, каким его все и считали?

Все бы попросту погибли, не имея ни малейшего шанса на спасение. Адария вспомнила увиденные во сне руины Белого дворца, мертвые тела людей, видневшиеся из-под песка тут и там, и неприятный холодок пробежал по ее спине, несмотря на жаркий день.

Дочь правителя старалась выглядеть дружелюбной и с улыбкой кивала людям, которые выглядывали из окон и дверей. Некоторые жители стремились убедиться, что вчерашние слова Адарии и Керанта не шутка, и госпожа и впрямь покидает город. «Если их не убедит мой отъезд, то уже не убедит ничто» – подумала вдруг она.

У самых ворот стоял Мэлдин, дожидаясь, когда повозка Адарии поравняется с ним. Советник слез с лошади и теперь стоял, о чем-то беседуя с капитаном городской стражи, а тот согласно кивал с невозмутимым видом. Увидев Адарию и следующую за ней повозку с больным Аталиром, капитан почтительно поклонился, и дочь правителя одарила и его доброй улыбкой и приветствием. Мэлдин знаком велел возчику остановиться, подошел к повозке и негромко произнес своим глубоким спокойным голосом:

–Кажется, госпожа Адария, мы с тобой неплохо работаем вместе.

С этими словами он многозначительно усмехнулся и махнул рукой, указывая на что-то позади Адарии. Молодая женщина обернулась, не сразу сообразив, что имеет ввиду советник, и оторопела. Позади, растянувшись до самого конца главной улицы, ехали телеги, повозки, нагруженные визжащими от восторга ребятишками и перепуганными женщинами, много было и тех, кто шел пешком, кое-где виднелись силуэты всадников и пеших стражников.

–И правда, неплохо, – согласилась Адария, и на сердце у нее тотчас сделалось легко.

–Мне пора возвращаться, чтобы проверить, все ли успели выехать, встретимся позже, госпожа.

–Спасибо тебе, – только и успела сказать молодая женщина.

Мэлдин почтительно прикоснулся лбом к ее руке – простой жест уважения, приветствия и прощания, больше подходящий для разного рода церемоний и праздников, сейчас показался ей своеобразным напутствием. Советник, больше не говоря ни слова, вскочил в седло и поскакал обратно, в сторону Белого дворца, чьи башни все еще высились позади бледными громадами. Адария велела возчику трогаться, и повозка медленно двинулась под каменную арку ворот. «Чем бы ни закончилось это путешествие, мир уже не будет для меня прежним» – неожиданно осознала временная правительница золотых песков, покидая родной город.

10

Молодой мужчина, высокий, жилистый и худощавый, брел по песчаному берегу моря. Солнце было в зените, волны ласково омывали босые ноги путника, тревожный порывистый ветер время от времени трепал верхушки деревьев, словно бы предвещая грядущий шторм. Однако над горизонтом не было ни облачка, лишь мягко переливающаяся гладь моря да вечно голодные чайки на фоне чистого синего неба.

Тот, кто когда-то был Роммином Дэйном, шел не спеша, словно бы прогуливаясь, однако внимательный наблюдатель заметил бы, что каждый шаг дается ему с большим трудом, будто он вынужден преодолевать невидимую преграду. Однако несмотря на это, мужчина продолжал двигаться к своей цели, неся в себе злобный дух проклятой богини Путир.

Путир шла уже три дня, делая вынужденные остановки на сон и пищу, которые были необходимы человеческому телу, отнятому ею у Роммина Дэйна. Ей осталось пройти лишь малую часть, совсем немного, наверное уже к закату она сумеет дойти до границы последнего защитного барьера, который установили Кейтар и Мэлдин.

Где-то в вышине особенно противно закричала чайка, и Путир вскинула на нее злобные, полные ненависти глаза. Она все-

гда терпеть не могла птиц, не только потому что Кейтар очень любила их и часто делала своими посланниками, а еще и потому, что ей пришлось так долго жить в этой чертовой дыре, питаясь птичьим мясом. Путир сплюнула, в сердцах проклиная сестру, и очередной порыв ветра тотчас промчался по берегу, вздымая вывсы сухой песок. Губы ее расплылись в жестокой довольной улыбке, она видела — чем ближе она к границе своей тюрьмы, тем сильнее становится.

Злобная богиня, запертая в теле человека, проследила взглядом за чайкой, уносящей в своем клюве крупную серебряную рыбу, и не заметила, как позади нее пролетела и тотчас скрылась за верхушками деревьев большая белая птица. Путир в очередной раз сплюнула в сторону моря и пошла, тяжело переставляя ноги, порой ей начинало казаться, что сил в этом теле осталось не больше, чем в теле старухи Сароны, которое она бросила в горящей хижине. Но сдаваться она не собиралась, не для того она просидела столько времени в пустынной долине, чтобы так просто прекратить свой путь.

— Моя месть еще не свершилась, — злобно прошипела она, чувствуя, как колени подгибаются от усталости.

Когда день близился к концу, и золотое око жаркого солнца начало плавно опускаться за горизонт, дух, похитивший тело Роммина Дэйна, приблизился к восточной оконечности острова и не смог пройти больше ни шага. Путир взвыла от досады и злости, натолкнувшись на невидимую стену, более плотную, чем предыдущие, и черты лица Роммина исказились в отвратительном оскале. Тело мужчины тщетно пыталось проникнуть сквозь барьер, но тот стойко выдерживал эти попытки.

Путир опустилась на песок, она порядком утомилась за эти дни, вынужденная тратить много сил на преодоление препятствий. Злобная богиня задумалась, действительно ли ей еще нужно это тело или быть может пора бросить его и попытаться пробиться своей истинной силой, не сдерживаемой никакой телесной оболочкой? Что ж, видимо и впрямь пришло время

оставить этот жалкий кусок мяса, именуемый человеком. Путир пожала плечами, ей никогда не было особого дела до людей, разве что стравливать их время от времени, играя на дурных инстинктах и чувствах, было забавным развлечением, но без этого она вполне сумеет прожить.

Отдохнув немного на сухом, уже начавшем остывать, песке, Путир принялась готовиться к выходу из тела. Ритуал был кропотливым и довольно долгим, но к середине ночи она должна управиться с ним. Для начала ей требовался костер, что ж, здесь полно деревьев, а уж огонь она сумеет разжечь даже в обличье человека.

Она принялась собирать обломки веток и поломанные из-за недавнего землетрясения и гигантской волны небольшие молодые деревья, которые еще не имели крепких корней и упали, когда на остров обрушилась стихия. Древесина эта давно высохла, поскольку сильных дождей с тех пор не было, а от морских волн она лежала довольно далеко.

Когда гора сложенных веток достигла роста среднего человека, солнце уже окончательно скрылось, и липкие синие сумерки окутали деревья и пустынный пляж. Путир отошла, любуясь своим творением, а затем принялась ловить птиц, используя свою магию, также как она это делала, живя в хижине посреди высушенной долины. Казалось, что в наступающей темноте уже почти невозможно разглядеть в небе крылатые силуэты, но Путир прекрасно чувствовала их там, и она, уставившись на стремительно чернеющее небо внимательным взглядом, начала приманивать к себе визгливых бледных чаек. Птицы доверчиво слетались к ней, пойманные в магические силки, она тут же отрезала им головы, а затем бросала их в кострище вместе с тушками. Песок под ее ногами покрылся пятнами крови, пальцы Путир тоже были в крови, а на лице вновь сияла дьявольская ухмылка. Злобный дух получал истинное наслаждение, убивая пернатых обитателей острова.

Наконец приготовления к ритуалу были закончены, и Путир разожгла огонь легким прикосновением руки к сухой древесине.

Летняя ночь, едва успевшая набросить свое темно-синее покрывало на остров вормтов, тотчас отступила от вспыхнувшего костра. Черные тени испуганно заметались по берегу, будто пытаются спрятаться от огня и от зла, которое должен был высвободить этот кровавый ритуал. От костра запахло палеными перьями, и нетерпеливый ночной ветер подхватил дым, быстро разнося его по всему побережью.

Путир сняла с тела Роммина Дэйна залатанную рубашку, бросила ее куда-то в темноту и достала из дорожного мешка небольшой грубый нож. Его лезвие было старым и таким тусклым, что почти не отражало бликов костра. Жестокая богиня прокалила его в пламени, взяла одну из обезглавленных птичьих тушек и принялась выдавливать кровь прямо на лезвие. Закончив с этим, она бросила мертвую птицу в огонь и принялась чертить у себя на животе те же символы, которые помогли ей украсть тело молодого путника. Когда кровавые рисунки покрыли тело Роммина Дэйна, жестокая богиня запрокинула голову назад, обратила к небесам свое полное ненависти лицо, и из горла ее донесся дикий глубокий протяжный крик.

Остров тотчас затих в ожидании, как осторожный зверек, затаившийся перед лицом опасности. Птицы замолчали, ночные насекомые прекратили свой неторопливый стрекот, ветер исчез, волны притихли в безмолвном ужасе, и на побережье обрушилась страшная мертвая тишина, какой не бывает даже на заброшенных древних погостах. Крик, издаваемый Путир, затих также внезапно и быстро, как и начался, оставляя в ночном воздухе легкие странные вибрации. Безмолвие воцарилось на острове.

Путир подошла ближе к костру, она двигалась медленно, но с какими-то свирепыми рывками. Ей не терпелось разорвать телесную оболочку, которая сковывала по рукам и ногам ее мрачный мстительный дух. Заставив мир вокруг замолчать, она начала выполнять задуманное, пора было прощаться со смертным телом. Высокие языки пламени поднимались от костра к ночному небу подобно рукам, вздымающимся в неистовом

танце, но по-прежнему не было слышно ни треска горящего дерева, ни шороха прибрежных волн на берегу. Мир вокруг словно бы одолела немота.

Путир принялась водить пальцем по красным рисункам на своем теле, что-то беззвучно бормоча, затем подняла нож и полоснула им по запястью левой руки. И снова кровь, на этот раз человеческая, пролилась на песок. Вместе с ней в мир вернулись и звуки, они обрушились на остров подобно снежной лавине, сорвавшейся с гор и сметающей все на своем пути. Путир расхохоталась, и начала громко, во всю мощь своего голоса, петь заклинание.

Свирепая древняя магия, непокорная и доступная лишь богам, прорывалась из нее резким неровным потоком, и защитный барьер, установленный богами для заточения Путир, начал вибрировать, отзываясь на родственную силу. Звуки поднимались ввысь и расходились по сторонам, пока дух злобной богини выходил из захваченного тела вместе с колдовской песней. Вместе с ними разрушалось и брэнное тело Роммина Дэйна – кости начали трещать, изо рта потекли тонкие струйки алой крови, кожа трескалась от невероятно разрушительного действия божественных сил. Наконец, неистовые звуки заклинания оборвались, и изуродованное бездыханное человеческое тело рухнуло на берег. Высокие жадные языки костра тотчас присмирели и перестали рваться в небо как безумные. По острову ураганом пронесся дух гневной богини, вырвавшийся на свободу после долгих лет заточения.

Ураган этот скопил все деревья, будто мелкую траву, разметал птиц и зверей, превратив их тела в кровавые ошметки, поднял вверх сухой песок и принялся швырять его в разные стороны. Повсюду стоял скрежет, скрип, слышались крики животных, казалось, что дух злой богини даже горы заставил колебаться. Однако защитный барьер пока не поддавался, и дух Путир в бешенстве носился по восточному берегу, словно загнанный в ловушку зверь, свирепый и опасный. Время, вот, что ей было нужно, еще немного времени, чтобы ослабить стены своей темницы

и вырваться в мир, где она сможет безнаказанно уничтожить все то, что создала когда-то ее сестра.

***

Ночная прохлада постепенно уходила, отступая под натиском возвысившегося над горизонтом солнечного диска. Огромный лагерь просыпался, и люди поспешно тушили костры, оставшиеся с ночи, вставали в длинные очереди к единственному в этом месте колодцу, чтобы набрать в дорогу свежей воды. Прошла почти неделя, с тех пор как жители страны золотых песков, покинули свой город и направились в сторону моря, чтобы избежать урагана, о котором их предупредила богиня Кейтар.

Дочь правителя встала рано, вместе со всеми остальными, и, пока служанки отправились за водой, спустилась к реке, умылась и пошла проведать отца. Он все также спал, и выглядел на редкость умиротворенным, будто его совершенно не тревожил ни дневной зной, ни ночная прохлада, ни тряская повозка. Придворный лекарь кормил его, вливая в рот спящему травяные отвары и вино со специями, которое он прихватил с собой для этой цели. Адария взяла руку отца в свою и мягко пожала ее, она заметила, как истончились его пальцы, и подумала, что сразу же по приезду в крепость нужно будет попросить Мэлдина разбудить Аталира, иначе из-за отсутствия нормальной пищи он может дойти до истощения и попросту погибнуть. Она наклонилась, поцеловала отца в лоб и направилась обратно к своей повозке, видя, как старая Кэсмэй бросает на нее многозначительные взгляды, означающие, что пора завтракать.

Адария вздохнула, она и не представляла, что дорога окажется такой тяжелой. Людей было очень много, шутка ли, целый город выехал в сторону моря, да еще по пути к ним присоединялись все новые и новые люди. Это были жители небольших сел и владельцы поместий со своими семьями и слугами. Попадались конечно и упрямы, которые наотрез отказывались покидать свои дома, но чаще всего, увидев, на-

сколько огромная толпа идет в сторону моря, они меняли свое мнение и присоединялись к ней. Тех же, кого не убеждали никакие доводы, Мэлдин велел оставить в покое. Он считал, что нельзя задерживаться и рисковать жизнями тысяч людей из-за нескольких упрямцев. Повозки двигались медленно, маленькие дети плакали, матери устало утирали им глаза и пытались отвлечь, раз за разом пересказывая старые сказки. Женщины обещали детям, что скоро они приедут к морю, где можно купаться весь день, и поселятся в большой крепости.

Дочь правителя пыталась, как могла, облегчить своим людям этот трудный путь, и пускала в свою повозку бедных жителей, которые вынуждены были идти пешком. Сама же Адария терпеливо шла по сероватой пыльной земле, стараясь сохранять веселое настроение и бодрый вид. Она заметила, что это успокаивает людей, которые, уже порядком устали в дороге. Адария понимала, что если бы не помощь советника, который несколько раз в день проезжал мимо длинной вереницы путников, терпеливо выслушивая их вопросы и жалобы, решая споры и разногласия, то наверное примерно треть жителей уже вернулась бы обратно в свои дома. Время от времени она брала лошадь у одного из стражников и присоединялась к Мэлдину, прекрасно понимая, что ей нельзя терять авторитет среди жителей Эгасса. Худо-бедно все это помогало поддерживать порядок, и Адария надеялась, что расчеты Мэлдина окажутся верными. К вечеру они должны будут добраться до места. Она поймала себя на том, что страх перед атакой Путир ушел куда-то на второй план, оттесненный обычными бытовыми заботами, поэтому старалась почаще напоминать себе, для чего был предпринят весь этот поход.

Что если Путир так и не нанесет удар или же ударит слишком рано, пока они будут на открытой местности? Что если Кейтар не прибудет вовремя, вопреки надеждам и уверениям Мэлдина? Что если среди жителей вспыхнут болезни? Слишком много вопросов, ответов на которые Адария не знала.

После простого завтрака, состоявшего из черствой лепешки и горстки орехов, дочь правителя усадила на свою повозку нескольких детей, чьи родители были из бедных крестьян и не имели повозок или мулов, а сама пошла следом, вместе с их матерями и своими служанками. Старуха Кэсмей, которой было поручено следить, чтобы дети не попадали с повозки, поначалу ворчала, что она уже слишком стара, чтобы возиться с ними. Однако Адария заметила, что старая нянька оживает, и глаза ее начинают блестеть, когда она рассказывает малышам сказки, которые когда-то рассказывала ей в далеком детстве. Дочь правителя золотых песков улыбнулась, глядя на Кэсмей и, повернувшись к идущей рядом женщине, бодро сказала:

–К закату мы прибудем в крепость, осталось совсем немного.

–Это хорошие вести, госпожа, – робко пролепетала та, и губы ее растянулись в ответной улыбке.

Адария обернулась, за ней, поднимая облачка дорожной пыли, двигались люди – народ Эгасса, ее народ, который она вела к спасению.

11

Большой темный фрегат плыл на запад, он мягко разрезал черные волны, и его широкий приземистый корпус уверенно двигался вперед, с каждой минутой приближаясь к едва видимому на горизонте берегу. Ночное небо было чистым, лишь крохотные облака виднелись вдали, напоминая грязно-серые брызги на безупречной чернильной синеве небосвода.

Стоящая на палубе женщина тревожно вглядывалась в небольшой стеклянный шарик, заключенный в подобие серебряной подвески. В глубине его виднелся яркий костер и темная фигура, нетерпеливо дергающаяся в ритуальном танце. Фигура яростно выкрикивала какие-то слова, но услышать их женщина не могла, наконец бешеный танец закончился, женщина лишь успела увидеть, как рухнуло на песок бездыханное тело, прежде чем изображение в шарике потемнело. Она торопливо положи-

ла шарик на ладонь и подула на него, очищая от темноты, скопившейся в стеклянных глубинах после наблюдения за диким ритуалом, а затем спрятала его под рубашкой.

Женщина привычным жестом поправила воротник своей бледной, почти белой рукой, и ее глаза цвета лесного ореха сощурились, прикидывая расстояние до берега. По-видимому сделанные таким образом расчеты, не устроили ее, и она направилась к стоявшему неподалеку капитану.

Капитан, крепкий невысокий мужчина, лет сорока пяти, тоже смотрел в сторону берега, время от времени выкрикивая команды матросам и сплевывая за борт остатки жевательного табака. Его наполовину седая, коротко стриженная голова, почтительно склонилась перед подошедшей к нему женщиной, и в спокойном взгляде бледных голубых глаз появилось нечто, отдаленно напомилавшее гордость мальчишки, который нашел тайный лаз в соседский сад, умудрившись обставить и соседа и его цепного пса.

–Ветер переменился, Кейт. Теперь мы пойдем быстрее, – довольно сообщил он.

–Боюсь, не настолько быстро, чтобы успеть вовремя, Дэрран, – женщина скорбно покачала головой, и бледные лунные блики заиграли на ее кудрявых медных волосах, собранных на затылке в большой, не слишком аккуратный пучок.

–Ты могла бы использовать свою силу, чтобы помочь, – осторожно предложил Дэрран.

Он долго думал, стоит ли говорить с ней об этом, но до сегодняшнего дня не решался. Теперь же мужчина пылливо смотрел на нее, ожидая, какую реакцию вызовут его слова. Женщина поджала свои бледные губы, тяжело вздохнула и наконец ответила:

–Дэрран, Дэрран, ты как всегда слишком прямолинеен в своих выводах и предпочитаешь самый очевидный вариант. Повезло тебе, что ты сам себе хозяин и не имеешь отношения к пиратскому братству, как и твои ребята, иначе давно бы уже висел на рее.

Кейтар легко улыбнулась, ласково потрепав старого друга по плечу, и взгляд ее снова вернулся к далекому берегу. Это тотчас вызвало в памяти картину, только что увиденную ей в шаре, и заставило женщину нахмуриться. Капитан Дэрран, внимательный следивший за переменами на ее лице, невольно проследил за направлением взгляда Кейт. Он знал, что так тревожит ее, и знал, что поддевая его, она всего лишь пытается отвлечься от предстоящей им битвы.

—Никогда не имел дел с этим отребьем и не собираюсь в будущем, — все-таки пробурчал он в ответ, недовольно вздернув плечи.

—За это я тебя и уважаю. Ты человек простой и без подвоха. Но послушай, Дэрран, если я потрачу свою силу сейчас, то на ритуал освобождения у меня ее может не хватить. В человеческом теле моя сила практически заблокирована, а то, что я раньше использовала на твоём корабле, это всего лишь малая ее часть, — она замолчала, а потом тихо, с тревогой в голосе, призналась. —Боюсь, что Путир вырвется на свободу раньше, чем люди прибудут в безопасное место.

—А как же твой муженек? Неужели вдвоем вы с ней не справитесь? — с любопытством отозвался Дэрран, которому неприятно было видеть озабоченное, печальное лицо Кейтар.

Историю Мэлдина, Кейтар и ее злобной сестрицы он знал уже давно. Поначалу, когда Кейт впервые взошла на его корабль, предложила хорошую сделку и рассказала свою историю, он удивился и не поверил ни единому ее слову. Однако было в ней что-то такое, что заставляло людей держаться почтительно и вызывало ощущение доверия и покоя, и Дэрран согласился взять ее в одно из своих плаваний. Капитан ни разу не пожалел об этом своем решении, когда в первом же рейсе, Кейтар встала на носу его издавшего вида фрегата, и, призвав силу, подчинила себе стихию, отогнав таким образом идущие навстречу корабля страшные грозовые тучи, и наполнив паруса попутным ветром.

—В прошлый раз заточение Путир едва не стоило нам жизни. Она очень зла и очень сильна, моя сестра, ее питают

ненависть, презрение и желание разрушить этот мир. Человек, которого вели мои сны, угодил в ее лапы. Боюсь, на него рассчитывать больше не приходится, а другая, дочь правителя, я надеюсь, что она сумела найти способ вывести людей подальше от Белого дворца, но знать этого наверняка я не могу.

–А твой шпион? Давненько его не видно.

–Митранди не шпион, он разведчик.

–Да все одно. Где же он?

–Он был на острове и показал мне, как Путир сбросила брентную оболочку. Теперь она будет пытаться пробить последний защитный барьер.

–Вот бесово семя, – выругался капитан и сплюнул за борт очередной влажный комок жевательного табака.

–Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы остановить ее, Дэрран. Я очень ценю твое мужество и рада, что ты согласился помочь мне, друг мой.

С этими словами женщина снова потрепала его по плечу и отправилась поближе к носу, оттуда ей удобнее всего было высматривать своего крылатого разведчика. Дэрран поежился, не нравилась ему эта птица, слишком большая, слишком странная, и глаза такие страшные, будто прямо в душу заглядывают. Капитан скользнул взглядом по силуэту Кейтар на носу фрегата, тяжело вздохнул, а потом отправился в каюту, чтобы немного вздремнуть. Если уж намечается битва богов, то перед этой забавой пожалуй стоит отдохнуть как следует.

Дэрран уже скрылся в недрах корабля, а Кейтар все стояла, пристально вглядываясь в блеклую полоску суши вдаль, слабо освещаемую ночным светилом. Отсюда ей не был виден остров, на котором сейчас бушевала Путир, в попытках выбраться из заточения, наверное это было к лучшему. Слишком много неприятных воспоминаний осталось у нее о сестре, слишком многим пришлось пожертвовать, чтобы обезвредить Путир. Все указывало на то, что им предстоит снова встретиться в битве за мир людей, и Кейтар не хотелось видеть сестру раньше, чем их встреча станет неизбежной. Она подумала о том, что не видела Мэлдина

уже несколько столетий, для бессмертных богов это конечно не такой большой срок, но боги, как и люди, способны испытывать любовь, привязанность, дружбу или сочувствие. «А еще мы способны быть гневливыми, злобными, эгоистичными, завистливыми и порой стремимся уничтожить то, что создали другие» — с горечью подумала богиня, снова возвращаясь мыслями к своей сестре.

Корабль легко шел по спокойной воде, вздувшиеся от попутного ветра паруса бледными призраками рвались вперед, к земле, едва видневшейся на горизонте. Кейтар снова обратила свой взор к ночному небу, в надежде увидеть там силуэт большой белой птицы и услышать приветственный крик своего разведчика. Однако небо впереди было пустым, кроме луны, облаков и редких звезд на нем не было ничего. Женщина собралась было уйти с палубы, чтобы тоже отдохнуть перед предстоящей битвой, когда привычную болтовню матросов и негромкий скрип деревянной палубы нарушил громкий окрик дозорного. Паренек указывал назад, в сторону кормы, и Кейтар поспешила туда, чувствуя неладное.

На палубе сидела большая белая птица, и матросы, сбежавшие на крик дозорного вслед за женщиной, тотчас сгрудились вокруг Митранди. Одно крыло у него выглядело как-то странно, словно его погнули, да и сам он, взъерошенный, с прореженным оперением, выглядел так, будто только что вернулся с поля боя. Кейтар бросилась к нему и принялась осматривать пернатого разведчика. Так и есть, крыло повреждено. Она послала одного из матросов за лекарским сундуком, а сама ласково приподняла голову птицы и, заглянув в глаза Митранди спросила:

—Тебя достал ураган, когда она освободилась?

Умные глаза птицы полыхнули красным огнем и уставились на хозяйку, мысленно передавая ей ответ на вопрос. Кейтар какое-то время слушала его, а потом невольно поежилась и снова обратилась к Митранди с вопросом.

—Где он, Митранди? Ты сумел донести его?

Птица молча шевельнула лапой, и к женщине, тихо постукивая рукоятку о палубу, подкатился старый нож. Кейтар осторожно взяла его в руки, провела пальцем по рукояти, и брови ее нахмурились.

—Значит она не просто убила человека, она вытянула его душу. Не ожидала, что она додумается до подобного и падет столь низко! — с горечью и отвращением воскликнула женщина, а потом обернулась к своему пернатому слуге. — Митранди, мой милый друг, ты все сделал верно, хотя я не могу не упрекнуть тебя за тот риск, которому ты подвергал свою жизнь там, на острове. Скажи, а те люди, то племя, что жило на нем, они живы?

Митранди отрицательно мотнул белой головой и понурился. Он едва сумел добраться до корабля с поврежденным крылом и спас всего одну жизнь, если можно так назвать заточенную в ноже человеческую душу. Пролетая неподалеку от хижины злобной богини, он увидел, что та, судя по всему, прорвалась через первую линию защиты. Митранди был необычной птицей, и его глаза видели много скрытых вещей, недоступных взору другого животного, птицы или человека, а потому он почувствовал признаки страшного колдовства и слабую пульсацию, исходящую из какого-то магического предмета. Как видно Путир решила, что нож попросту сгорит в хижине вместе с душой несчастного человека, чье тело она украла, но каким-то чудом он уцелел, лишь лезвие покрылось тонким слоем копоти. Все это он и поведал своей госпоже, равно как и то, что ни один из племени вормтов, населявших морское побережье, не сумел выжить, когда Путир высвободила свой мстительный дух из пут плоти. Большинство из них погибло еще тогда, когда на остров обрушилась огромная волна, а теперь остатки племени попали под удар злой богини.

Кейтар достала из кармана платок, бережно обернула им нож, спрятала его в карман и принялась перевязывать крыло своего пернатого соратника. Матросы уже вернулись на свои места, и они с Митранди остались на корме одни. Закончив процедуру, женщина подставила птице свою руку, и Митранди взо-

брался на нее, разрывая когтями рукав ее рубашки и оставляя на руке Кейтар кровавые полосы. Но женщина словно бы не замечала этого. Кейтар направилась в свою каюту, битва предстояла нешуточная, и перед ней нужно было как следует отдохнуть. Она устроила птицу поудобнее, обработала царапины от когтей под виноватым взглядом Митранди и легла на свою узкую твердую койку. Ей понадобятся все силы на то, чтобы уничтожить Путир. Кейтар больше не питала иллюзий насчет сестры. Если ее не исправил долгие годы заточения, доведя до самого запретного, самого страшного деяния — кражи чужой души и отрывание ее от тела, значит, не исправит уже ничто.

***

Неровные скопления грязно-серых облаков медленно и невозмутимо ползли по иссиня-черному куполу ночного неба, подгоняемые легким ветром. Лунный диск, блеклый и бледный, то скрывался за ними, то вновь выныривал на поверхность, освещая стены древнего форта на берегу моря. Близилась к завершению вторая ночь, которую жители Эгасса проводили в его стенах. Форт никак не мог вместить всех людей, несмотря на огромную площадь, большие залы, подземные ходы и подвалы. Все свободные места были забиты людьми, а те, для кого не нашлось места под защитой крепких каменных стен, расположились на телегах и в палатках у подножия старого форта. И таких людей было очень много, ведь в форте поместилась едва ли треть жителей, и это очень беспокоило дочь правителя золотых песков.

Адарии не спалось, с тех пор, как они прибыли в крепость и разместились внутри, она вздрагивала от каждого сильного порыва ветра, ожидая, что Путир вот-вот ударит по ним. Молодая женщина забралась на стену, где несли свой караул дозорные, выставленные Мэлдином. Она все не решалась попросить его разбудить отца, хоть и понимала, что тот долго не протянет в таком состоянии.

Она оттягивала этот разговор, благо с утра и до самой ночи ей хватало забот, чтобы оправдать себя отсутствием времени. Нужно было распределять еду, назначать людей для готовки пищи, для поиска дров, кто-то должен был следить за детьми, носить воду, стирать вещи. Дел оказалось так много, что поначалу молодая женщина растерялась, не зная, за что взяться. Мэлдина нигде не было видно, да и не может же она бегать к нему за советом всякий раз, когда понадобится помощь. Адария задумалась, как ей лучше организовать жизнь людей, которых она привела сюда, на берег моря, оторвав от знакомых мест и стен родных домов. Тут ей на ум пришла мысль, такая простая и очевидная, что она даже рассмеялась, довольная тем, что наверное впервые решит проблему без чужого совета. Она вспомнила, что отец никогда не занимался всеми делами самостоятельно, у него всегда были помощники, которых он назначал на роли управляющих, так почему бы и ей не поступить также?

Адария не мешкая созвала своих служанок и поставила каждую следить за тем, как обустраиваются жители. «В форте есть подвалы, большие залы на первом этаже, залы поменьше на втором, вместительный двор, подземные ходы, а еще у нас множество людей за стеной. Вы берете на себя заботу о подвалах, дворе и первом этаже, найдите сильных и бойких женщин и мужчин, которые будут вам помогать, мы должны обеспечить людей пищей и водой. Я сама пойду за стену и выберу там помощников, нужно определить время, когда мы будем готовить и выдавать людям еду, нужно следить, чтобы никто не заболел. Мы должны поддерживать порядок в наших рядах, иначе погибнем раньше, чем до нас доберется ураган или помощь из-за моря» — сказала она в тот день своим служанкам, и те, к большому удивлению временной правительницы, охотно поддержали ее идею.

Дочь правителя припоминала, как похвалил ее Мэлдин, когда пришел разделить с ней обед и обсудить насущные вопросы. Она слушала тогда его слова и по-детски гордилась собой, чув-

ствуя, что делает что-то действительно важное. Раньше, когда Адария помогала бедным жителям Эгасса, она испытывала что-то похожее, но тогда она все равно была лишь дочерью своих родителей в глазах людей, дочерью сурового, но справедливого правителя и его прекрасной супруги, когда-то осенявшей своей солнечной красотой эти земли. Теперь кое-что изменилось. Адарии впервые представилась возможность самой решать, что делать, самой отдавать указания, и она замечала, что люди смотрят на нее с большим уважением, чем раньше.

«Они будто только теперь стали замечать меня, до этого момента я была для них просто дочерью прекрасной Эланит, которая вечно живет в тени своего отца-правителя» – посетовала она тогда в разговоре с советником. Он же рассмеялся, сверкая зубами, и ответил: «Думаю, многие посмотрели на вас иначе уже тогда, на площади, когда вы вышли к ним в короне. А сейчас они видят в вас полноправную правительницу, которая заботится о них».

Именно это, еще непривычное ей чувство, ощущение собственной ценности, проснувшиеся вдруг гордость и желание доказать всем, что она может позаботиться о жителях Эгасса не хуже Аталира, заставляло ее каждый раз находить неотложные дела или темы, лишь бы не касаться вопроса пробуждения отца. Упрямство, злость и чувство вины осели где-то на дне ее души, время от времени протягивая вверх свои хищные щупальца, и если днем Адария могла избежать их, забывшись в делах, то ночью все менялось. Они приходили, эти странные, противоречивые чувства, будоражили ее сердце и мысли, не давали спокойно спать, несмотря на усталость. Действительно ли она хочет, чтобы Аталир пробудился? Что он скажет об их самоуправстве? Изменит ли свое мнение о ее замужестве? Нет, пока не время будить отца, иначе они ничего не получат, кроме огромного скандала. Он наверняка решит, что все это блажь, отправит людей по домам, а Мэлдину, чего доброго, вообще велит снести голову. От этих мыслей дочь правителя теряла сон и покой.

Вот и сейчас Адария стояла на стене, вцепившись в древний шершавый камень обеими руками. Она тщетно пыталась разглядеть в темноте далекий остров, на котором, по словам Мэлдина, и была заточена Путир. Днем отсюда еще были заметны смутные бледные очертания той проклятой земли, и часовые не сводили с нее глаз круглые сутки, потому как им было сказано тотчас будить советника и Адарию, если со стороны острова начнут надвигаться тучи или подует сильный ветер.

Молодая женщина попросила у одного из стражей большую тяжелую подзорную трубу и направила ее в сторону острова. Она долго всматривалась в темноту, пока стражник неловко переминался с ноги на ногу за ее спиной, боясь, что упустит начало урагана. Адария, затылком ощущала его нервный взгляд, а потому поспешила вернуть ему трубу и отправилась в отведенный ей и ее прислуге небольшой угол в одном из залов первого этажа. Быть может ей удастся заснуть, и Кейтар пошлет ей еще один вещий сон, где расскажет, когда она прибудет к ним на помощь, однако особой надежды на это Адария не питала.

Она с трудом пробралась к своему ложу, обычной куче соломы, на которую сверху набросили одеяло, и легла, стараясь не потревожить Кэсмей и одну из служанок, с которыми ей приходилось делить эту нехитрую постель. В помещении было темно, хоть глаз выколи, за дверью время от времени раздавались приглушенные голоса стражников, а вокруг мерно дышали во сне женщины и дети. Вскоре Адария все-таки задремала, но ненадолго, потому что сон ее прервали внезапно ворвавшиеся в него шум и грохот.

Люди начали просыпаться, кто-то закричал в панике, заплакали испуганные дети, и Адарию показалось, что сейчас стены старого форта начнут рушиться, так заскрипела над ним черепичная крыша. Тут открылась дверь, и внутрь помещения начали забегать стражники и те, кому пришлось ночевать прямо во дворе из-за нехватки места. Вместе с ними врывались жуткие порывы ветра и пригоршни песка. Когда в помещение набилось столько людей, что нельзя уже было вместить больше никого,

лишь семеро мужчин смогли закрыть двери, бросив на перекладины поперек них толстую длинную деревянную балку. Снова стало темно, но спустя пару мгновений кто-то сумел зажечь большую масляную лампу. Люди кашляли от поднятой ветром пыли, вытирали слезящиеся глаза, кто-то испуганно всхлипывал, другие же напряженно молчали.

– Нужно подпереть дверь еще чем-нибудь, – задыхаясь от кашля, прохрипел кто-то.

Все тотчас принялись осматриваться, от лампы зажгли еще несколько других. В одном из углов нашелся тяжеленный старый сундук размером с добрый стол, его тотчас приволокли и поставили к дверям, которые опасно вздрагивали от порывов ветра, несмотря на то, что створки были в две ладони толщиной. Мужчины добавили к сундуку еще и стол, положив его боком, столешницей к двери, и только тогда она стала трястись чуть меньше.

За стенами завывал ветер, ураган беспощадно трепал старый форт, в ярости срывая с крыши черепицу, притихшие, напуганные люди расселись, кто куда, и замолчали. Даже плача уже не было слышно, только дыхание затаившихся людей и звуки буйствующей стихии над их головами нарушали тишину в зале. Снаружи больше никто не кричал, и Адария только сейчас осознала, что это значит. Те люди, две трети всех жителей Эгасса, что остались за стеной, теперь наверняка мертвы. Она вела своих людей к спасению, а привела к верной смерти. Молодая женщина беспомощно оглянулась на Кэсмей, и старая нянька без лишних слов обняла ее, прижав к груди и поглаживая по голове своими высохшими руками. Теперь им оставалось только ждать конца этой страшной бури и гадать, успеет ли богиня Кейтар спасти хотя бы их.

12

– Тыыыыы! – раздался вдруг яростный громopodobный рык, перекрывший даже грохот бури.

Голос был таким неестественным и страшным, что запертые в своем убежище, словно в склепе, жители Эгасса, разом вздрогнули, и головы их вжались в плечи. Дети от испуга уже даже не плакали, а просто прятались под руками матерей и отцов, зарывшись в их плащи, словно кусок ткани мог укрыть их от урагана и гнева злобной богини.

Послышался звук удара, скрежет и снова зазвучал полный злобы громopodobный голос, теперь исторгающий проклятия на каком-то древнем языке. Адарии показалось, что стены форта начали вибрировать, и сердце ее заколотилось от ужаса, как у маленькой птички, попавшей в лапы проворного дикого кота. Пламя в масляных лампах трепетало и подрагивало, словно пыталось сбежать из этого места, где вскоре будет править бал сама смерть, и густые черные тени лихорадочно плясали на серых каменных стенах, добавляя страха в сердца людей.

Они сидели так довольно долго, женщины, мужчины, старики и дети, в молчании и мрачном давящем ожидании смерти, когда сверху послышался грохот и крики. Тяжелый многослойный потолок содрогнулся, но выдержал удар, лишь легкие облачка пыли посыпались с него на запертых в нижнем зале людей. Снова воцарилась тишина, прерываемая лишь гневными воплями и завыванием ветра, однако людей больше не было слышно. И Адария поняла, что верхний этаж форта разрушен, и вместе с ним погибли прятавшиеся там люди.

«Еще жертвы. Где же ты, Кейтар?» – в отчаянии подумала молодая женщина.

–Ада, – зашептала ей на ухо Кэсмей. –Ада, вели им молиться.

Адария в недоумении посмотрела на старую няньку. О чем она говорит? Какие молитвы, когда вот-вот на них обрушится потолок, и все эти люди погибнут. А ведь это она, Адария, завела сюда жителей Эгасса, и на ее совести останутся все эти смерти. Кто знает, останься они в городе или в своих селах и поместьях, быть может кого-то из них беда обошла бы стороной, не станет же Путир в самом деле специально сносить каждый одинокий домик на своем пути.

–Вели всем молиться, – повторила старушка свои слова и объяснила. –Им так будет легче.

«Легче умирать?» – подумала Адария, но вслух ничего не сказала.

Что ж, если их всех ждет смерть, так почему бы не облегчить последние часы или даже минуты их жизнью, вызывая к мудрой Кейтар. Хотя, что она за богиня такая, если не смогла угадать, когда отправиться на помощь своему народу, чтобы прибыть вовремя? Негодование проснулось было в душе дочери правителя, и она запоздало вспомнила о Мэлдине. Наверняка это с ним сейчас борется Путир, ведь совсем недавно, когда она стояла на крепостной стене, ни одного корабля еще не было видно на горизонте.

«Значит, ему все-таки пришлось раньше времени покинуть смертное тело. Хватит ли ему сил продержаться одному?» – задумалась Адария, но мысли ее прервала старая нянька. Она, так и не дождавшись реакции воспитанницы на свои слова, вполголоса начала читать молитву Кейтар, сначала тихо, потом чуть громче, пока не перешла на негромкое пение. Люди, поначалу глядевшие на нее как на безумную, постепенно тоже начали подпевать, вызывая к любимой богине и прося ее о помощи и защите. Только Адария молчала, она все думала о людях, которые не сумели найти укрытие и погибли за стенами форта и в его верхних залах.

***

Когда раздался громкий стук и чей-то взволнованный голос вырвал Кейтар из сна, она тотчас открыла глаза и вскочила с узкой неудобной койки, ощущая, как затекло ее тело. Сомнений быть не могло, они уже подплыли достаточно близко к Эгассу, и, судя по тревоге, прозвучавшей в голосе матроса, дело плохо. Женщина быстро открыла дверь и побежала на палубу, молнией метнувшись мимо перепуганного матроса, чьи черные глаза были расширены от ужаса.

–Дэрран, что там? – сходу прокричала она свой вопрос, едва увидев силуэт капитана.

Однако ответ ей не понадобился. Серое подвижное облако зависло над побережьем Эгасса, и со стороны берега доносился страшный грохот. Кейтар побледнела, сейчас, в зарождающемся свете дня это облако выглядело особенно зловеще. Мысли ее лихорадочно закрутились в голове, пытаясь прийти к какому-то решению, найти выход. Мэлдин явно был там, он сейчас сражался с Путир, скорее всего пожертвовав смертным телом раньше времени и лишившись части своих сил из-за этого. И ей придется сделать то же самое, в прошлый раз они истратили почти все силы на заточение Путир и создание защитных барьеров, но теперь другое дело. Теперь Кейтар не станет жалеть сестру и надеяться на то, что та изменится, и ей не нужно будет беречь силы на создание тюрьмы для Путир.

Она уже знала, как поступить, Путир преподнесла ей решение, сама того не ведая. Вынув душу из живого человека, она подписала себе смертный приговор. Кейтар оставалось лишь вернуть себе истинное обличье, однако для людей это будет небезопасно. Она повернулась к Дэррану, и, пошарив за пазухой, нащупала нож, принесенный Митранди.

–Дэрран, возьми его и береги как зеницу ока. В нем заточена человеческая душа, которую мы обязаны спасти, – она протянула капитану закопченный нож, и он осторожно взял его и тут же спрятал во внутреннем кармане своей куртки.

–Что ты задумала? Там и людей то наверное не осталось, – подозрительно щурясь спросил он.

–Я иду принимать истинный облик, поэтому направлю корабль подальше отсюда, уже нет смысла экономить силы, надо спешить. Теперь я знаю, как уничтожить ее, точнее, имею на это полное право после того, что она сотворила с моим посланником. К тому же Мэлдин там один, и я не прошу себе, если она одолеет его и убьет всех людей. Они живы, многие живы, я чувствую это.

Дэрран попытался было возразить, но Кейтар торопливо подбежала к нему, легонько прикоснулась к его грубой обвет-

ренной щеке губами и метнулась к борту. Никто не успел и слова сказать, а она уже ласточкой летела в синюю воду, испещренную золотыми разводами рассвета. Раздался всплеск, и Дэрран чертыхаясь подбежал к борту. Едва Кейтар оказалась за бортом, как поднялся сильный ветер, и корабль понесло в сторону от побережья, капитан лишь успел заметить мелькнувший над поверхностью воды лоскут белой рубашки.

Кейтар отправила корабль подальше от себя, но все не слишком далеко, чтобы Дэрран сумел как можно скорее добраться до берега, когда все закончится. Таков был уговор: он и его команда окажут помощь жителям Эгасса, быть может даже увезут отсюда тех, кто захочет покинуть страну золотых песков. Она подозревала, что таких будет немало, если Путир все-таки настигнет их. Осталось самое страшное — покинуть свое смертное тело. Читать древние слова заклинания, посреди моря и пытаться при этом удержаться на поверхности было совершенно невозможно, к тому же здесь не было необходимых ей ножа и огня. Что ж, придется прибегнуть к другому, более простому, но жуткому способу.

Прожив столько жизней в человеческих телах, Кейтар ни разу не умирала от чужой или собственной руки, всегда лишь от старости или болезни. Она помнила все эти смерти, не так ярко, как в момент умирания, но все же достаточно, чтобы воспоминания эти вызывали неприятную дрожь. И никогда еще ей не приходилось делать то, что она собиралась сделать сейчас. «Нет, тонуть — это слишком ужасно, но я могу сделать кое-что другое» — подумала богиня. В тот же миг ее рука легла на сердце, пальцы ощущали пульсацию крови под ребрами и плотью, и Кейтар тихо прошептала древние слова, которых она не произносила уже очень-очень давно. Биение начало замедляться, и спустя несколько секунд затихло совсем. Последний взгляд она бросила на силуэт фрегата вдалеке. Дэрран наверняка стоит на палубе и костерит ее последними словами за безрассудство. Кейтар улыбнулась, ее бледная рука сползла с груди, и волны жадно подхватили вмиг ставшее неподвижным тело. На мгнове-

ние над водой воцарилась оглушительная тишина, даже звуки борьбы Путир и Мэлдина затихли вдалеке. Мощная, светлая струя воздуха вырвалась из тела белокожей женщины, объятая волнами, и с резким свистом стремительно понеслась в сторону побережья Эгасса. Море возбужденно заплясало, волны высоко вскидывали свои пенные головы, а человеческое тело, безжизненное и израненное, следовало их движениям, удаляясь все дальше в море.

Когда волны добрались до фрегата, вся команда уже была наготове, но все же кое-кто не сумел удержаться на ногах и упал, однако в море все-таки никого не смыло. Дэрран крепко ухватился за канат и закричал, что было духа:

– Держитесь, ребята! Это прощальный подарочек от нашей Кейт!

Капитан дико расхохотался, когда соленая вода обрушилась на палубу и облила их всех с головы до ног, а потом уползла обратно в море. Корабль все еще сильно качало, но такая волна была единственной, и фрегату ничего больше не грозило, кроме небольшой качки. Что ж, теперь им оставалось лишь дожидаться, когда буря на побережье пойдет на убыль, а потом ставить паруса, ловить попутный ветер и как можно быстрее мчаться на помощь к людям.

«Какое это счастье – вновь быть свободной и сильной» – успела подумать богиня, прежде чем со всей скорости врезаться в самую гущу битвы. Она видела бледно-серый сияющий дух Мэлдина, своего возлюбленного, мужа и соратника, и черный, словно обсидиановый клинок, дух Путир. Они сходились и расходились в ожесточенной схватке, причем Мэлдин явно пытался заслонить собой древний форт, который она когда-то сама велела построить, послав вещий сон одной из дочерей правителя. Кейтар не стала больше тратить время на воспоминания, а просто обвилась вокруг Путир гибким, молочно-голубым кольцом. Мэлдин, чьи уставшие глаза вспыхнули в сером облаке теплыми маленькими огоньками при виде нее, тотчас повторил ее ма-

невр, и Путир оказалась зажата в тисках, которые крепко схватили ее мятежный злобный дух, не позволяя больше творить разрушения. Жуткий ветер тут же стих, хотя небольшие волны воздуха все еще расходились от плененного духа, они уже не могли повредить никому.

— Ты украла душу живого человека и заточила ее, а потом хотела сжечь! И ты сама погубила себя, сестра! — яростно закричала Кейтар, не давая злобному духу сказать ни слова.

Мэлдин возмущенно дернулся от этих слов, а Путир напряглась и на какой-то миг замерла, черный дух ее попытался вырваться, но ей приходилось прилагать для освобождения очень много сил, ведь теперь против нее было двое таких же бесмертных, как она сама.

— Поди ты в бездну вселенскую! Я слишком долго ждала, чтобы избавиться от твоей проклятой страны и от вас обоих, — прогремел голос злобной богини и тут же сник до хрипа, напоминая хруст перемалываемых камней.

Бледно-серый дух усилил хватку, и Кейтар послала в сторону мужа волну благодарности. «Держи ее как можно крепче, я знаю, как ее уничтожить теперь» — отдала она приказ, надеясь, что не утратила за все свои земные жизни способности мысленно общаться с Мэлдином. «Хорошо» — коротко ответил он, и волокая богиня с облегчением вздохнула. Как она тосковала по нему и по этой возможности обмениваться мыслями и образами, но сейчас не время предаваться преждевременной радости, сначала нужно уничтожить Путир. За все эти десятки и сотни лет она причинила столько зла этому миру и людям, что Кейтар уже давно перестала считать ее своей сестрой. Ту долю милосердия, которую они с Мэлдином даровали ей, заточив на острове, чтобы дать ей возможность поразмыслить над своими делами и их последствиями, без особой впрочем надежды, Путир презрела да еще и изуродовала, посмеив покуситься на самое ценное — человеческую душу и право распоряжаться ей.

Кейтар запела, все свое существо она направила на Путир, заполняя воздух вокруг холодным голубым сиянием. Древние

напевы усиливались и росли, окутывая мятежное божество зыбким полупрозрачным коконом. Путир трепыхалась, сыпала проклятиями, но вырваться пока не могла, она и сама не понимала до этого момента, что потеряла довольно много сил, пока избавлялась от привязки к телу старухи Сароны, а потом и к телу Роммина Дэйна. Голос Кейтар, полный старой как мир магии, обездвигил ее, однако Мэлдин своей хватки не ослабил, боясь упустить злобную богиню. Наконец бледно-голубое облако, окутывавшее Кейтар, остановилось, и она замолчала, переводя дух.

–Ты сама приговорила себя, сестра. Ты сеяла всюду раздор, злобу и смерть. Ты не смогла и не захотела измениться и принять этот мир таким, какой он есть. Это мир людей и люди – это высший дар этим землям. Дар богов, подаривших им частички себя, чтобы вдохнуть в них душу. Ты покусилась на этот дар, самый ценный, самый дорогой и священный для людей и самих богов. И я приговариваю тебя к вечности – ты будешь развеяна крохотной пылью по всей вселенной, и никогда больше не сумеешь стать тем, кто ты есть сейчас. Пусть свершится мой правый суд.

Бледно-голубое облако приняло очертания женщины, сначала в нем появилось длинное узкое лицо с большими с поволокой глазами и тонким маленьким носом, затем ясно очертились губы и фигура. Кейтар вернулась в свою истинную форму окончательно, хотя сама ощущала, что далеко не все ее силы восстановились. Однако жалеть о потерянном было недосуг, сначала следовало уничтожить Путир и разметать ее прах по всей вселенной, чтобы никогда больше его частицы не собрались вновь в единое целое.

Кейтар протянула руку, и голубой жгут метнулся к Путир, оборачиваясь вокруг ее темной сущности и отстраняя Мэлдина, который тут же ушел в сторону, чтобы не попасть под действие разрушительной силы, направленной на Путир. Его дух тоже принял человеческий облик, и теперь он не сводил глаз с происходящего. Богиня жизни вновь запела, но на этот раз заклина-

ние было таким тяжелым, что воздух вокруг трех богов накалился словно кузнечный горн, готовый принять в свои объятия кусок железа.

Земля внизу начала легонько трястись и вибрировать, беспокоя морскую воду и ее обитателей. Жгучий горячий воздух сгущался и трещал, казалось вот-вот над богами появятся молнии, и разряды поразят и без того измученную этой битвой землю. Напряжение нарастало с каждым новым словом, вылетавшим из уст Кейтар, и Мэлдин, видя, скольких сил ей стоит это заклинание, тоже начал тихо напевать, чтобы помочь ей поскорее уничтожить Путир. Когда его голос, плавно и медленно влился в мотив заклинания, напряжение в воздухе начало слабеть, и жар перестал быть таким сильным. Теперь они пели заклинание вместе, однако оно было таким старым, что Мэлдин боялся, что не сможет вспомнить правильных слов и сообразит с ритма.

К счастью, страхи его оказались напрасными. Плотная магическая ткань уже окутала Путир полностью, ни одного проблеска ее черного духа не было видно сквозь серо-голубое сияние, ни один звук не просочился больше через созданный Кейтар барьер. Только раз, на самом пике заклинания, когда рука Кейтар сжалась в кулак, раздался громкий хлопок, и серо-голубое облако дрогнуло. Мэлдин и Кейтар замолчали, затем богиня убрала сплетенную ею же самой темницу, и мелкая черная пыль посыпалась на берег, словно хлопья пепла на руинах сгоревшего дома.

Они кружились и медленно, плавно опускались к земле, а Кейтар тотчас вызывала ветер, уносивший прочь останки ее сестры. Он радостно подхватывал эту черную пыль и нес ее, чтобы развеять по всему свету, щедро бросая горсти в воду, в землю, в жерла вулканов и в темные глубины горных пропастей.

Когда последние частички Путир были рассеяны, Кейтар опустилась на берег, и облако вокруг нее стало совсем белым. Слишком много сил она потратила, слишком много магии. Мэлдин бросился к ней, и на долгий миг светло-серое облако окута-

ло белое, совсем скрыв его из виду. Он ждал момента встречи несколько столетий, и теперь его Кейтар нуждалась в его помощи. Они долго стояли так, скрытые от всего мира, не в силах сказать ни слова и питая друг друга своей магией.

Солнце вошло в зенит и принялось беспощадно жечь побережье, море затихло и успокоилось, на горизонте показался силуэт корабля, лишь после этого серое облако отступило. На берегу стояли двое богов, они держались за руки, и кожа их сияла неестественным светом, выдавая их божественное происхождение.

–Теперь мы должны помочь людям, – спокойно произнес мужчина.

–Бедный народ Эгасса, а ведь я обещала защищать их.

В голосе Кейтар сквозили боль и раскаяние. Мэлдин ласково погладил жену по щеке, не веря тому, что она вновь рядом с ним.

–Именно это ты сделала. Ты сумела отправить сон с предупреждением дочери правителя, и мы привели людей сюда. В своих домах они бы погибли мгновенно, а здесь я сумел укрыть их в форте и защитить многих из них с помощью своих сил.

–Но тебе пришлось раньше времени расстаться с телом из-за того, что я не приплыла вовремя. И люди погибли.

–Не кори себя, моя госпожа, никто не мог с точностью рассчитать время, когда Путир вырвется на свободу. Главное, что теперь все мы в безопасности.

–Она все равно будет присутствовать в мире, даже через ее останки, через эту пыль, она будет сеять раздор среди людей. Но все же это капля в море по сравнению с теми бедами, какие она чинила, будучи свободной.

Кейтар замолчала, и ее печальные глаза обежали линию горизонта и разруху сотворенную Путир, пока шла борьба на берегу. Затем она увидела вдалеке фрегат, и легкая улыбка тронула ее губы. Дэрран уже близко, а значит людям будет оказана помощь, по крайней мере еды и воды у них будет достаточно.

—Пойдем, жена моя, поможем нашему народу, — мягко сказал Мэлдин и повел ее к форту, чья разломанная крыша зияла огромными дырами.

13

У подножия форта все еще клубилось серое облако, насланное Мэлдином для защиты людей. Оно уже начинало рассеиваться, и очертания спящих тел проглядывали сквозь него, неровные, расплывчатые и пугающе неподвижные. Со стороны могло показаться, что эти люди мертвы, так безвольно свешивались с повозок их руки, ноги и склоненные головы. Однако они всего лишь спали, ведь кто как не бог смерти смог бы так искусно сплести для них сон, который во всех народах почитают как маленькую смерть.

Приближаясь к форту, бог и богиня разгоняли со своего пути принесенный ураганом песок и обломанные ветви деревьев. Примыкавший к нему причал уже тоже был очищен и готов принять команду Дэррана с их грузом. Мэлдин направился к людям, чтобы пробудить их ото сна, а Кейтар осторожно ступила на порог старой крепости.

Одна створка ворот была оторвана и валялась на другом конце двора, повсюду были горы песка и мусора, кое-где лежали мертвые люди, при виде которых сердце богини сжималось от боли. Мэлдин не мог защитить всех их от молниеносной атаки Путир.

Это был первый народ, который она, Кейтар, создала и опекала, и сейчас его потомки заплатились за то, что были любимцами своей богини. Путир принесла весь свой гнев именно сюда, в Эгасс, в страну золотых песков и розовых закатов, где смертоносная пустыня граничит с живой землей, а земля соседствует с бескрайним морем.

Богиня мягко ступала по занесенному песком каменному двору, в поисках оставшихся в живых людей. Разруха вокруг поражала взор — крыша была сорвана, на ее месте виднелись об-

ломки сломанных потолочных балок, некоторые двери слетели с петель, кое-где от стены отвалились куски каменной кладки. Кейтар прислушалась, пытаясь с помощью своей магии определить, есть ли где-то под развалинами живые люди. Несколько мгновений она стояла неподвижно, а затем решительно направилась в сторону одного из закрытых помещений первого этажа.

Подойдя к тяжелой двери, богиня обратилась к запершимся внутри людям:

–Вы можете выйти, жители золотых песков, теперь здесь безопасно.

Ее звучный глубокий голос, усиленный магией, разнесся по всему форту, словно легкий порыв ветерка, дарующий надежду в жаркий летний день. Форт начал оживать, заскрипели двери, загрохотали отодвигаемые засовы, и первые эгасцы вышли во двор. Увидев перед собой ту, чей образ был знаком каждому по рисункам в книгах и на стенах святилищ, люди застывали на месте и не могли оторвать глаз от прекрасной Кейтар. Ее тело источало бледно-голубое сияние, ее голос звучал в их ушах музыкой надежды и радостью спасения. Только что пережившие самую страшную ночь в своей жизни, жители Эгасса, испытывали теперь новое потрясение, только оно несло на себе печать доброй силы почитаемой ими богини.

–Я сожалею, что не успела спасти всех, и народ Эгасса все же понес потери. Идите на берег, скоро сюда прибудет корабль с пищей и лекарствами. Идите и не бойтесь, больше злобный дух моей мятежной сестры не будет вам угрожать, ибо она развеяна в пыль и рассеяна по всему миру.

Когда люди начали кланяться ей со словами благодарности, Кейтар мягким жестом остановила их, однако не отказала в благословении каждому, кто проходил мимо нее. Богиня легко касалась своей сияющей рукой голов детей, женщин, мужчин и стариков, не делая никаких различий между ними. Матери шептали своим детям, чтобы те запомнили этот момент, ведь сама волоокая Кейтар вернулась в земли Эгасса, и они вновь находятся

под ее защитой и будут жить в здравии и процветании с благословения доброй богини.

Пока одни люди покидали форт, другие, принялись открывать занесенные песком заблокированные двери, которые вели в подвал. Кто-то осмелился подняться на второй этаж форта и оттуда раздался сдавленный крик ужаса и отчаяния. Кейтар легко воспарила над землей и заглянула в развалины верхних залов. Снова сердце ее заныло, слишком много людей погибло там, когда, не выдержав напора урагана, осыпалась черепица и рухнули вниз тяжелые потолочные балки. Однако и там нашлись выжившие. Богиня аккуратно, стараясь не причинить боли людям, расчищала своей магией эти завалы, а те, кто уцелел и не ушел на берег моря, вытаскивали раненых и уцелевших. Их спускали во двор, укладывая прямо на песок, покрывший холодный каменный пол.

Работа эта шла так долго, что лишь ближе к закату им удалось освободить и перенести в безопасное место всех эгассцев. Люди валились с ног от усталости, но Кейтар, чей божественный дух бледным сиянием озарял наступающие на побережье сумерки, теперь не ведома была усталость тела. Последнее человеческое тело, в котором она восстанавливала свои силы, теперь носят где-то неугомонные волны, а возможно его уже даже обглодали хищные рыбы. Это не заботило Кейтар сейчас, важнее всего было накормить, вылечить и устроить на ночлег всех этих несчастных людей.

Тем, кто был в плачевном состоянии, богиня оказывала помощь сразу, она щедро делилась своей магией и силой, вливая ее в раненых. Сила эта не могла вылечить мгновенно, но ускоряла заживление ран и умиряла боль. Теперь, когда Путир сгинула навсегда, ей незачем было беречь свою магию, да и она задолжала этим бедным людям за то, что прибыла к ним на выручку слишком поздно.

Тем временем, пока Мэлдин и Кейтар помогали несчастным эгассцам, те из людей, кто не пострадал от урагана, и сами не сидели без дела. Одни вызвались носить воду из колодца, ко-

торый боги очистили от песка, другие насобирали обломков деревьев и развели костры, третьи сооружали некоторое подобие защиты от морского ветра, составляя в полукруг телеги и уцелевшие палатки.

Никто не задавал лишних вопросов, когда неподалеку встал на якорь слегка потрепанный фрегат, и от него к берегу отправились груженные шлюпки. Те иноземцы, о которых их предупредила богиня, выгрузили на берег бочки с солониной, ящики с сушеным мясом и фруктами, мешки с орехами и какие-то неизвестные эгасцам травы, которые велели бросать в котлы с водой, чтобы получить травяной отвар. Измученные пережитым жители золотых песков, многие из которых никогда даже не видели чужеземцев, в обычных условиях перепугались бы и отнеслись к ним настороженно. Однако сейчас они доверились своей богине, и лишь время от времени бросали на приезжих любопытные взгляды. Занятие нашлось каждому, от стариков до маленьких детей, которым было велено собирать и нести к кострам обломки веток, или следить за закипающей водой.

Берег превратился в один огромный лагерь, еще больший, чем вчера, потому что большинство эгасцев предпочло выбраться из форта и остаться на ночь на берегу. Адария безучастно смотрела на происходящее, она валилась с ног от усталости, весь день проведя в хлопотах и беготне по огромному лагерю. Ее дорожный костюм покрылся слоем грязи, пыли и крови, волосы растрепались, и она не придумала ничего лучше, чем подвязать их первым попавшимся куском веревки. Дочь правителя золотых песков сейчас была неотличима от обычной нищенки.

После скудного ужина и нескольких глотков горячего настоя, Адария готова была лечь спать прямо на землю, так она устала. Она промыла столько ран за этот день, сколько до этого никогда не видела за всю свою жизнь, и лишь каким-то чудом ни разу не почувствовала дурноты от увечий, которые представляли перед ее глазами. Усталость и пустота завладели ее душой, и сейчас Адария казалась сама себе всего лишь оболочкой, телом,

механически совершающим нужные движения. Она глядела на огонь, слушала тихие голоса людей, где-то над лагерем иногда проносились звуки протяжной печальной песни, которую пели на похоронах. Люди оплакивали своих умерших и сжигали на высоких кострах изувеченные стихией тела.

«А я даже не знаю, где отец, Кэсмей и Рэйна с Меллиной» — подумалось ей вдруг, когда она поняла, что не видит возле себя ни одного знакомого лица. Адария была настолько вымотана, что даже не удивилась собственному равнодушию и тому, что за весь день у нее ни разу не мелькнул в голове этот вопрос. Никаких чувств не осталось у нее внутри, только тупое равнодушие. Завтра, все это она узнает завтра, а сейчас нужно просто немного поспать. Дочь правителя золотых песков укуталась в чей-то порванный измятый плащ и, устроившись поближе к костру, закрыла глаза. День был слишком трудным, чтобы думать и переживать о чем-то или ком-то.

Шум над лагерем постепенно стихал, лишь те, кто следил за кострами и ранеными, продолжали вести тихие беседы или молча смотрели на танцующий под дудку морского ветра огонь. Чистое, черное, без единого облака, ночное небо высоким шатром раскинулось над побережьем. Острые огоньки далеких звезд подмигивали людям, живым и мертвым, спящим и бодрствующим, тем, кто в этот страшный день понес потери, и тем, кому повезло увидеть в живых своих близких. Звездам было все равно, кто видит их бессмертный, пронзительно чистый свет, они лишь тихо перемигивались над истерзанной землей Эгасса в своих далеких чертогах, бледные и равнодушные к человеческим страданиям.

— Даруй им сон, пусть забудут свои тревоги хотя бы на эту ночь, — обратилась к своему божественному супругу волоокая Кейтар, нежно касаясь его руки.

Бог и богиня стояли на стене полуразрушенного старого форта и смотрели с высоты на разбросанные по берегу костры. Тут и там живые островки пламени согревали людей, даруя им тепло и надежду, напоминая о доме, которого больше нет.

–Как пожелаешь, моя госпожа.

Бог смерти и сна поднял перед собой руку и раскрыл ладонь. Он подул на нее, и ветер тотчас понес в сторону лагеря крохотные круглые облачка, сияющие бледно-серым светом. Через некоторое время голоса над лагерем стали затихать, а потом и вовсе смолкли. Остался лишь шелест волн и треск горящего дерева. Черная гладь моря, безупречно отражавшая цвет ночного неба, нежно укачивала стоявший на якоре фрегат, чем темный силуэт в ночи напоминал большое сонное чудовище.

Кейтар положила голову на плечо Мэлдина, задумчиво глядя в пустоту. Никто из них не решался первым нарушить установившуюся тишину. Они наконец были вместе, спустя столько лет, они победили злобную богиню, но чего им это стоило? «Что ж, даже боги платят свою цену за избавление мира от такого зла, как Путир» – подумала волоокая богиня. Она не стала делиться этой мыслью с Мэлдином, слишком много горечи таилось сейчас в ее бессмертном сердце, богиня лишь крепче сжала его пальцы.

–Нам предстоит много дел. Мы должны вернуть Эгассу то, что отняла моя сестра, – тихо сказала Кейтар, не сводя глаз с мерцающей поверхности моря.

–И мы сделаем это. Я понимаю твою печаль, ведь это был и мой народ тоже, к тому же я проживал последнюю человеческую жизнь именно эгассцем. Нельзя было победить зло, подобное Путир, без жертв. Зато оставшиеся в живых станут больше ценить жизнь.

–Я не сумела прибыть вовремя, и это станет моим вечным наказанием. Но все же у нас осталась еще одна жизнь, которую следует спасти, – задумчиво произнесла богиня.

–О ком идет речь? – удивился Мэлдин, вопросительно вскинув брови.

–Помнишь, я сказала, что она покусилась на самое священное и вынула душу из живого человека?

–Такое сложно забыть. Однако я полагал, что этот человек теперь мертв, и душа его перешла в мир теней.

–Мертво только его тело, а душа осталась заточенной в том ноже, которым она проводила ритуал. Она подожгла хижину, когда уходила, и думала, что нож сгорит в пламени пожара, а вместе с ним и душа несчастного. Митранди принес мне этот нож. Завтра я заберу его у Дэррана, и мы с тобой должны найти подходящее тело. Путь этой души не окончен, и коль уж не могу я вернуть то тело, что дано было ему при рождении, то в моих силах найти ему другое.

–Это будет сложно, Кейтар. Даже для меня.

–И все же мы должны попытаться. Он был моим посланником и пал жертвой козней Путир. Я не могу отвернуться от него.

Кейтар устало вздохнула, ее глаза задумчиво скользили по величественному небосводу, по огонькам костров и теням спящих людей. Мир наконец был свободен от бесконечной угрозы в лице ее мятежной сестры, пришло время покоя и созидания для этой страны и ее людей. Богиня жизни сжала пальцы своего супруга, и оба они, не сговариваясь, воспарили в небо и направились к реке, где когда-то был живописный берег с длинноволосыми ивами. На нем они любили бывать в те далекие счастливые дни, когда бешеная ярость Путир еще не начала отравлять их бессмертные жизни и жизни простых людей Эгасса.

14

Утро застало Адарию врасплох, сразу окатив волной людских голосов и прохладными порывами ветра. Солнце едва успело подняться над сверкающей поверхностью моря, как люди уже начали просыпаться, и жизнь в лагере закипела. Молодая женщина со стоном размяла затекшую руку, которую не слишком удачно подложила себе под голову, чтобы было удобнее спать. Спала она крепко и без снов, тело ее успело немного отдохнуть за ночь, однако на душе по-прежнему было скверно. Никто вокруг, казалось, не узнавал ее, так мало она сейчас походила на дочь правителя золотых песков в своей запачканной рваной одежде. Люди суетились, готовили отвары, раздавали

еду, перевязывали раненых, и Адария вдруг ощутила себя такой ненужной и чужой среди них, что ей стало совсем не по себе.

Наскоро выпив полагавшуюся ей порцию травяного отвара, съев кусочек сушеного яблока и натянув шарф пониже, чтобы скрыть лицо, молодая женщина ускользнула от группы эгассцев, среди которых спала в эту ночь, и тут же остановилась, не понимая, куда ей идти. Везде, куда ни кинь взгляд, она видела сотни и сотни людей, лагерь занял огромную территорию, и теперь, когда все покинули форт, на побережье не осталось ни одного пустого места. Она постояла какое-то время, бездумно глядя на проходящих мимо людей и не зная, что ей делать, пока взгляд ее наконец не зацепился за высокие стены полуразрушенного форта. Дочь правителя оглянулась по сторонам, и, убедившись, что на нее никто не смотрит, пошла в сторону старой крепости.

Ей пришлось долго и медленно пробираться к своей цели. На пути то и дело попадались дети, старики или раненые, которых приходилось обходить стороной. Адария ожидала увидеть вокруг лишь измученные и печальные лица, но к своему удивлению обнаружила, что многие эгассцы улыбались, кто-то даже пел веселые песенки.

«Они избежали опасности и теперь смогут вернуться домой. Наверняка Мэлдин и Кейтар помогут им восстановить дома или хотя бы расчистить завалы после урагана. А где будем жить мы, если Белый дворец разрушен?» – невольно задалась она вопросом. Эта мысль потянула за собой другую, и Адария вспомнила, о том, что пора разбудить отца, а значит ей нужно найти Мэлдина. Она вяло окинула глазами толпу, но нигде не увидела бледно-серого света, который окутывал его фигуру, фигуру бога смерти, который за короткое время успел стать ее другом.

«Я успею найти его, быть может он и сам уже догадался разбудить отца» – подумала она. Нет, не могла она больше находиться среди всех этих людей, ей нужно побыть одной или хотя бы получить иллюзию того, что она одна. Вот что гнало ее в стены старого форта, в то время как люди вокруг нее, памятуя

о пережитом внутри крепости ужасе, не хотели приближаться к ней ни на шаг.

Когда Адарии удалось добраться до ворот, где сиротливо висела тяжелая деревянная створка, никто не обратил внимания на то, что какая-то девушка вошла внутрь. Люди были слишком заняты, радуясь жизни в самых простых ее проявлениях и хлопота над детьми и выздоравливающими.

Молодая женщина проскользнула за стены форта, отошла в тень и осмотрелась. Раненых уже вынесли, мертвых сожгли еще вчера на берегу. Воспоминание о жутком запахе погребальных костров, который, казалось, намертво въелся в ее волосы и кожу, вызвало у нее легкую тошноту. Теперь двор был пуст, если не считать разбитой черепицы и куч песка, даже обломки деревянных балок вчера растащили на костры. Адария, убедившись, что ей здесь никто не помешает, вошла в один из пустых залов, стены которого с виду выглядели надежными и не грозили обрушиться ей на голову. Только вчера здесь повсюду, словно тяжелый туман, клубился дух страха, а теперь это были просто пустые помещения с беспорядочно раскиданными лавками и сундуками.

Адария, машинально пошла в самый далекий и темный угол, где лежал забытый кем-то соломенный тюфяк, присыпанный, как и все вокруг, песком. Молодая женщина стряхнула песок и рухнула на это потрепанное ложе. Тихий сдавленный крик вырвался из ее горла. Солома заглушала звуки и впитывала слезы, которые полились из ее глаз. Кажется, до нынешнего момента она и не понимала, каким тяжелым стал для нее вчерашний день, а теперь еще и острое, как только что заточенный нож, чувство отчаяния встало перед ней с самого утра.

Когда наконец иссякли слезы и затихли всхлипывания, дочь правителя села, обхватив руками поджатые к груди ноги. Она положила подбородок на колени и долго еще смотрела в пространство невидящим пустым взором. Адарии казалось, что со слезами из нее вышли остатки всех чувств, а в душе осталась лишь бездонная черная яма. Куда ей идти? Что делать? Только

искать Мэлдина, а потом идти к отцу за упреками, ничего иного не приходило ей сейчас на ум. Молодая женщина осторожно вытерла слезы с лица тыльной стороной ладони и поднялась с тюфяка.

Далеко идти ей не пришлось. Едва Адария ступила на неровный, мощный камнем двор форта, в пустых воротах показалась сияющая серым светом фигура бога сна и смерти. Его истинный облик не имел ничего общего с внешностью советника Керанта — форма лица, нос, разрез глаз и даже цвет его кожи стали иными, но все же в повадках и походке еще угадывалось что-то от человека, в чьем теле он еще недавно был заключен. Адарии было непривычно и странно осознавать, что это божество и есть главный советник ее отца, точнее, было его советником. Вряд ли он захочет продолжить подобную карьеру теперь, когда наконец освободился от бремени человеческой жизни и вернулся к своему изначальному состоянию.

Адария нервно усмехнулась подобной мысли и огляделась вокруг. Солнце стояло в зените, и стены форта почти не давали тени в это время дня, небо было пронзительно-синим и таким чистым, словно кто-то отполировал небесный свод, не оставив на нем ни единого облачка. Над останками форта время от времени пролетали птицы, и их пронзительные крики смешивались с шумом толпы за стеной.

Мэлдин, в длинном просторном одеянии, шел к ней через двор, и отблески серого свечения падали на камни и стены, делая их очертания зыбкими и неестественными. К удивлению Адарии он был один, без Кейтар, чей облик ярким видением ворвался вчера в этот мир в ответ на их молитвы. Адария вспомнила, как поразил ее вчера вид бессмертных богов, связанных вечными узами друг с другом и с землей Эгасса. Она не знала, что сказать этому новому воплощению Керанта, и потому молча ждала, когда он заговорит.

— Вот и все, — просто сказал мужчина, подойдя к оцепеневшей Адарии. — Эгасс спасен. Мы сделали это вместе, госпожа Адария, и я благодарю тебя за помощь.

–Я ничего особенного не сделала, и привела многих жителей моей страны на верную смерть, – тихо ответила ему Адария, и ее взгляд безучастно скользнул по лицу бога смерти.

–Это не твоя вина. Мы с Кейтар понесем это бремя. Мы должны были избавиться от Путир давным-давно, но дали ей шанс, возможность обдумать свои страшные дела, – он замолчал, а спустя пару мгновений добавил. –Я разбудил Аталира сегодня утром.

Адария встревожилась и подняла на него полный мрачных предчувствий взгляд.

–Он злится на меня?

–Он ослабел за время путешествия, но не злится, нет. Когда он увидел меня таким, а потом и Кейтар, – Мэлдин рассмеялся и продолжил. –Он был удивлен сверх всякой меры, но мы конечно объяснили ему все, и про то, что сны были действительно посланы Кейтар. Да и трудновато сердиться на своих богов, не так ли? Теперь, госпожа Адария, ты можешь сама выбирать свою дальнейшую судьбу. Можешь уйти в храм, можешь найти себе мужа, все, что угодно. Мы поможем тебе в любом случае.

–Я не уверена теперь в том, чего бы мне хотелось, – призналась дочь правителя.

–У тебя есть время подумать, – пожал плечами Мэлдин. – Твой отец, госпожа, по правую сторону от ворот, для него поставили большую палатку, так что ты легко найдешь его. Где-то поблизости будет и Кэсмей с твоими служанками, я полагаю.

–Спасибо за помощь, господин Мэлдин, но я не хочу сейчас их видеть, – ответила Адария.

–Как только меня не называли в истинном облике, но господином Мэлдином я уж точно еще не был, – усмехнулся бог смерти.

–Как же мне тогда обращаться к тебе? – смутилась молодая женщина.

–Полагаю, мы можем просто звать друг друга по именам, раз уж между нами сложилось что-то вроде дружбы, так ведь это принято среди людей. Не думай, что раз я бог смерти и сна, то

у меня нет чувства юмора. Я вовсе не так молчалив и мрачен, как любят изображать меня люди. Смерть — это не только печаль и боль, это еще и свобода, возможность продолжить свой путь так или иначе.

—Это будет странно, — сказала Адария и поймала себя на том, что уголки ее губ приподнялись в легкой улыбке.

Кто бы мог подумать, что сам бог смерти однажды назовет себя ее другом. Это была еще одна большая странность в череде событий, которые произошли с ней с тех пор, как Кейтар даровала ей тот вещий сон.

—Что ж, мне пора, Адария, — мягко сказал Мэлдин и улыбнулся молодой женщине. —Есть еще одно неотложное дело, с которым надо разобраться.

—Могу ли я... могу ли я пойти с тобой? Мне не хотелось бы сейчас быть среди людей, — неожиданно для себя самой призналась Адария.

—Пожалуй, можешь, — ответил Мэлдин, немного поразмыслив. —Правда, не обещаю, что зрелище будет приятным. Я попробую поместить в новое тело душу человека, который попал в плен к Путир. Кейтар направила его сюда, он должен был найти тебя и передать послание, потому что до тебя она тогда не могла достучаться. Однако судьба распорядилась иначе — он попал в лапы Путир, и теперь душа его в плену ножа, который она использовала для ритуала.

—Это ужасно, — только и сумела выговорить Адария.

—Да, — просто ответил Мэлдин, и в лице его вдруг прорезалось что-то древнее и жестокое, когда он скрипнул зубами от злости.

Адария с опаской посмотрела на него. Воистину, бог смерти носил множество масок, и под ними скрывался его старый как мир дух, отправляющий души в иной мир после смерти телесной оболочки. Однако вскоре на лицо Мэлдина вернулось то самое привычное выражение, которое она часто видела, когда он был Керантом. Слегка приподнятые уголки губ, насмешливый взгляд и спокойная уверенность в себе.

–Идем. Я уже подобрал подходящее тело.

–Подходящее? А как же то, которое принадлежало ему? — озадаченно спросила Адария, спеша вслед за Мэлдином, который уже направлялся к выходу из форта.

–Путир не оставила от него ни кусочка, его просто разорвало на части, — спокойно ответил бог смерти.

Адарии стало не по себе, когда ее ум нарисовал перед ней картину разрываемого на куски человека. Это было отвратительно, и она уже жалела, что задала свой вопрос. Под ее ногами сухо хрустел песок, и теперь дочери правителя казалось, что она ступает по чьим-то костям. Ее замутило от подобных мыслей, но она постаралась взять себя в руки. Поворачивая вслед за сияющей серой фигурой Мэлдина на тропинку, уводящую куда-то вниз и вбок от форта, молодая женщина поймала себя на том, что ощущение пустоты внутри как будто бы уменьшилось. Раскаленный воздух и жар солнца касались ее кожи, а свежий ветер с моря доносил запах воды и соли, люди болтали, дети смеялись, где-то стонали раненые, и над лагерем расстилался запах свежих лепешек и трав. Было в этих простых вещах что-то, что заставило дочь правителя почувствовать себя более живой, словно она медленно возвращалась к реальной жизни после дурного сна.

Они шли довольно долго, пока лагерь не скрылся из вида, и остановились у покатога склона, ведущего вниз, к реке. Мэлдин подал молодой женщине руку, помогая спуститься по скользкой илистой почве. Когда они наконец спустились, и мутные воды Эгги запели прямо под их ногами, Мэлдин отпустил руку Адарии и отошел в сторону. Он направился к небольшому возвышению возле камышовых зарослей, скинул с него набросанную поверх холмика траву, отбросил в сторону грязный плащ, оказавшийся под травой, и взгляду Адарии предстал мертвый молодой мужчина. С виду обычный эгассец, лет двадцати пяти, в такой же рваной и грязной одежде, какая была после урагана у всех них. Дочь правителя за вчерашний день увидела столько мертвых людей, сколько никогда не видела за всю

свою жизнь, поэтому очередной мертвец не слишком испугал ее. Однако этот вскоре должен был ожить, и именно эта мысль, прокравшись в ее ум, все же внушила ей некоторую тревогу.

Пока бог смерти освобождал тело от травы и обрывков ткани для дальнейшего ритуала, Адария подошла поближе, но, оказавшись подле мертвеца, тотчас отпрянула. На камышовой подстилке лежало тело Керанта с аккуратным круглым шрамом посреди живота, немного выше пупка. Молодая женщина начала пятиться назад и едва не упала, все-таки поскользнувшись на влажной земле. Мэлдин обернулся, и, увидев ее реакцию, произнес, как ей показалось, с долей сочувствия в голосе:

–Я постарался не повредить его, когда освобождался, сам тогда не знал, почему у меня возник подобный порыв. Кейтар подлатала его и позаботилась о сохранности. Он жив, просто пуст, души в нем нет, хотя сердце его бьется, разгоняя кровь. Можешь думать об этом состоянии, как о сне, если тебе так будет легче.

–Почему? Почему нельзя было выбрать другое? –спросила потрясенная Адария.

–Душа того человека перенесла очень тяжелое испытание, она была вырвана из тела. Ее очень сложно будет привязать обратно, а это тело изначально было особенным, потому что мой бессмертный дух вошел в него еще до рождения и был привязан к нему. Думаю, что проще всего будет поместить заточенную душу именно в него, оно уже проходило через подобное и должно выдержать. Тело обычного человека тут вряд ли пригодилось бы.

Адария не верила своим глазам. Ум ее уверял, что Мэлдин жив и стоит сейчас перед ней, а глаза говорили, что вот он, лежит на подстилке из камыша, с совершенно пустым и безучастным лицом, какого никогда не бывает у спящих, и даже дышит. Это явное и нелепое несоответствие совершенно выбило ее из колеи, и она лишь во все глаза смотрела на бога смерти, пытаясь представить, каково будет увидеть советника, в теле которого окажется другой человек. Она покачала головой, сомневаясь, что сумеет

выдержать подобное зрелище. Адария ожидала, что Мэлдин рассмеется и заверит ее, что все будет в порядке, подумаешь, какой-то чужеземец займет место советника. Однако сейчас бог смерти и сна был абсолютно серьезен и спокоен. Светло-серый свет вокруг него сгушался и темнел, постепенно скрывая очертания его фигуры, пока он не превратился в плотное темное, словно грозовая туча, облако, излучающее тусклое свечение.

Адария не успела ничего сказать ему, ей оставалось лишь смотреть, как мелькают в густом облаке руки бессмертного бога, и слушать какой-то тихий напев, как видно заклинание. Молодая женщина стояла, а пораженная происходящим, полная неясного беспокойства. Вдруг она почувствовала чье-то присутствие и повернула голову. Чуть позади и сбоку от нее стояла волоокая богиня. Ее дивные глаза с поволокой понимающе и печально глядели на дочь правителя золотых песков, она подошла ближе, и ее сияющая рука мягко опустилась на плечо Адарии.

—Я еще не поблагодарила тебя, дитя, за твою смелость и помощь в спасении жителей Эгасса. Вы с Мэлдином проделали нелегкий путь и сумели сохранить много жизней. Благодаря этому мне удалось уничтожить Путир, — сказала богиня жизни, и голос ее как нежный ветерок пронесся над берегом и отозвался в сердце Адарии мелодичным эхом.

—Я следовала тому сну, который послала мне ты, госпожа, — скромно ответила молодая женщина.

Вчера, когда она впервые воочию увидела Кейтар, то была поражена ее величием и сияющей красотой, такой далекой и чудесной казалась ей богиня. Теперь же Адария поняла, что никогда не сможет обратиться к ней запросто по имени, как это было с Мэлдином. Тот успел стать ее другом за это время, Кейтар же оставалась в ее представлении бессмертной богиней, той, к которой она обращалась с молитвами, той, что хранила жизни и посылала пророческие сны, и ей казалось страшным кощунством вести себя с богиней как с обычной женщиной.

—Как и Роммин Дэйн, — с горечью выдохнула богиня, переводя взгляд с встревоженного лица молодой женщины на тем-

но-серое облако, из которого по-прежнему доносилась тихая как шелест речной воды песня заклинания.

–Это имя того человека?

–Да. Он жил далеко отсюда, в большом шумном портовом городе, но оставил все, что было ему дорого, чтобы исполнить мою волю.

–Я не знала, что в других странах тоже поклоняются тебе, госпожа.

–Этот мир знает меня и Мэлдина под разными именами, и в стране, из которой приплыл Роммин Дэйн, меня зовут просто Богиней, безо всяких имен. Если у него все получится, – Кейтар кивнула в сторону своего божественного супруга. –то, я позабочусь о том, чтобы мой посланник ни в чем не нуждался до конца своих дней, и отправлю его домой на том корабле, который привез сюда меня саму. Это меньшее, что я могу сделать для него теперь.

Адария хотела спросить еще что-нибудь о далекой стране, из которой приехал к ним этот незнакомец, который, как и она, выполнял волю волоокой богини, но тут заметила, что плотное облако вокруг бога смерти начало рассеиваться. Она ожидала каких-нибудь вспышек, землетрясения или сильных порывов ветра, когда тот закончит ритуал, но ничего подобного не произошло. Это была какая-то тихая магия, лишь воздух вокруг них легонько задрожал, всколыхнулся и тотчас успокоился, как будто спала некая невидимая пелена.

Мэлдин, вокруг которого снова сиял серый свет, поманил их к себе, и обе женщины подошли поближе к тростниковому ложу. Втроем они склонились над телом, чья грудная клетка продолжала мерно подниматься и опускаться. Двое богов и смертная женщина с любопытством и тревогой глядели на лежавшего перед ними мужчину. Адария все никак не могла отделаться от мысли, что перед ней лежит главный советник, однако, когда человек неожиданно открыл глаза, даже ее ум поверил в то, что это не Керант, которого она знала.

Кромешная тьма и пустота навалились на Роммина сразу же после того, как тело его пронзила боль. Жуткие слова, которые он услышал от старухи Сароны перед тем, как потерять сознание, въелись в его память и никак не желали уходить. «Да я ведь умираю» – только и успел подумать он, прежде чем погрузился во мрак. Однако в этом мраке, в этой беспросветной тьме, он почему-то продолжал еще помнить себя и свои мысли. Странное чувство обуяло Роммина. Он словно опять попал в бесконечно длинный и черный подземный ход, который стал его убежищем от разбушевавшейся стихии. Только тела своего он больше не чувствовал. Роммину казалось, будто весь его разум, мысли, все его существо выплеснули в глиняную бутылку и плотно закупорили пробкой, и теперь душа его тщетно билась о стенки этого сосуда, медленно скатываясь к безумию и забвению, не в силах вырваться на волю.

Он не знал, как определить и измерить время в этой абсолютной тишине и пустоте, но успел заметить, что постепенно начинает терять самого себя. «Я Роммин Дэйн, я приплыл из далекой страны в Эгасс, чтобы исполнить волю Богини. Мой дом далеко отсюда, он стоит на высоком холме, с которого видна как на ладони вся гавань. Я работал в порту и помогал находить места для грузов. У меня есть мать, дядя, две сестры и один брат. Я Роммин Дэйн, и меня убили на острове вормотов» – говорил он себе раз за разом, в попытках спастись от безумия и не забыть, кто он такой.

Но время шло, хотя Роммин и не ощущал его течения в этом месте, где он оказался невольным пленником, и душа его начала чахнуть в заточении. Медленно, незаметно, капля за каплей уходили от него давние воспоминания и образы. «Я Роммин Дэйн, я приплыл из далекой страны в Эгасс, чтобы исполнить волю Богини. Мой дом далеко отсюда, он стоит на высоком холме, с которого видна как на ладони вся гавань. Я работал в порту и помогал находить места для грузов. У меня есть мать, дядя, две

сестры и один брат. Я Роммин Дэйн...» — повторял он как заклинание эти простые слова.

Чернота вокруг не менялась, не было ни дня, ни ночи в этом месте. Спроси его, и Роммин вряд ли нашел бы слова, способные описать это состояние и ощущение. Место без времени, без звука и света, царство пустоты и одиночества, место, где не происходит абсолютно ничего.

«Я Роммин Дэйн, я приплыл из далекой страны в Эгасс, чтобы исполнить волю Богини. Мой дом далеко отсюда, он стоит на высоком холме, с которого видна как на ладони вся гавань...» — в очередной раз произнес он про себя привычные слова, затем запнулся и испугался. «Кажется, там были еще какие-то слова? Или не было? Не помню...» — Роммину стало горько и больно, он понял, что теряет себя, растворяясь в пустоте, которая его окружает.

Иногда он выпадал из собственных мыслей, которые итак превратились в поток бессвязных обрывков, но старался держаться изо всех сил. Роммин боялся, что наступит миг, когда он уже не сумеет вынырнуть из всепоглощающей пустоты и мрака вокруг него.

«Я Роммин Дэйн... Я...я приплыл из далекой страны... Куда я плыл и зачем?» — задал он себе вопрос. Темнота уже стала ему родной, и ощущение погруженности в небытие начинало казаться успокаивающим и приятным, но время от времени что-то все же сверкало в угасающем сознании, словно тусклая вспышка во мраке ночи. «Я Роммин Дэйн... Я Роммин Дэйн...» — все что он помнил о себе и о мире теперь умещалось в эту короткую фразу.

— Я Роммин Дэйн. Я Роммин Дэйн. Я Роммин Дэйн. — бормотал лежавший на тростниковой подстилке мужчина, глядя на склонившихся к нему людей безумными глазами, полными непонимания, страха и отчаяния.

Высокая женщина, сияющая нежно-голубым светом, такая красивая, походящая на дивное видение, присела возле него и ласково положила свою прохладную ладонь на его горячий

лоб. Глаза ее светились сочувствием и горечью, когда она бросила на стоявшего рядом мужчину, тоже сиявшего, но светло-серым, быстрый короткий взгляд.

– Я Роммин Дэйн... – снова начал говорить Роммин, он никак не мог остановиться.

Только что он был в жуткой тьме, а теперь его вытащили на свет, под палящие лучи солнца. Где-то рядом журчала вода, и доносились крики голодных чаек, но Роммин не понимал и не узнавал их. Мир волной обрушился на него, оглушая и пугая его измученную заточением душу цветом, светом и звуками.

– Тебя зовут Роммин Дэйн, и ты приплыл сюда из далекой страны, мой бедный друг. Ты страдал, но теперь твоим страданиям пришел конец. Я помогу тебе, Роммин. Все будет хорошо, – снова ласково заговорила сияющая женщина, и Роммин, еще не слишком понимавший смысл ее слов, все же почувствовал некоторое спокойствие при звуках ее голоса.

От руки чудесной женщины исходила приятная прохлада, ощущение покоя и безоблачной невесомой радости. Роммин вдруг вспомнил такие же ласковые руки, которые гладили его по голове в далеком детстве, и попытался улыбнуться, однако удалось ему это с большим трудом. Он попробовал поднять руку, но она плохо слушалась, и пальцы едва сгибались. Мужчина вновь испуганно посмотрел на окружавших его людей, а те лишь обменялись опасливыми взглядами, но ничего не сказали. Роммин попытался сесть, но его тело неловко качнулось вперед, и он едва не упал.

– Не спеши, Роммин Дэйн, пока мы поможем тебе добраться до лагеря, – сияющий мужчина легко подхватил его на руки и понес куда-то.

Прежде чем они поднялись на холм, Роммин успел увидеть, что на берегу был и еще один человек – молодая женщина, чье лицо показалось ему смутно знакомым. Она, в отличие от этих двоих, не сияла, и кожа ее была цвета кофе. «Я знал ее раньше?» – тут же пришла беспокойная мысль, однако она улетучилась также быстро, как и пришла, стоило

ему обратить внимание на то, что женщина последовала за ними.

Солнце светило очень ярко, поразительно синее, чистое небо нависало над ними, и Роммин ошалело смотрел по сторонам, пока сияющий человек нес его в какой-то лагерь. Обе женщины молча шли позади них. Та, что источала бледно-голубой свет, выглядела до странности красивой и какой-то неземной, а другая, напротив, казалась совсем обычной. Даже одежда их различалась: первая была закутана в длинное просторное одеяние, похожее на легкий струящийся шелк, вторая же носила простые широкие штаны из хлопка, длинную тунику и легкий шарф, обмотанный вокруг головы и шеи, чтобы избежать солнечного удара. Вся одежда молодой женщины с кожей цвета кофе выглядела изрядно помятой, грязной и кое-где была порвана, словно она вынуждена была скитаться и спать на голой земле. Роммин, с трудом подбирая слова даже для собственных мыслей, задался вопросом, что же ей пришлось пережить до того, как она попала на этот берег?

Однако спрашивать он не стал, чувствуя, что усталость овладевает его телом и сковывает и без того неповоротливый язык. Как они добрались до лагеря и форта, Роммин не запомнил, он сам не заметил, как уснул, убаюканный мерными шагами несущего его человека.

— Устроим его здесь. Я огражу это место с помощью магии, чтобы никто не беспокоил его, — предложил Мэлдин, аккуратно опуская на тюфяк спящего Роммина.

— Он должно быть очень страдал, — серьезно сказала Адария, с сочувствием разглядывая пленника Путир.

— Думаю, да. Его душа почти растворилась, но мы успели вытащить ее. Ты заметила, что он поначалу только и повторял собственное имя? Думаю, это была его последняя связь с реальным миром, — ответил ей бог смерти и сна.

— Кто будет сидеть с ним?

— Мы можем найти кого-нибудь в лагере, чтобы приглядывали за ним, пока он будет поправляться, — предложила Кейтар.

–Я могу это сделать, – неожиданно для себя самой вызвалась Адария. –Я могу присмотреть за ним.

–А как же твой отец? – вкрадчиво спросил Мэлдин.

–Я схожу к нему сегодня вечером, но мне не хочется сейчас находиться среди людей. Я хочу побыть одна, а он спит и мешать не будет.

–Как пожелаешь. Еду и одеяла оставят во дворе, у самых ворот, – пообещал ей бог смерти.

Он и Кейтар направились было к выходу, когда она спросила:

–Роммин Дэйн... он поправится?

Мэлдин быстро обернулся, серый свет вихрем взвился за ним, словно плащ на ветру. Бог смерти уставился на дочь правителя немигающим взглядом, и Адария вновь увидела, как проглядывает сквозь его лицо вся та вечность, которую он прожил, и все те жизни, которые он унес. Он перевел задумчивый взгляд своих глаз на лежавшего в углу человека, чье тело когда-то занимал, склонил голову на бок и произнес:

–Да, это будет долгий путь, и он никогда не станет таким же, каким был раньше, но он поправится.

–Ты можешь помочь ему еще чем-нибудь?

–Хмм... – Мэлдин задумался под испытующими взглядами двух женщин, смертной и бессмертной. –Пожалуй, кое-что я могу сделать.

Он вернулся к Роммину Дэйну, чьи черты сейчас были искажены страданием, сделал легкий пасс рукой, и на лицо спящего опустилась невесомая серая дымка. Она рассеялась так же быстро, как и появилась, однако Адария заметила, что мужчина на тюфяке стал выглядеть более расслабленным и спокойным. Молодая женщина благодарно улынулась Мэлдину, а тот пояснил:

–Ему будут сниться добрые сны. Простые видения – облака, водопады, морские волны и шум деревьев в лесу, смеющиеся дети и ласковые собаки, огонь в очаге и еда на столе. Я не могу заставить его ум видеть сны о родном доме, даже Кейтар этого не сумеет, в моей власти сон и смерть, в ее – жизнь и видения

о будущем. Однако я дал ему то, что близко любому человеческому сердцу, то, что видел и пережил сам, когда проживал жизни в человеческом облике. Будем надеяться, что эти видения смогут ему вернуть память о прошлом и вкус к настоящему.

–Спасибо.

Мэлдин легко склонил голову, прощаясь с дочерью правителя, а Кейтар послала ей добрую улыбку. Уходя, они выполнили свое обещание и скрыли часть форта от любопытных глаз, хотя Адария сомневалась, что кому-то из эгассцев захочется пойти сюда после пережитого в этих стенах.

Молодая женщина нашла в пустом зале перевернутую лавку, с трудом подтащила ее поближе к спящему, стараясь не разбудить его, уселась на нее, опершись спиной о стену и вытянув ноги. Со своего места она видела открытую настежь дверь и часть мощеного камнем двора, рядом лежал на подстилке незнакомец, которого звали Роммин Дэйн. Адария поминутно бросала на него беспокойные взгляды, боясь, как бы ему не стало хуже, но он спокойно спал и выглядел умиротворенным. Она попробовала представить те сны, о которых говорил бог смерти, наверное сейчас они действительно будут лучше всякого лекарства для того, кто чья душа была в заточении и едва избежала гибели.

Дочь правителя задумалась о собственной душе и о том, какая жизнь ждет ее дальше. Теперь отец не сможет заставить ее выйти замуж, и она сумеет осуществить свое давнее желание – стать служительницей храма волоокой Кейтар. Эта мысль, так долго лелеемая в ее душе, сейчас вдруг показалась Адарии немного странной. Когда Кейтар была для нее безликой далекой богиней, ей было проще обращаться к ней и молиться, а сейчас, если задуматься, для нее молитвы волоокой богине будут все равно, что молитвы высокородной правительнице.

Это было очень непривычное чувство. «Что же мне делать, если я не пойду в храм? Искать мужа? Но мне этого совсем не хочется, по крайней мере сейчас. Может было бы неплохо посмотреть, как живут люди в наших краях, или даже в других

странах? Но отец никогда не согласится, чтобы я покинула Эгасс. Наверное он не позволит мне даже поездку по нашим землям. И это тот выбор, который дается женщине?» — с горечью думала Адария.

День близился к концу, теплые, рыжие лучи закатного солнца выкрасили серые камни форта в приятные коричневатые тона. Сумерки тихо и незаметно, крохотными шагами подбирались к покинутому залу. Роммин Дэйн все также спал, его глаза под закрытыми веками беспокойно двигались, словно стремились уследить за сновидениями, посланными ему богом смерти, а Адария все сидела на твердой неудобной лавке, раздумывая о своем будущем.

16

По золотому морю, в котором медленно тонуло заходящее солнце, величаво плыл на всех парусах приземистый, выдавший виды фрегат. Его широкие бока высоко выступали над водой, а гордый нос уверенно смотрел на исчезающее светило. Два человека, мужчина и женщина, стояли там, неторопливо беседуя, пока очередной день прощался с ними, даря лучшее, что у него было — золотой свет, легкий свежий ветер и терпкий запах соли, пропитавший все вокруг.

—Каково это — оказаться в чужом теле? — спросила Адария, осторожно поглядывая на Роммина.

Он шумно вздохнул, и ответил, не сводя взгляда с горизонта:

—Странно. Я все еще чувствую, что оно не мое, как будто позаимствовал его как чужой костюм. Они сказали, что так будет всегда, но со временем я привыкну.

Говоря это, Роммин крепче ухватился за борт корабля, словно это как-то могло уберечь его от неприятного чувства потерянности. Оба они замолчали. Палуба тихонько поскрипывала под ногами, корабль вальяжно покачивался и неторопливо шел на запад, в его родную страну. Мужчина подумал о том, насколько сложно оказалось для него выполнить волю Кейтар и чего

ему это стоило. Он повернул голову и посмотрел на свою спутницу, она тоже заплатила за выполнение воли Богини свою цену, не такую страшную, как он, но все же достаточно весомую. Адария неотрывно глядела на море, закатное солнце тепло подсвечивало ее темную кожу и зажигало желтые блики в янтарных глазах. На какой-то миг Роммину даже почудилось, что в них пляшут языки пламени, так ярко они горели.

В этот раз он переносил морское путешествие гораздо легче, его почти не тошнило, то ли благодаря этому новому телу, к которому ему все еще приходилось привыкать, то ли благодаря какой-то магии, наложенной на него Богиней. Он не стал рассказывать Адарии о том, что до сих пор пугается своего отражения, а во снах часто видит себя прежнего. Роммин был благодарен за это тело, за подаренную ему жизнь, но кое-что вернуть не сумеют даже бессмертные боги.

Его семья — мать, дядя, сестры и брат, его друзья, милая девушка из портняжной лавки, которую он так и не успел пригласить на прогулку. Как он объяснит им, что произошло? Кто поверить тому, что Роммин Дэйн теперь выглядит совсем по-другому? Даже вера в великие силы Богини не сможет заставить его родных узнать в нем прежнего Роммина. Одно дело отправиться в путь, чтобы исполнить ее волю, и совсем другое — вернуться оттуда с поломанной душой и чужим телом.

И все же это было лучше, чем ничего. Он долго думал, как ему поступить, и, в конце концов, решил, что отправит матери письмо. Там он напишет о том, что исполнил волю Богини и решил остаться в чудесной стране золотых песков, нашел хорошую девушку и женился. Не мог он разбить матери сердце, исчезнув из ее жизни навсегда, как не мог и запросто заявиться домой и объявить себя Роммином Дэйном. Теперь мысли об этом стали для него непроходящей болью. Может быть когда-нибудь он наберется храбрости и все же расскажет им правду, но не сейчас. Пока же он решил представиться другом Роммина Дэйна из страны золотых песков, это был единственный способ сохранить хоть какую-то связь с семьей.

В действительности же сейчас у него был лишь один друг в целом мире — дочь правителя золотых песков. Она была рядом с ним, когда воспоминания возвращались к нему, болезненными волнами накатывая на измученный ум, поддерживала его, когда Роммин заново учился ходить и владеть своим новым телом. Роммин же в свою очередь рассказывал ей о доме, о городе, где он родился и вырос, о своей семье и работе. Адария внимательно слушала его и задавала вопросы, а когда он спросил, почему она так интересуется его страной, дочь правителя долго смотрела на него, размышляя, стоит ли посвящать в свои мысли этого человека, которого она знает так недавно. Потом она все же ответила: «В Эгассе у меня никогда не будет такой свободы, какая есть у тебя в твоей стране. Даже теперь, когда наши покровители в лице Кейтар и Мэлдина практически обязали моего отца вернуть равные права на престол Эгасса, и я получила возможность выбирать свою дальнейшую судьбу, выбор этот невелик. Я могу выйти замуж или могу уйти в храм, но теперь я не уверена, хочу ли этого. Я не знаю, как объяснить тебе это, Роммин Дэйн, поймешь ли ты меня. Раньше я верила в волоокую богиню, да и теперь верю, ведь я видела ее своими глазами, просто сейчас я не могу больше молиться ей, как прежде. Что-то изменилось во мне с тех пор, и, боюсь, храм богини Кейтар теперь не сможет стать для меня домом».

Роммин долго думал о ее словах и, в конце концов, вынужден был признать, что и его обуревают те же странные чувства. Боги должны вершить свою волю откуда-то издалека, а когда они вот так просто появляются возле тебя, то становятся какими-то слишком близкими и земными. Впрочем, в этом ему было легче, чем Адарии, которая провела гораздо больше времени среди бессмертных. Это сроднило их и сделало друзьями, это и ее присутствие возле постели Роммина, пока он возвращался к жизни.

В голове его вспышкой мелькнуло воспоминание — ее спокойное внимательное лицо с янтарными глазами и мягкая рука, с до боли знакомым кольцом в форме глаза, подающая ему кружку с водой. Мужчина тогда не сразу узнал ее, но весь ее об-

лик настойчиво кричал ему, что где-то он ее уже видел. Это потом Роммин вспомнил пророческие сны, которые посылала ему Богиня, и девушку в белокаменной башне.

Роммин и Адария успели провести достаточно времени вместе, чтобы дружба их окрепла, прежде чем дочь правителя уехала со своими людьми и отцом обратно в город и свой далекий Белый дворец, который он когда-то видел во сне. Роммин же вынужден был остаться здесь, на побережье, с теми, кто раньше проживал в форте и его окрестностях. Аталиру, правителю золотых песков, сообщили, что главный советник погиб во время урагана, поэтому Роммину Дэйну, чья душа была помещена в тело Керанта, лучше было не показываться на глаза правителю и жителям столицы.

И он остался, все еще под защитой бессмертных Бога и Богини, и многочисленной команды того самого фрегата, на котором он сейчас направлялся домой. Вместе с местными мужчина помогал восстанавливать старый форт и заново отстраивать дома, разрушенные ураганом. Роммин, общительный и открытый по своей натуре, быстро нашел общий язык и с эгасцами, принимавшими его за одного из своих, и с командой капитана Дэррана, однако близко ни с кем из них он так и не сошелся. Кое-что удерживало его на расстоянии от людей — страшный опыт, пережитый им, когда его душа была в заточении, заставлял Роммина тщательно охранять то хрупкое равновесие, которое только начинало устанавливаться внутри.

В один из дней капитан Дэрран сообщил ему, что Кейтар велела отвезти Роммина домой, когда тот достаточно поправится. Она щедро одарила этого ворчливого, наполовину седого человека золотом и камнями, и сама передала Роммину большой, страшно тяжелый сундук, набитый золотыми самородками. Богиня знала, и Роммин знал, что она дала бы ему в сотни раз больше, если бы он попросил, но мужчина не желал безумных богатств, лишь того, что поможет ему встать на ноги и даст время восстановить силы и дух. Он понимал, что на помощь своих родных рассчитывать ему не стоит, ведь для них он теперь будет ка-

ким-то чужестранцем, который привез письмо от Роммина, и помогать ему они будут вовсе не обязаны. Придется начинать жизнь заново, и как ни претила Роммину Дэйну эта мысль, сколько бы боли ни вызывала она в его душе, он понимал, что иного выхода у него нет. Оставалось лишь готовиться к отъезду и размышлять о том, какой станет его новая жизнь. Он еще не был готов смириться с тем, что теперь дух его обитает в другом, совершенно непривычном теле, с тем, что потерял свою семью и друзей, однако практичный ум Роммина уже строил планы, вопреки печали, лежавшей на его сердце.

В день отъезда бессмертные боги снова появились на побережье, такие же сияющие и величественные. Дочь правителя была с ними, и к радости Роммина прибавилась горечь, когда он представил, что им предстоит расстаться теперь навсегда. Капитан Дэрран лишь сухо пробормотал слова прощания, когда Богиня приблизилась к нему и, к удивлению окружающих, нежно поцеловала в колючую щеку. Роммин заметил в тот миг, что старик изо всех сил пытается скрыть свои чувства, и его это даже позабавило. Он уже успел узнать, что Богиня, в то время, когда была человеком, путешествовала на фрегате вместе с Дэрраном и его командой. «Выходит, капитан, несмотря на суровый вид, привязался к той, которую когда-то запросто называл Кейт» — печально усмехнулся про себя мужчина.

Роммин уже приготовился к тому, что прощание с Адарией, ставшей ему хорошей подругой, омрачит весь обратный путь домой, когда она неожиданно улыбнулась ему и перешла от сияющих фигур богов на сторону, где стояли Роммин и экипаж фрегата. Мужчина открыл было рот, чтобы спросить, что все это значит, как она уже ответила.

— Я еду в твою страну, Роммин Дэйн. В Эгассе мне больше делать нечего. Отец теперь женат, и Малана вскоре подарит ему долгожданного сына, — спокойно произнесла дочь правителя золотых песков.

Роммин заметил лукавую искорку, мелькнувшую в глазах бога Мэлдина после слов Адарии. Его божественная супруга, воло-

окая Кейтар или, как называли ее на родине Роммина, просто Богиня, невозмутимо улыбалась. Голубое и серое сияние, исходящее от их фигур, смешивалось и бросало легкие тени на уезжающих, окрашивая лица последних в бледные призрачные цвета.

Прощание с богами было неловким и коротким, Роммина по-прежнему смущала мысль о том, что эти духи, принявшие обличия смертных людей, стоят среди них и так запросто улыбаются им. Кейтар подошла к нему, положила свою ладонь ему на лоб, благословляя и желая удачи в новой жизни. Роммин смущенно поклонился ей и богу смерти, и его примеру последовали и все моряки, кроме разве что капитана Дэррана, который все также угрюмо смотрел на высившиеся вдалеке песчаные дюны.

Наконец, когда все расселись по лодкам, и маленькие суденышки неспешно поплыли к фрегату, похожему на большое довольное чудовище, подставившее бока ласковым волнам, Роммин снова обратился к Адарии.

–Ты говорила, что твой отец вернет власть женщинам по настоянию богов. Как же он так запросто отпустил тебя? И почему ты решила уехать, если теперь твоя жизнь может измениться?

–Это так, и я думаю, что Кейтар и Мэлдин пробудут среди людей настолько долго, что ему волей-неволей придется последовать их пожеланиям. Отец неглуп и прекрасно понимает, что не стоит спорить с богами, но все же он привык править один и так и не простил мне и своему главному советнику нашего самоуправления. Может он и дал бы мне свободу, но его глаза по-прежнему зорко следили бы за мной. Он бы и сейчас никуда не отпустил меня, если бы Мэлдин не поговорил с ним, и если бы его молодая жена не объявила бы так скоро о своей беременности. Отец начал новую жизнь, и мне в ней места нет, но он продолжает цепляться за прежние привычные мысли, за прошлое, где я не имела права решать, как поступить. Видишь ли, отец не изменился, Роммин, а я теперь думаю иначе и не хочу жить как прежде.

Адария замолчала, и Роммин подумал, как бы он сам поступил на ее месте? Наверное также. Быть может это как раз разум-

нее всего — начать новую жизнь вдали от этих земель, там, где деспотичный нрав Аталира не сможет больше повлиять на его дочь. Мужчина немного неуклюже улыбнулся молодой женщине, желая подбодрить ее, но она в тот миг уже отвернулась и смотрела назад. Берег Эгасса уходил от них все дальше с каждым взмахом весла, на нем все еще виднелись две окутанные сиянием фигуры, а высоко над ними парила большая белая птица. Боги и их пернатый посланник провожали Роммина и Адарию в далекий путь и желали легкой дороги.

Сейчас, стоя на палубе вместе с Адарией и любясь закатом, Роммин со смешанными чувствами тоски и радости ждал, когда покажется на горизонте его родная земля. Он много рассказывал ей о городе, о горной гряде и лесах, о животных, которых в Эгассе не было, и молодая женщина внимательно слушала его. Роммин замечал в ее глазах интерес, любопытство и какую-то детскую радость, и мрачные мысли, порой одолевавшие его при мыслях о семье, становились немного светлее. Всегда легче переживать тяжелые времена, когда рядом есть друг, с которым можно поговорить откровенно.

—Знаешь, ни тебе, ни мне вовсе необязательно сразу же селиться в городе, — задумчиво сказал вдруг он, обращаясь к молодой женщине. —Моя страна довольно большая, и мы можем объехать ее всю, если захочешь. Я буду сопровождать тебя.

—Я думала, ты хочешь жить ближе к своей семье, — удивленно сказала Адария.

—Не знаю, я боюсь, что мне будет слишком больно просто видеть их и не иметь возможности подойти и признаться в том, кто я на самом деле. Многие моряки, которых я встречал в порту, говорили, что путешествия лечат душу. Быть может нам обоим станет легче, если мы какое-то время поездим по миру и посмотрим, как живут люди.

Голос мужчины был полон печали и звучал так тихо, что Адария едва услышала конец фразы, однако мысль эта пришлась ей по душе. Молодая женщина еще не успела соскучиться

по стране золотых песков, и душа ее рвалась вперед, к новым впечатлениям, словно птичка, которую наконец выпустили из клетки. Она мягко опустила свою ладонь на пальцы Роммина и ободряюще сжала его руку.

–Нас ждет не такая уж плохая жизнь, Роммин Дэйн. Мы живы, свободны и достаточно богаты, чтобы не волноваться о крове и пище. По-моему неплохо для начала, как ты думаешь?

Роммин бросил на свою собеседницу быстрый взгляд. Она снова глядела на закат, и легкая улыбка сияла на ее безмятежном лице. Теплые слова Адарии грели душу, и мужчина ощутил, как крохотная светлая искорка вспыхнула в его душе, прогоняя прочь морок темных мыслей.

–Наверное ты права. Это и впрямь не так уж плохо, – еле слышно ответил Роммин Дэйн скорее самому себе, чем молодой женщине, и кончики его губ приподнялись в робкой, неуверенной улыбке.

Солнце уже почти целиком скрылось в потемневших морских водах, но Роммин Дэйн знал – новое утро покажет ему причудливо изрезанную береговую линию, с детских лет знакомую ему по старым картам из кабинета дяди. Мужчина глубоко вздохнул. Да, он многое потерял, отправившись в далекий Эгасс по воле Богини, но и приобрел кое-что. В ярких янтарных глазах Адарии вспыхнул и затух последний отблеск уходящего дня, и Роммин протянул ей руку, чтобы проводить в каюту. Ночь сулила желанный отдых, а утро – новую жизнь, полную призрачных пока еще надежд. Роммин Дэйн возвращался домой из далеких краев, в которые увела его дорога сна, и сердце его робко пело в груди, впервые с тех пор, как он покинул землю своих предков.

Анастасия Елагина

По дороге сна

Иногда даже богам нужна помощь людей. Простой работник порта по имени Роммин Дэйн и Адария, дочь правителя Эгасса, страны золотых песков, получают вещие сны, посланные Богиней.

Как изменятся их жизни после того, как они решат исполнить волю Богини? Удастся ли Роммину достичь далекого Эгасса, а Адарии – спасти свой народ и обойти препятствие в виде деспотичного отца, не желающего верить своей дочери?

ISBN 978-5-0050-8726-3

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!